

ИСТОРИЯ HISTORY

Абабкова Н. Н.
N. N. Ababkova

СТАНОВЛЕНИЕ АВАНГАРДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1985 – 1995-е гг.

THEARTICAL AVANT-GUARDE IN THE MAKING: THE SOUTHERN PART OF RUSSIA'S FAR EAST, 1985 – 1995

Абабкова Наталья Николаевна – соискатель кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27; 89141690995. E-mail: Ababkova70@mail.ru

Ms. Natalya N. Ababkova - PhD Applicant, Department of History and Archival Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 27, Lenina Av., Komsomolsk-on-Amur; phone: + 7 914 1690995. E-mail: Ababkova70@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические условия, предпосылки и причины возникновения авангардных театров в СССР с 1985 г. В контексте государственной политики выявлены особенности становления экспериментальных театров на юге Дальневосточного региона в период общественной трансформации общества.

Summary: The paper describes the historical background and specific causes of the birth of theatrical avant-garde movement in the USSR after 1985. In the context of the then current government policies, the author considers the specific features of how experimental theaters were set up and developed in the Southern part of the Far East region in the period of social transformation taking place in the country.

Ключевые слова: авангард, авангардный театр, трансформация общества, модернизация, театральная культура, режиссер, театральная труппа, спектакль, зритель.

Keywords: avant-garde, avant-garde theater, social transformation, modernization, theatrical culture, stage director, theater company, performance, viewer.

УДК 94 (470) (571.6)

Термин авангард театральный (от фр. Avant garde – передовой отряд) был перенесен из сферы политики в область искусства на рубеже XIX в. С тех пор под авангардом театральным принято понимать новые нетрадиционные художественные формы в этом виде искусства [12].

Утверждение исследователей, что авангардные явления характерны для переходных этапов в истории художественной культуры, особенно на рубеже веков, в полной мере находит свое подтверждение в зарождении авангардного направления в театральная культура нашей страны, становление которого приходится на первую четверть XX в.

Первые годы после 1917 г. вошли в отечественную историю как череда громадных потрясений, сопровождавшихся разрушением вековых российских устоев и традиций. Сложившаяся ситуация предопределила реконструкцию всей культурной деятельности в стране. Театральное искусство было поставлено в ограниченные рамки, границы которых устанавливала жесткая советская идеология.

Вместе с тем, на стыке уходящей в прошлое Российской империи и зарождающегося Советского государства в театральном мире появились творческие люди, деятельность которых была отлична от традиционного театрального искусства¹.

Столкновения исторических эпох создали предпосылки для развития особого взгляда на роль театра. Режиссеры-новаторы были различны по жанровым направлениям, но то, что театр обладает огромным потенциалом воздействия на зрителя, ни у кого не вызывало сомнения. В. Мейерхольд отмечал: «Мы часто вообще видим мир при помощи тех очков, которые носил тот или иной большой художник» [6, 3]. Именно присутствие в театре «большого художника», неважно, режиссера или актера, становилось решающим фактором в успешной работе театра. К тому же, авангардный театр предполагал более активную позицию зрителя.

Наивно полагать, что все почитатели театрального искусства разделяли взгляды экспериментальных театров. Тем не менее в 1920-е гг. в театральном мире России появился новый зритель, поддержавший новаторство новоявленных театров, – дитя переломной эпохи, принявший идеи режиссеров-новаторов.

Творчество театра, будь то классического, либо авангардного, всегда направлено на зрителя. Театра без зрителя не существует. Напрашивается вывод, что в период трансформации общества создаются объективные условия для создания авангардных явлений в театральном искусстве, предопределяя появление двух обязательных составляющих авангардного театра – режиссеров и актеров, идущих вразрез с правилами и традициями театрального искусства, и публики, готовой принять, услышать и быть непосредственным участником происходящего на сцене.

К середине 1980-х гг. СССР оказался перед лицом новых общественных потрясений. Новый этап трансформации общества, начавшийся в 1985 г. перестройкой, смена политической формации в начале 1990-х гг. и длительный период экономической разрухи кардинально изменили жизнь российского театра и предопределили возрождение театрального авангарда.

Проводя параллель между событиями 1920-х и 1985-1995-х гг. мы подтверждаем, что на очередном изломе исторических эпох вновь происходит реанимация театрального авангарда.

Наряду с объективными причинами появления авангардных тенденций в театральном мире, нельзя не учитывать и субъективный или личностный фактор. Энергичные люди, подобно своим предшественникам из далеких 1920-х гг., в контексте переломных событий в стране, почувствовали время для созидания нового. Желание творчества и огромный энтузиазм объединял таланты в творческие труппы, которые впоследствии и стали реаниматорами авангарда в театральном искусстве².

На юге Дальнего Востока России возникновение авангардного направления в театральном деле связано с именем Т. Фроловой, организатора первого на Дальнем Востоке авангардного театра-студии «КНАМ», созданного в г. Комсомольске-на-Амуре.

Деятельность «КНАМ» началась в 1985 г. Перестройка в стране стала толчком для творческого эксперимента в работе будущего театра. Анализ прессы данного периода дает представление о том, что, несмотря на периферийность, г. Комсомольск-на-Амуре жил активной политической жизнью. Партийная и комсомольская организации, в русле принятого

¹ Творчество театра Союза Молодежи, В. Мейерхольда, А. Таирова, экспериментальные постановки Е. Вахтангова, С. Эйзенштейна, Фабрика Эксцентрического актера Г. Козинцева, Л. Трауберга и других режиссеров стали основой советского театрального авангарда.

² В центральной России наследие советского театрального авангарда сохранили и развили в своем творчестве авторские театры, такие как Школа драматического искусства А. Васильева, Мастерская индивидуальной режиссуры Б. Юханова, объединение актеров, музыкантов и художников Театр и ряд других, чье творчество отличалось склонностью к эксперименту.

правительственного курса по «упрочению социализма», активизировали свою деятельность по работе с населением.

Культурная и духовная жизнь города оказалась в тени политики. В связи с этим факт появления в столь шумное перестроечное время маленького тихого театра, который всем своим существованием противопоставил себя происходящей реальности, был феноменален.

Коллектив театра открывал для своих зрителей возможность не только по-иному провести свой досуг, но и приобщал их к диалогу, к умению слушать и быть услышанным другими. Вне политики, вдалеке от шумных дебатов и критических выступлений, в уютной домашней обстановке можно было стать участником настоящего зрелища, в котором поднимались проблемы человека, его внутреннего мира. «Здесь вы не просто зритель, а желанный гость» [4].

Таким образом, маленькими новаторскими приемами КНАМ постепенно открывал зрителю другой театр, отличный от привычного и узнаваемого традиционного театра.

Принятие в 1987 г. ряда законов, разрешавших регистрацию юридических лиц и частную форму производства, позволило КНАМ стать официально первым коммерческим театром в СССР. Коллектив состоял из 11 человек, включая режиссера Т. Фролову и директора театра В. Дмитриева [5].

Проблематика спектаклей, режиссерская работа и манера игры на сцене были приняты зрителем³. Поднятые аспекты нравственности, духовного мира человека побуждали зрителя к осмыслению увиденного.

Творчество театра КНАМ не ограничивалось только постановкой спектаклей. В рамках общегородской культурной программы актерским коллективом устраивались передвижные игровые шоу и концертные площадки, импровизированные шуточные концерты-представления, уличные спектакли для детей [7].

Отечественная пресса 1990-х гг. давала неоднозначную оценку творчеству театра. Но факт появления полемики вокруг КНАМа доказывал, что деятельность театра «зацепила» публику, возродила желание говорить, обсуждать. Оценки давались различные, порой полярные – положительные и весьма критические. Однако они были едины в одном – театр не подстраивался под зрителя. «Актеры перестали забавлять зрителя, который сидит барином, откинувшись назад, и ждет, чтобы его услаждали, не пытаясь принять участие в происходящем творческом процессе», – констатировал один из участников обсуждения в прессе очередной премьеры КНАМ. «КНАМовцы перестали считаться с толпой в зале, и она сама начала тянуться к ним» [13].

Постепенно КНАМ смог занять достойное место в социокультурном пространстве города. Кроме постановки спектаклей, участия в российских и международных проектах, театр проводил мероприятия по поддержке молодежи, выявлению острых социальных проблем в жизни города, привлекая к ним внимание общественности [1].

В июле 1999 г. театр принял более современную и отвечающую требованиям закона форму – он получил статус Некоммерческого партнерства «Театр Татьяны Фроловой». Однако свое «историческое» название театр КНАМ по-прежнему использует как своеобразную торговую марку [11].

Определенную роль в становлении авангардного направления в театральном искусстве юга Дальнего Востока сыграло создание в г. Хабаровске театра-студии «Триада»⁴.

³ В конце 1980-х гг. наиболее популярными среди зрителей стали спектакли КНАМ «Убьем мужчину?», «Страсти по Варваре», «Дорогая Елена Сергеевна».

⁴ Создание в г. Хабаровске театра-студии пантомимы «Триада» связано с решением Исполнительного комитета Хабаровского городского Совета народных депутатов от 23 мая 1989 г. за № 170.

Абабкова Н. Н.

СТАНОВЛЕНИЕ АВАНГАРДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1985 – 1995-е гг.

Коллектив «Триады» под руководством художественного руководителя и главного режиссера В.С. Гоголькова не ставил своей задачей просто развлечь зрителя. Прослеживается стремление «Триады» сплотить вокруг своего творчества людей, неординарно мыслящих, в связи с чем свою деятельность театр начал серьезными спектаклями: «Маленькие трагедии» по произведению А.С. Пушкина, «Старик и море» Э. Хэмингуэя, «Коловращения» О. Генри, «Стая» Р. Баха [2].

История театра-студии «Триады» началась в 1970-е гг. с любительской театральной студии во дворце молодежи в г. Комсомольске-на-Амуре, куда приехал работать В. Гогольков после окончания института культуры. Впоследствии В. Гогольков был приглашен на должность преподавателя в Хабаровский институт культуры. Этот город стал знаковым в отношении творческой деятельности для будущего режиссера. Еще в 1975 г. во Дворце культуры профсоюзов В. Гогольков организовал студию пантомимы, с которой, по его словам, все и началось [9].

В 1990-е гг. «Триада» стал четвертым муниципальным театром в г. Хабаровске.

Основой творческой деятельности «Триады» стали три основных направления пантомимы: классическое, клоунада, пластическая драма. Режиссер использовал импровизацию как часть своего творческого метода. Провоцируя актера на импровизацию в рамках заданной поэтической темы, В. Гогольков добивался органичного результата и впоследствии включал его в создаваемый спектакль [8].

В одном из интервью режиссер отмечал: «От шумных сборищ, политических тусовок люди устали – отрицательная энергия их удручает. Очень медленно, робко у людей возникает интерес к серьезному искусству, к музыке, к театру тоже». Искусство массовых зрелищ, по мнению В. Гоголькова, постепенно стало уделом политиков, но не режиссеров. «В искусстве, творчестве ожидаемого результата быть не должно. Это будет уже не искусство, а морализаторство, идеология» [10].

Белый театр – это еще одна страница в истории становления авангардного направления в театральной дальневосточной культуре. Сложное время порождало людей, которые различными способами пытались выразить свое отношение к происходящим в стране событиям. Режиссеру А. Раскину удалось сплотить группу молодых актеров из разных театров, неудовлетворенных творческой атмосферой в государственных театрах⁵.

Творчество Белого театра демонстрировало приход в дальневосточный театральный мир иных художников, художников-бунтарей, отрицавших традиционные формы и правила театрального искусства. Эта позиция была ведущей и в выборе названия для театра⁶.

Сопоставление фактов и событий, происходящих в советском театральном искусстве в 1920-е и в 1985-1995-е гг., позволяет говорить о том, что острые глобальные противоречия модернизации явились объективной причиной реанимации авангардных явлений в театре. Трансформация общества, начавшаяся в 1985 г., создала предпосылки для создания на юге Дальнего Востока экспериментальных театров, внесших существенный вклад в развитие театрального искусства в Дальневосточном регионе нашей страны. Своими неординарными методами и подходами новоявленные театры ломали существующие стереотипы мышления, постепенно приобщая публику к европейской культуре. В непростое для страны время они смогли найти своего зрителя, своим искусством помогая ему отвлечься от угнетающей реальности кризисных 1990-х гг.

⁵ Началу деятельности Белого театра положили театральные капустники, проходившие в Хабаровском Доме актера. В конце 1980-х гг. А. Раскин работал в Хабаровском ТЮЗе и одновременно обучался в ГИТИСе на факультете режиссуры у А. Васильева. Вероятно, именно встреча и сотрудничество с именитым экспериментатором повлияла на творческое становление молодого режиссера.

⁶ Название «Белый театр» было определено не случайно. В основу творчества было положено чистое белое пространство (чистый лист бумаги). В своем творчестве А. Раскин пытался создать из актера не исполнителя чужой воли – воли режиссера, а сделать из него сотворца, соавтора спектакля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкина, Е. Г. Социокультурные проекты театра «КНАМ» в постперестроечный период / Е. Г. Галкина // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № III-2 (7). – С. 71.
2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), Ф.904. Оп.10. Д. 2470. Л.190.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.904. Оп.10. Д. 2470. Л.211.
4. Жмаев, Н. Новое лицо КНАМа / Н. Жмаев // Дальневосточный Комсомольск. – 1987. – 18 декабря.
5. Там же.
6. Изволина, С. А. Театр и философия / С. А. Изволина. – М.: Знание, 1988. – 64 с.
7. Комсомольский-на-Амуре городской архив (КНАГА). Ф.46. Оп.2. Д.260. Л. 109.
8. Осипова, Э. В. Европейское и восточное театральные искусства в метакультурном пространстве / Э. В. Осипова // Ойкумена. – 2010. – № 1. – С. 50.
9. Чернявский, А. Не бойтесь темного леса / А. Чернявский // Тихоокеанская звезда. – 1994. – 17 августа.
10. Там же.
11. Комсомольск художественный: сб. докл. и сообщ. науч-практ. конф. (14-15 мая 2007 г.) / сост. И. И. Шибико. – Комсомольск-на-Амуре : ЖУК, 2007. – С. 174.
12. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/AVANGARD/TEA].
13. Режим доступа: <http://knam.theatre.ru/press/20001115.html>.

Лемешко Ю. Г.

ОХРАНА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КИТАЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ПО ПРОИЗВОДСТВУ НАРОДНОЙ КАРТИНЫ-НЯНЬХУА

Лемешко Ю. Г.

Y. G. Lemeshko

**ОХРАНА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КИТАЕ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ПО ПРОИЗВОДСТВУ НАРОДНОЙ КАРТИНЫ-
НЯНЬХУА**

**PROTECTION OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN CHINA: REGIONAL
CENTERS OF THE NIANHUA WOODBLOCK PRINTING**

Лемешко Юлия Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой китаеведения Амурского государственного университета (Россия, Благовещенск); 675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; +7-4162-394-643. E-mail: ulemeshko@mail.ru

Yulia G.Lemeshko – PhD in philology, Associate Professor, Head of the Department of Chinese Studies, the Amur State University; 21 Ignatievskoe motorway, city of Blagoveshchensk, 675027, Russia; phone: +7-4162-394-643. E-mail: ulemeshko@mail.ru

Аннотация. Статья знакомит с результатами исследования современного состояния региональных центров Китая по производству традиционной ксилографической народной картины-няньхуа.

Summary. The paper presents the results of a study of regional centers where traditional Chinese woodblock nianhua images are produced.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, народное искусство Китая, традиционная ксилографическая картина-няньхуа.

Keywords: intangible cultural heritage, Chinese folk art, traditional ‘nianhua’ woodblock printing.

УДК 745

Проекты по охране нематериального культурного наследия – это целенаправленная политика государства, гарантирующая сохранение национальной памяти, поддержку национальных традиций. Необходимость ее формирования и долгосрочного осуществления была продиктована важными задачами сохранения многовековой культуры Китая.

Одной из наиболее оптимальных моделей сохранения объектов культуры в отдельно взятой стране, по мнению автора статьи «Зарубежный и отечественный опыт сохранения историко-культурного наследия в конце XX – начале XXI в.» О.Г. Литвиновой, является модель ведущих европейских стран – Франции, Великобритании, Германии. Соответствующая законодательная база, сформированная уже к началу XX в., «функционирует при помощи дополнительно внесенных нормативно-правовых актов, которые регулируют отношения между собственниками исторического наследия и государством в соответствии с современной экономической и политической ситуацией нового времени» [5,48]. Азиатскую модель охраны историко-культурного наследия О.Г.Литвинова рассматривает на примере Гонконга и Макао. О.Г. Литвинова отмечает, что для формирования оптимальной организационной модели управления историко-культурным наследием необходимо «взаимодействие четырех основных сегментов: государственная система управления наследием; научно-исследовательские институты; структуры гражданского общества; физические лица» [5, 59].

В начале XXI в. правительство КНР предприняло активную работу по охране культурного наследия. Позитивные шаги в этом направлении осуществлялись благодаря финан-

совой поддержке со стороны государства. В 2004 г. Китай присоединился к Конвенции об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. В 2006 г. была принята «Государственная программа развития сферы культуры на период 11-й пятилетки (2006-2010 гг.)» (国家“十一五”时期文化发展规划纲要), которая стала первой долгосрочной программой развития в данной области. Один из 10 разделов документа имел непосредственное отношение к культурному обновлению и защите национальной культуры Китая.

Автор статьи «Охрана культурного наследия Китая в освещении китайских средств массовой информации» Э.А. Саракаева приходит к выводу, что сегодня в КНР «охрана культурного наследия является действительно важной задачей не только для государства, но и для общества, которое в лице наиболее активных историко-охранных организаций и содействующих им волонтеров, побуждает государственные органы к реальным, а не декларативным мерам по обеспечению сохранности памятников истории и культуры» [8, 126].

С октября 2006 г. в столице КНР начал работу всекитайский центр, ставший специальным ведомством по охране нематериального культурного наследия государственного значения. 23 февраля 2012 г. в Пекине открылся международный учебный центр Азиатско-Тихоокеанского региона по охране нематериального культурного наследия. Открытие этого центра доказывает эффективность большинства программ, направленных на охрану нематериального культурного наследия, центр ориентирует другие страны на применение успешного опыта КНР.

Логическим продолжением государственной политики в отношении объектов нематериального культурного наследия является принятие «Закона КНР о нематериальном культурном наследии» («中华人民共和国非物质文化遗产法»). Закон, единогласно принятый ПК ВСНП 25 февраля 2011 г., официально вступил в силу 1 июня 2011 г. Согласно этому Закону, провинциальные правительства и Госсовет составляют списки объектов нематериальной культуры, подлежащих охране. Накануне принятия Закона были опубликованы данные об объектах нематериального культурного наследия материкового Китая, общее количество которых составляло около 870 тыс., 29 из них внесены в «Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества» («人类非物质文化遗产代表作名录»), 6 объектов – в «Список объектов, нуждающихся в срочной защите» («急需保护的非物质文化遗产名录»). На сегодняшний день по количеству объектов нематериального культурного наследия человечества Китай занимает первое место в мире. Для внесения объекта в «Реестр нематериального культурного наследия человечества» и оформления соответствующей заявки китайское руководство предписывает всем инстанциям и учреждениям строго соблюдать прохождение трех уровней: 1) уездный (非物质文化遗产县级), 2) провинциальный (非物质文化遗产省级) и 3) государственный (非物质文化遗产国家级).

Анализируя нынешнюю работу по сохранению искусства китайской народной картины-*няньхуа*, можно заключить, что сегодня практически сформирована программа, направленная на сохранение ведущих центров (школ) по изготовлению народной картины. Руководство страны приветствует и всячески поощряет участие общественности в любого рода мероприятиях, посвященных популяризации *няньхуа*.

Необходимо отметить деятельность известного писателя Фэн Цицая, члена Народного Политического Консультативного Совета Китая, председателя Всекитайской ассоциации фольклора и искусства, заместителя председателя Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства, в 2004 г. Фэн Цицай занял пост председателя правления фонда народной культуры, названного его именем (冯骥才民间文化基金会).

В 2002 г. писатель выступил с инициативой по претворению в жизнь Проекта по спасению народной культуры Китая. Всю энергию и силы он отдает охране культурно-исторических памятников, постоянно путешествует по стране в целях сбора полевого материала, исследует музейные коллекции, представленные в разных провинциях КНР.

Традиционная картина-*няньхуа*, на протяжении нескольких столетий оставаясь важной составной частью китайской простонародной культуры, осуществляла ее преемственность. *Няньхуа*, или точнее *мубань няньхуа* (木板年画) – ксилографические картины, выполненные с использованием традиционных технологий – оттиска с деревянных досок. Они делятся на сюжетные и бессюжетные. К бессюжетным относятся многочисленные картинки с изображением одного, двух или нескольких божеств, это так называемые печатные иконы, которые раньше сжигали во время молитвы и жертвоприношений. Жанровая классификация сюжетных *няньхуа* презентует несколько групп, каждая из которых отличается стилистикой и набором образов (благопожелательные картинки, картинки на бытовые сцены, картинки с познавательно-развлекательными сюжетами, исторические, театральные, литературные *няньхуа* и т.д.).

Название *няньхуа* (дословно: новогодняя картина), которое появилось только в цинскую династию, указывает на ее непосредственную связь с традиционным праздником *чуньцзе* (китайский новый год по лунному календарю). Более века назад, путешествуя по Китаю, академик В.М. Алексеев (1881 – 1951) сделал в своем дневнике запись: «Сюжет лубка доступен и дорог неграмотному, гармонирует со всем укладом его жизни, ибо это свое, а не чужое. Картинки глубоко проникли в обиход, стали тысячелетней модой. В каждый Новый год бедняк наклеивает от одной до десяти таких картинок в разных местах своего жилья: на ворота, двери, стены, потолки, столбы, заменяя прежние, грязные, новыми. Спрос на них поэтому особенно велик в месяц Нового года, когда эти картинки наводняют уличные ларьки и продаются в неимоверном количестве, но и в летнее время ими торгуют и в деревнях и в городах» [1, 45].

Хотя обрядовая и ритуальная составляющая феномена народной картины-*няньхуа* обуславливает устойчивость традиций ее массового производства, но специфика народной картины во многом определяет ее недолгое существование. Рассматривая историю китайских *няньхуа*, И.Ф. Муриан отмечала, что «жизнь народных лубков недолговечна: как правило, старые лубки выбрасываются и безвозвратно исчезают. Со временем уничтожаются и устаревшие и стершиеся доски, с которых печатались лубки» [6, 9].

Проблема сохранности картинок и сохранения традиций этого искусства тесно связана с историей страны. В КНР во время «культурной революции» (1966 – 1977) была развернута кампания «борьбы с четырьмя пережитками старого мира» (*по сы цзю* 破四旧). Во время «культрева» разрушались печатни по изготовлению народных картин, под запрет попадали религиозные сюжеты *няньхуа*, мастера не работали из-за боязни подвергнуться гонениям. Большинство региональных центров (школ) по производству народной картины-*няньхуа* подверглись полному или частичному уничтожению, после окончания «потерянного десятилетия» многие из них так и не были восстановлены.

Многие экземпляры безвозвратно утеряны, отдельные уникальные экземпляры «разбросаны» по стране, некоторые хранятся в фондах провинциальных музеев, но недостаточно изучены, и поэтому с трудом поддаются атрибуции и систематизации. Владельцы частных коллекций, прекрасно осознавая ценность редких экземпляров, выставляют их на аукционах. Иногда стоимость картины, объявленная коллекционером, слишком высока, ее не могут приобрести музеи, библиотеки, НИИ. В газетном сообщении «Картины-*няньхуа* постепенно становятся «потенциальными акциями» для коллекционеров. На аукционе *няньхуа* «Три божества карьеры, счастья и долголетия» была продана за 120 тыс. юаней» («年画渐成收藏“潜力股” 。《三星图》拍出十二万») корреспондент сообщает, что ежегодно накануне традиционного Нового года стоимость редких *няньхуа* заметно вырастает, новогодние картинки становятся хорошим средством преумножения капитала их владельцев. Эта ситуация заставляет задуматься об общей ответственности современного китайского общества за судьбу народных картин-*няньхуа* [7].

В октябре 2002 г. в городе Кайфэн (провинция Хэнань) прошла первая международная конференция, посвященная искусству *няньхуа*, одним из организаторов которой был Фэн Цицай. Вскоре писатель объявил о начале работы по созданию серии книг «Свод китайских ксилографических народных картин» («中国木版年画集成»). В соответствии с первоначальным планом серия должна была состоять из нескольких томов, каждый из которых наглядно представлял сохранившуюся региональную школу КНР (уезды Таньтоу 滩头, Чжусяньчжэнь 朱仙镇, Янцзябу 杨家埠 и т.д.). По мере накопления материала Фэн Цицай и его коллеги, помимо запланированных книг о школах материкового Китая, составили том под названием «Краткие заметки» «拾零卷», демонстрирующий особенности народных картин Тайваня и Аомэня. Сегодня вся серия, состоящая из 22 томов, включает также два тома, посвященных картинам-*няньхуа*, которые хранятся в России и Японии, общий объем этого многотомного издания – 3 миллиона иероглифов, 10 тысяч цветных иллюстраций, некоторые тома обеспечены компакт-дисками, общая продолжительность видеоматериалов – более 1 тысячи минут.

В 12 ныне действующих региональных центрах (школах) искусство создания народной картины-*няньхуа* признано объектом нематериального культурного наследия государственного уровня – *гоцзяцзи фэй'учжи вэньхуа ичань* (国家级非物质文化遗产). Техника изготовления, основные типологические особенности и сюжетное содержание художественной продукции этих школ представлены в «Словаре культурного наследия Китая» [10, 418-421]. Все центры имеют длительную историю становления и развития, периодом их расцвета принято считать время правления цинской династии (1644-1911). На формирование школ оказали влияние как общекультурные традиции китайского этноса, так и локальные. Региональные школы складывались благодаря многим факторам, в том числе спросу населения и уровню развития рынка сбыта.

Самым известным центром, сохранившим традиции искусства народной картины на сегодняшний день, остается поселок Янлюцин (杨柳青). В цинский период благодаря особенностям историко-культурного развития, поселок Янлюцин, находившийся недалеко от города Тяньцзинь, пережил настоящий расцвет [13, 36]. В начале XX в. искусство школы Янлюцин поражало своим многообразием и масштабностью. Вернувшись из Китая, В.М. Алексеев писал: «...по всему Китаю разбросаны фабрики народных картин, особенно их много в Шанхае и Кантоне, но самые лучшие и самые крупные находятся около Тяньцзиня (на этих фабриках во время моего пребывания в Китае насчитывалось до шести тысяч художников, среди которых были настоящие виртуозы типичного лубочного рисунка). Особенно славится своими фабриками, поставляющими картины для всего Северного Китая, Янлюцин – небольшое местечко под Тяньцзинем» [2, 18].

В начале ноября 2011 г. в поселке Янлюцин прошли мероприятия, посвященные подаче заявки на включение искусства изготовления традиционных ксилографических картин-*няньхуа* в список ЮНЕСКО объектов нематериального культурного наследия человечества (*Цзяокэвэнь цзучжи «жэньлэй фэй'и дайбяоцзо минлу»* 教科文组织《人类非物质文化遗产代表作名录》). По поводу этого события Фэн Цицай дал интервью, где, анализируя экзогенные и эндогенные факторы, оказывающие разрушительное влияние на современные школы по производству *няньхуа*, отметил четыре основных вопроса, требующих срочного рассмотрения. Во-первых, это урбанизация, которая не щадит старые мастерские. Во-вторых, существует острая необходимость теоретических исследований, так как «не осознавая истинной ценности *няньхуа*, вряд ли можно говорить об их эффективной охране». В-третьих, это коммерциализация, *няньхуа* с оригинальными сюжетами, выполненные традиционным способом, не выдерживают конкуренции с массовым типографским производством новогодних благопожелательных картинок. Четвертый пункт, обозначенный писателем – «*цзяньли няньхуа сюэ*» (建立“年画学”), дословно можно перевести как «создание науки о *няньхуа*». Формирование самостоятельной научной дисциплины, по его мнению, позволит выработать современную методологию исследования ксилографической картины-*няньхуа* [11].

Лемешко Ю. Г.

ОХРАНА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КИТАЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ПО ПРОИЗВОДСТВУ НАРОДНОЙ КАРТИНЫ-НЯНЬХУА

Фэн Цицай считает, что эти актуальные вопросы во многом способны решить конкретные действия, которые последуют после оформления заявки на включение *няньхуа* в список ЮНЕСКО. Подача заявки стала возможной, поскольку на протяжении ряда лет Китай демонстрировал реальную программу по сохранению этого народного искусства. Кроме экспедиционного изучения школ, была оказана реальная поддержка носителям и хранителям традиций региональных центров изготовления *няньхуа*.

Работа по популяризации знаний о китайской народной картине была направлена в просветительскую сферу.

Ярмарочно-выставочная деятельность призвана знакомить городское население с исчезающими видами народного искусства. Так, например, с 6 по 15 февраля 2012 г. в столице КНР прошла крупномасштабная выставка достижений в области охраны нематериального культурного наследия, которую посетили более 160 тыс. пекинцев. Организаторам выставки (Министерству культуры, Госкомитету по делам реформ и развития, Министерству образования, Министерству науки и техники, Комиссии по делам изучения памятников культуры и истории, Народному правительству Пекина) удалось пригласить более 160 мастеров для того, чтобы они на месте могли продемонстрировать посетителям процесс изготовления произведений прикладного искусства. На выставке присутствовали и мастера, которые являются официальными продолжателями традиций ведущих региональных центров – уездов Янлюцин, Уцянь (провинция Хэбэй), Фэнсян (провинция Шэньси), городов Сучжоу, Мянчжу (провинция Сычуань), Гаоми (провинция Шаньдун) [9].

В начале сентября 2012 г. в городе Цзаочжуан (провинция Шаньдун) прошла вторая китайская ярмарка нематериального культурного наследия. Экспозицию картин-*няньхуа* из уезда Фэнсян (凤翔) представлял Тай Липин (卞立平), мастер по изготовлению *няньхуа* в 20-м поколении. В интервью Тай Липин, положительно оценивая работу по спасению нематериального культурного наследия в стране, с оптимизмом рассказывал о состоянии дел в своей печатне. Мастерами рода Тай восстановлено более 300 сюжетов *няньхуа*, производимых в региональной школе уезда Фэнсян. Есть надежда на возрождение традиций этой региональной школы, в настоящий момент искусство создания народных картин изучают дети Тай Липина [12]. Материальная поддержка продолжателей художественных региональных традиций также осуществляется в контексте единой государственной программы КНР.

Сохранение и возрождение лучших традиций региональных школ требуют от центрального и местного руководства осуществления системной политики, предполагающей интеграцию деятельности министерств культуры, научно-исследовательских институтов и образовательных учреждений. Необходимость мероприятий, направленных на сохранение искусства создания *няньхуа*, продиктована той важной ролью, которую народная картина играет в сохранении национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. / В. М. Алексеев. – М.: Вост. лит., 1958. – 321 с.
2. Алексеев, В. М. Китайская народная картина: Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях / В. М. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 260 с.
3. Вого чэнвэй жэньлэй фэй'и дайбяоцзо цзуй до гоцзя. Чэнь цян. Гуанмин жибао. 2009.10.14 / Китай стал страной с наибольшим количеством объектов нематериального культурного наследия человечества. Чэнь Цян. Гуанмин жибао, 2009.10.14
我国成为人类非遗代表作最多国家. 湛强. 光明日报. 2009.10.14
4. Жан Уцянь няньхуа цзоуцзинь сяосюэ мэйшу кэтан. Ли Сяолэй, Лю хунцинь. Цзяоюй шицзянь юй яньцзю, 2011 № 3 / Необходимо включить в школьные уроки по рисованию обучение искусству няньхуа региональной школы Уцянь. Ли Сяолэй, Лю Хунцинь, журнал «Цзяоюй шицзянь юй яньцзю», 2011 № 3
让武强年画走进小学美术课堂. 李小雷, 刘宏芹. 教育实践与研究, 2011 (3)

5. Литвинова, О.Г. Зарубежный и отечественный опыт сохранения историко-культурного наследия в конце XX – начале XXI в. / О. Г. Литвинова // Вестник ТГАСУ. – 2010. – № 4. – С.46 – 62.
6. Муриан, И. Ф. Китайский народный лубок / И. Ф.Муриан. – М.: Гос. изд-во «Искусство», 1960. – 121 с.
7. Няньхуа цзянь чэн шоуцан “цяньли гу”. «Саньсинту» пайчу шиэр вань. Яньчжао ваньбао. 2012-01-21 / Картины-няньхуа постепенно становятся «потенциальными акциями» для коллекционеров. На аукционе няньхуа «Три божества карьеры, счастья и долголетия» была продана за 120 тыс. юаней. Яньчжао ваньбао. 2012.01.21
年画渐成收藏“潜力股” «三星图» 拍出十二万. 燕赵晚报. 2012.01.21
8. Саракаева, Э. А. Охрана культурного наследия Китая в освещении китайских средств массовой информации/ Э. А. Саракаева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 4. – С. 122-127.
8. “Фэй’и” чэнго дачжань: чуаньчэн жичан шэнхочжундэ вэньхуа чжи мэй. Чжунго вэньхуабао. 2012.02.14 / Выставка достижений нематериального культурного наследия: очарование культуры повседневной жизни. Чжунго вэньхуабао. 2012.02.14
“非遗”成果大展：传承日常生活中的文化之美. 中国文化报. 2012.02.14
9. Чжунго вэньхуа ичань цыдянь. Цю Фукэ чжубянь. – Бэйцзин: Вэнь’у чубаньшэ / Словарь культурного наследия Китая. Ред. Цю Фукэ. – Пекин: Изд-во «Вэнь’у чубаньшэ», 2009
中国文化遗产词典. 丘富科主编. – 北京: 文物出版社, 2009
10. Чжунго мубань няньхуа гоцзи луньтань Тяньцинь чжаокай. Чжунго мубань няньхуа шэньбао шицзе “фэй’и” цидун. Чжунго ишубао. Цзочжу Чжан Чжиюн. 2011.11.07 / В Тяньцине создан международный форум, посвященный ксилографическим картинам-няньхуа. Начаты мероприятия по подаче заявки на включение ксилографических картин-няньхуа в список нематериального культурного наследия. «Чжунго ишубао», Чжан Чжиюн. 2011.11.07
中国木版年画国际论坛天津召开 中国木版年画申报世界“非遗”启动. 中国艺术报. 作者张志勇 2011.11.07
11. Шоучжу чжунхуа вэньхуадэ гэнь. Ван Дань. «Жэньминь жибао хайвайбань». 2012.09.14. ди 15 бань / Сохраним истоки китайской культуры. Ван Дань. Зарубежное издание «Жэньминь жибао», 2012.09.14. С.15
守住中华文化的根. 王丹. «人民日报海外版». 2012年09月14日, 第15版
12. Янлюцин няньхуа чжи люй. Шэнь Хун чжу. – Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 2007. (Сюньчжао шицюдэ няньхуа чжи люй) / Няньхуа Янлюцина. Ред. и сост. Шэнь Хун. Чанчунь: изд-во «Цзилинь жэньминь чубаньшэ», 2007. (Серия «В поисках исчезнувших няньхуа») 杨柳青年画之旅 / 沈泓著. – 长春: 吉林人民出版社, 2007. (寻找逝去的年画之旅)

Дятлов В. В.

СОВЕТСКАЯ АРТЕЛЛЕРИЯ В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ У ОЗЕРА ХАСАН

Дятлов В. В.

V. V. Dyatlov

СОВЕТСКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В ВООРУЖЁННОМ КОНФЛИКТЕ У ОЗЕРА ХАСАН

SOVIET ARTILLERY TROOPS IN THE BATTLE OF LAKE KHASAN

Дятлов Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник Михайловской военной артиллерийской академии (Россия, Санкт-Петербург); 195009, Санкт-Петербург, ул. Комсомола, д. 22. E-mail: V.milbach@yandex.ru.

Mr. Vladimir V. Dyatlov – PhD in History, Associate Professor, Head of the Mikhailovskaya Artillery Academy, 22, Komsomol Str., 195009, Saint Petersburg, Russia. E-mail: V.milbach@yandex.ru.

Аннотация. Статья раскрывает характерные особенности боевого применения советской артиллерии в вооруженном конфликте на озере Хасан в 1938 г. На основе ряда архивных материалов, автор анализирует события и дает оценку событиям 75-летней давности, в частности, раскрывая вопросы: кто первый применил артиллерию в пограничном конфликте, какое количество артиллерии имели противоборствующие стороны, каковы сильные стороны и недостатки в боевом применении советской артиллерии.

Summary. The paper covers the characteristic features of the operational use of artillery by the Soviet army in the battle of lake Khasan in 1938. Proceeding from a number of archival materials, the author analyzes the events and provides his independent assessment of this 75 year-old combat story, in particular addressing such issues as: who first put artillery on in this border conflict? what number of cannons did both warring parties have? what were the strengths and weaknesses the Soviet artillery in warfare?

Ключевые слова: стрелковый корпус, артиллерия, японские войска, район конфликта, огневое поражение противника, начальник артиллерии, гаубичный полк.

Keywords: infantry corps, artillery, Japanese troops, conflict area, fire damage to the enemy, chief of artillery howitzer regiment.

УДК 94

Обострившаяся на Дальнем Востоке в начале 1930-х годов международная обстановка выдвигала дополнительные требования к боеготовности войск и сил флота в данном регионе. Военно-политическое руководство СССР уделяло внимание обеспечению и комплектованию Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) под командованием маршала Советского Союза В.К. Блюхера. Однако во время боевых действий у оз. Хасан вскрылись недостатки в боевой подготовке, организации управления, обеспеченности и укомплектованности частей ОКДВА. Немаловажную роль в вооруженном конфликте у озера Хасан сыграла артиллерия, в ходе боевого применения которой также был выявлен ряд существенных недостатков.

В район боевых действий были стянуты соединения 39-го стрелкового корпуса: 32-я и 40-я стрелковые дивизии, 2-я отдельная механизированная бригада и 39-й корпусной артиллерийский полк. Они дислоцировались в Приморье на значительном удалении от озера Хасан и сосредотачивались в районе боевых действий без всякого плана и чрезвычайно медленными темпами. В частях корпуса был большой комплект личного состава и вооружения. Например, в 40-й стрелковой дивизии было 94 орудия вместо 132. Штаб дивизии доукомплектовывался наспех перед выходом в район боевых действий, а в штабе артиллерии дивизии был только один начальник штаба.

До недавнего времени оставался открытым вопрос об открытии артиллерийского огня в районе вооруженного конфликта. Некоторые современные исследователи указывают, что

первое применение японской артиллерии состоялось 30 июля 1938 г. вечером либо в ночь с 30 на 31 июля (см. прим. 1). Несколько иначе отразил развитие вооруженного конфликта с применением артиллерии начальник артиллерии 39-го стрелкового корпуса комбриг П.Н. Яскин (см. прим. 2): «Полковая батарея и 2-й дивизион легкого артиллерийского полка 40-й стрелковой дивизии прибыли в район оз. Хасан 29 июля. У японцев высота Заозерная была занята. Батарея и дивизион были готовы вступить в бой. Пограничные войска: полковник А. Федотов (см. прим. 3) добивался открыть огонь. Блюхер не дал распоряжения. Японцы вели артиллерийский огонь по нашей территории и частям. 2-й дивизион 40 лап в районе Пакше-кори был обстрелян артиллерийским огнем японцев, дивизион стоял на колесах. Панику создал сам командир дивизиона. Скомандовал: «Руби построики и спасайся». ...Три паникера были разжалованы, преданы суду и расстреляны. 30 июля огонь также не был разрешен. Полковник пограничников огонь открыл по собственной инициативе» (см. прим. 4). Следовательно, 29 июля 1938 г. японская сторона первой применила артиллерию в вооруженном конфликте. Неудачное начало боевых действий советской артиллерии было обусловлено не только отсутствием умелого руководства подразделениями лейтенантами, спешно выдвинутыми на вышестоящие должности. Сказывались недостатки обеспеченности вооружением, техникой, материальными средствами, низкая укомплектованность личным составом и его слабая обученность, отсутствие самостоятельности в принятии решений и инициативы командного состава, централизованного управления войсками в районе конфликта.

Характеризуя обстановку в районе конфликта к концу июля 1938 г., комбриг П.Н. Яскин подчеркнул недостатки в организации боевых действий 40-й стрелковой дивизии: «Гаубичный полк формировался на ходу, людей получили в период выступления, матчасть не полностью. Дивизия вышла неорганизованно. Части не знали, куда они идут, части не знали обстановки, от них это держали в секрете. Командир дивизии полковник Базаров окончательно был ориентирован и получил задачу только 30 июля» (см. прим. 5).

Несмотря на первые неудачи, командиры и политработники стрелковых соединений требовали от артиллерийских командиров обеспечить огнём продвижение частей вперед. Общую нервозность генерировал присутствующий в районе боевых действий начальник Главного политического управления РККА Л.З. Мехлис. Несмотря на доклад начальника артиллерии, что развертывание артиллерии после совершения марша еще не завершено, он приказал начать наступление. Комбриг Яскин отмечал: «Взаимодействие очень слабое. Только требования уничтожить огневые точки противника, наносившие вред... Заявки от всех: комиссар 40 сд, начподив-40; комиссар корпуса выехал на фронт 2 августа и приказал начальнику артиллерии 40 сд отправляться на 1,5 суток в артполк для наведения порядка». При этом и сам начальник артиллерии корпуса вынужден был постоянно отрываться на длительные телефонные разговоры с комиссаром дивизии и комиссаром корпуса, которые требовали от начальника артиллерии ответить на вопрос: почему стреляет японская артиллерия? Комбриг Яскин отмечал как признак отсутствия централизованного эффективного управления войсками в районе вооруженного конфликта «панические настроения и дергания, уклады... вместо грамотных решений и мер» (см. прим. 6).

3 августа 1938 г. в телеграфном разговоре с комкором Г.М. Штерном (см. прим. 7) нарком обороны К.Е. Ворошилов интересовался причинами невысокой эффективности огня советской артиллерии: «...Как оцениваете нашу артиллерию – мат. часть, людей и их умение; почему до сих пор не разгромлена артиллерия японцев; как могут японцы держаться на высоте Заозерная, если их как следует поливать огнем из пары десятков орудий всех калибров?». Наряду с озабоченностью состоянием и действиями советских войск, нарком с оттенком пренебрежения поинтересовался противником: «Что Вы знаете о потерях японцев, во что их оцениваете? Почему до сих пор не взяли хотя бы десятка макак в плен для «языка»?» (см. прим. 8).

Позитивные изменения в боевых действиях в районе вооруженного конфликта начальник артиллерии фронта комбриг Яскин связывал с «реорганизацией в командовании»

и приказом НКО, запрещавшим высшим инстанциям вмешиваться в действия командиров соединений. Штаб 39 ск был фактически создан заново из группы командиров, приехавших из Хабаровска.

К тому времени состав советской артиллерии в районе конфликта увеличился до 610 орудий различных калибров. 4 августа были созданы рекогносцировочные группы: две – командиров дивизий (32 сд и 49 сд), одна – начальника артиллерии корпуса комбрига П.Н. Яскина. Штаб корпуса разработал план подготовки к наступлению, назначенному на 6 августа 1938 г. В корпусе была создана группа артиллерии дальнего действия (ДД), которая имела основную задачу – борьбу с артиллерией противника. В стрелковых дивизиях из дивизионной артиллерии создавались группы поддержки пехоты (ПП) по числу стрелковых полков первого эшелона. Штаб корпуса составил план артиллерийско-авиационной подготовки, но артиллерийская поддержка атаки не была спланирована, что отрицательно сказалось на ходе боевых действий.

К 5 августа в районе боевых действий были сосредоточены 6 стрелковых полков (32-й и 40-й дивизий), одна механизированная бригада (5 батальонов, из них 3 танковых), один корпусной артиллерийский полк (кап), 2 гаубичных и 2 легких артиллерийских полка (лап), одна 203-мм батарея 187-го артиллерийского полка, 2 противотанковых дивизиона, 2 зенитных дивизиона и обслуживающие подразделения. В составе корпуса были 237 орудий, из них 179 калибром 76-мм и выше (см. прим. 9). По оценке командования 39 ск, артиллерия противника насчитывала 14 – 16 артиллерийских батарей (см. прим. 10). Следовательно, советская артиллерия количественно превосходила японскую более, чем в 3 раза.

К началу наступления артиллерийские командиры получили возможность целенаправленно заняться организацией разведки противника и другими вопросами огневого поражения противника. Начальник артиллерии корпуса отмечал: «Разведку вели более организованно. Разведка была нацелена на выяснение огневой системы противника. К исходу дня 5-го мы имели для корпусной артиллерии схему целей с 6 батареями противника. Для дивизионной артиллерии имели 15 % пулеметов от имеющихся пулеметов» (см. прим. 11).

О событиях, развернувшихся в день наступления, комбриг Яскин отметил следующее: «6 августа 1938 г. части до рассвета занимали исходные положения, артиллерия занимала ОП, днем занимать их было нельзя – видны от противника. Противник вообще видел все сосредоточение корпуса. Скрыто не могло быть ничего. План атаки предусматривал пристрелку 45 минут и 1 час артподготовки – частично по целям и по площадям» (см. прим. 12). Наступление показало, что не все мероприятия по его организации были качественно спланированы и выполнены. Так, созданную в дивизиях таблицу взаимодействия батальоны получили «с опозданием – после боя, когда была не нужна». Ввиду недостаточно эффективной разведки, низкого уровня управления, отсутствия организации тесного взаимодействия наступающих стрелковых и танковых частей с артиллерией и авиацией, поставленные наступающим частям задачи не были выполнены в установленные сроки. Начальник артиллерии 39-го стрелкового корпуса отмечал: «С танками до 6.08 планирования не было, в действиях разноразной полный. Даже своя артиллерия мехбригады не помогала и не была использована для сопровождения танков» (см. прим. 13).

Не все мероприятия по подготовке стрельбы и управлению огнем в артиллерийских дивизионах были выполнены в полном объеме ввиду отсутствия в подразделениях достаточного количества таблиц стрельбы, топографических карт, оптических приборов. Артиллерийская геодезическая сеть в районе боевых действий не была создана. Артиллерийские боеприпасы на огневые позиции доставлялись неорганизованно, так как «система заявок и доставка сведений о расходе огнеприпасов отсутствовали до конца операции», что создавало трудности в проведении мероприятий баллистической подготовки стрельбы.

Наблюдательные пункты, особенно корпусной артиллерии, находились на большом удалении от переднего края, что затрудняло разведку и корректирование огня. Подразделения артиллерийской инструментальной разведки и корректировочной авиации отсутствовали.

ли. Все это не могло не сказаться на своевременности и точности огня артиллерии. В результате в ходе артиллерийской подготовки атаки были случаи поражения своих наступающих войск. Отыскать ошибки пытались «остановками огня всей артиллерии», что снижало эффективность огневого поражения противника.

Дополнительные трудности создавало плохо организованное снабжение войск. Артиллерийским командирам приходилось отрываться от управления боевыми действиями артиллерии для решения задач тылового и технического обеспечения. По этому поводу начальник артиллерии корпуса отмечал: «До 6 августа 1938 г. организованного тыла от армии до полков не было. Приказ (по организации работы тыла) вышел лишь 4 августа... Система заявок и доставка сведений о расходе огнеприпасов отсутствовали до конца операции» (см. прим. 14).

О дальнейшем развитии вооруженного конфликта И.С. Яскин сообщал: «7 августа 1938 г. – артиллерийская дуэль. Действия авиации и подталкивание частей в атаку. Танки 6 и 7 августа успеха не имели, отдельные танки доходили до цели, но обратно их возвращалось мало. Застрелили в болоте и расстреливались японскими 37–40-мм пушками. В 32 сд остались исправными 7 танков из танкового батальона дивизии, остальные сгорели, стояли в болоте. 4–5 танков были расстреляны своей артиллерией по приказу командира дивизии. 7 августа часть Заозерной была захвачена 40 сд. В ночь на 8 августа фланги 118 сп и 94 сп соединились на скатах, обращенных к нам. Часть Заозерной 8 августа была в наших руках. Бои мелких подразделений. Полков и батальонов в 40 сд не было, образовались отдельные группы людей. 9–11 августа 1938 года продолжение наступления и стрельба артиллерии обеих сторон» (см. прим. 15).

По сведениям штаба ВВС 1-й Приморской армии в боевых действиях участвовали 680 боевых самолетов (см. прим. 16). С японской стороны авиация не принимала участия в боевых действиях. Несмотря на абсолютное превосходство советской авиации, сложные метеосредства (туманы) и отсутствие взаимодействия авиации с наступающими войсками значительно снижали эффективность её применения. Начальник дальневосточных ВВС комбриг П.В. Рычагов докладывал К.Е. Ворошилову 7 августа 1938 г: «Согласованного плана с т. Штерном еще не имею» (см. прим. 17).

В этой обстановке исключительно важную роль сыграла артиллерия. Ей в ходе боя приходилось решать задачи, невыполненные перед его началом. Полковая и батальонная артиллерия, продвигаясь вместе с пехотой, уничтожали огневые точки врага прямой наводкой и огнем с открытых огневых позиций. Дивизионная артиллерия сосредотачивала свои усилия на подавлении вновь выявленных целей. Корпусная артиллерия (39 кап) боролась с артиллерией противника.

В результате упорных и кровопролитных боев советские войска одержали победу. У оз. Хасан советские войска впервые вели боевые действия в новой организации с большим количеством техники, приобрели первый опыт использования всех родов войск и авиации во взаимодействии друг с другом. Несмотря на ряд недостатков артиллерийского обеспечения действий пехоты и танков в хасанских боях, советская артиллерия показала способность решать задачи в интересах сухопутных войск. Боевые действия подтвердили, что артиллерия была основным средством огневого поражения противника, её умелое использование позволяло более эффективно решать боевые задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шишов, А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов /А. В. Шишов. – М.: Вече, 2001. – С. 451.
2. Комбриг Павел Николаевич Яскин – начальник артиллерии 39-го стрелкового корпуса. В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны, награжден орденом Красного Знамени. Генерал-майор артиллерии (4.06.1940), генерал-лейтенант артиллерии (7.06.1943). В годы Великой Отечественной войны – командующий артиллерией Карельского фронта, награжден шестью орденами. Умер в декабре 1970 г.
3. Полковник А.Н. Федотов – заместитель начальника пограничных войск Дальневосточного пограничного округа. Прибыл на участок Посьетского пограничного отряда для расследования фактов нарушения госграницы и убийства 15 июля 1938 г. на сопке Заозерная начальником инженерной службы погранотряда В.М. Виневитиным японского жандарма. До 1 августа А.Н. Федотов руководил действиями советских войск на спорном участке границы.
4. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВ и ВС). Ф. 58р. Оп. 1. Д. 129. Л.3. Сведения зафиксировал в ходе обобщения боевого опыта представитель Управления начальника артиллерии РККА капитан И.С. Прочко.
5. АВИМАИВ и ВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 129. Л.3.
6. Там же. Л. 4–4об.
7. Приказом командующего КДФ от 4 августа 1938 г. комкор Г.М. Штерн был назначен командиром 39 ск, комбриг Яскин – начальником артиллерии 39 ск. (РГВА. Ф. 35083. Оп. 1. Д. 25. Л. 13).
8. На границе тучи ходят хмуры... (К 65-летию событий у озера Хасан) / А. А. Кольтюков, И.И. Басик, В.Л. Воронцов [и др.]: сб. документов и материалов. – М.: ООО «Триада-фарм», 2003. – С. 125-126.
9. История отечественной артиллерии. Том 3. Книга 8. – М.-Л.: Воениздат, 1964. – С. 481.
10. АВИМАИВ и ВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 129. Л. 34.
11. Там же.
12. Там же. Л.9–10.
13. Там же. Л. 9об.
14. Там же. Л. 11.
15. Там же. Л. 7об.
16. РГВА. Ф. 35083. Оп. 1. Д. 35. Л. 48.
17. РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 17. Л. 71.

Яремчук С. В.
S.V. Yaremtchuk

САМОПРИНЯТИЕ: ТИПОЛОГИЯ И СТРАТЕГИИ ДОСТИЖЕНИЯ

SELF-ACCEPTANCE: TYPOLOGY AND ACHIEVEMENT STRATEGIES

Яремчук Светлана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681027, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 4-75; 8-924-2254122. E-mail: svj@rambler.ru.

Ms. Svetlana V. Yaremtchuk – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Educational Psychology, the Amur State University of Humanities and Pedagogy; 4, Lenina Pr., Komsomolsk-on-Amur, 681027, Russia; phone: + 7 (924) 2254122. E-mail: svj@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования самопринятия, описаны типы отношения к себе, проанализированы субъективно осознаваемые людьми условия самопринятия. Рассматриваются стратегии принятия себя, обнаруженные в результате факторного анализа.

Summary. The paper presents the results of a research of self-acceptance; the types of self-attitude are described, the subjectively perceived conditions of self-acceptance are analyzed. Strategies for self-acceptance are considered using the factor analysis.

Ключевые слова: самопринятие, отношение к себе, стратегии самопринятия.

Keywords: self-acceptance, self-attitude, strategy of self-acceptance.

УДК 159.9

Категория «самопринятие» появилась в зарубежной психологии середины XX в. в работах А. Маслоу, который рассматривал его как характеристику самоактуализирующейся личности и считал принятие (себя, других, природы) проявлением одной основополагающей, фундаментальной установки [8].

В отечественной психологии самопринятие началось изучаться в 80-х гг. XX в. и на настоящий момент конкретизируется рядом определений. В наиболее широком понимании Г.А. Цукерман [11] самопринятие раскрывается как принятие своей самости. В.В. Столин [9] считает, что самопринятие предполагает отношение к себе с симпатией и уважением. Д.А. Леонтьев [6] под самопринятием понимает непосредственное эмоциональное отношение к себе, не зависящее от того, есть ли в человеке какие-то черты, объясняющие это отношение. С.Л. Братченко и М.Р. Миронова [2] в принятие себя включают безусловную любовь к себе такому, каков я есть, отношение к себе как личности, достойной уважения, способной к самостоятельному выбору, веру в себя и свои возможности, доверие собственной природе, организму. В.Г. Маралов [7] рассматривает самопринятие как признание права на существование всех аспектов собственной личности, как и личности в целом. Е.П. Киселева [4], развивая концепцию В.Г. Маралова, определяет самопринятие как интегральную характеристику личности, полное и безусловное принятие своих сильных и слабых сторон, помогающее перейти от самопознания к самосовершенствованию. С.М. Колкова [5] дифференцирует безусловное самопринятие (как признание себя, отношение к себе как к личности, достойной самоуважения, способной к самостоятельному выбору, принятие себя в целом, осознание и признание своих чувств и реально действующих мотивов) и условное, при котором человек оценочно, с недоверием относится к себе.

В текстах определений, представленных выше, прослеживаются два направления понимания самопринятия: традиционное для отечественной психологии понимание самопринятия как положительного смысла «Я» (В.В. Столин, Д.А. Леонтьев, С.Л. Братченко, М.Р. Миронова) и менее традиционное понимание принятия себя как признания существования всех аспектов своей личности (А. Маслоу, В.Г. Маралов, Е.П. Киселева). Исследование, осуществленное Н.А. Гульяновой [3], обнаруживает взаимосвязь между этими двумя аспектами самопринятия. Изначально определяя самопринятие как «некое единое и неделимое чувство в собственный адрес, не объясняемое наличием или отсутствием каких-либо черт» [3, 68], в результате эмпирического исследования, посвященного степени осознания представлений о себе при разном уровне самопринятия, автор делает вывод о том, что принимаемые представления о себе легко могут актуализироваться и осознаваться человеком, независимо от степени их позитивности или негативности. При этом непринятие представлений, входящих в Я-образ, порождает противоречивое, конфликтное самоотношение, выражающееся в переживании недовольства собой, проблемности своего Я. Н.А. Гульянова рассматривает самопринятие как онтогенетически более раннюю форму целостного самовосприятия по сравнению с самоотношением и осознанием различных аспектов своей личности.

В определениях большинства психологов самопринятие предстает как обобщенное образование, генерализованное самоотношение. Вместе с тем в реальной жизни отношение человека к себе является весьма противоречивым: одни свои качества он может оценивать позитивно, другие – негативно, какие-то аспекты своей личности он признает, другие – отвергает. Отношение к себе складывается из совокупности отношений к различным аспектам своей личности, которые осознаются человеком. Так, В.Г. Маралов обозначает следующие блоки, которые могут быть подвергнуты самоанализу и самопознанию [7]:

Личностно-характерологические особенности: качества личности и свойства характера, в которых выражается отношение к другим людям; к деятельности, труду, учебе; к самому себе; к вещам; к природе; к искусству; к науке и т.п.

Мотивационно-ценностная сфера личности: побуждения, интересы, мотивы, ценности, которые определяют деятельность и поведение.

Эмоционально-волевая сфера личности: эмоциональные состояния, чувства, способы реагирования в стрессовых ситуациях, умения мобилизоваться, проявить упорство, настойчивость, целеустремленность и др.

Сфера способностей и возможностей: способности в разных сферах жизнедеятельности, оценка возможностей для осуществления замыслов.

Познавательная сфера личности: функционирование психических процессов (восприятия, памяти, мышления, воображения); свойства и качества ума, внимательности, способностей решения жизненных и профессиональных задач.

Сфера внешнего облика, особенностей темперамента: собственный облик, внешний вид, походка, манера держать себя, разговаривать, а также свойства, которые в своей совокупности определяют темперамент.

Сфера отношений с другими людьми, социальным окружением: связи с другими людьми, стратегии поведения, конфликты и барьеры.

Сфера деятельности: знания, умения, навыки, их использование в жизни и деятельности.

Сфера собственного жизненного пути: прожитое, планы на будущее, прогнозирование и самопрогнозирование собственной личности.

Любой из этих компонентов может вызывать к себе как положительное отношение, так и отрицательное, приниматься или не приниматься человеком. Для проверки этого тезиса было осуществлено исследование, в котором участвовали 48 человек от 17 до 51 года (38 мужчин, 10 женщин). Для диагностики их отношения к различным аспектам своей личности был использован Цветовой тест отношений (ЦТО) [10], предназначенный для изучения эмоциональных компонентов отношений человека и отражающий как сознательный, так и ча-

стично неосознаваемый уровень этих отношений. ЦТО является проективной методикой, содержание которой (области, к которым определяется отношение) задается исследователем. В нашем случае эти области были заданы в соответствии с выделенными В.Г. Мараловым аспектами самопознания. Всего задавалось 20 таких аспектов: «мой характер», «мое отношение к работе/учебе», «мое отношение к себе», «мое отношение к вещам», «мое отношение к природе», «мои интересы», «мои цели», «мое внутреннее состояние», «мое реагирование в стрессовых ситуациях», «мои способности», «моя личность», «мой ум», «мой внешний вид», «моя манера держать себя в руках», «мое отношение к другим людям», «моя деятельность», «мои знания», «мое прошлое», «мое настоящее», «мое будущее». Исследование проводилось в рамках дипломной работы А.Ю. Хомяковой.

В результате было выделено пять типов отношения к себе у людей:

I тип самоотношения характеризуется выраженным положительным самоотношением по преобладающему большинству анализируемых параметров. Однако даже в этой группе нет ни одного человека, который бы обнаружил выраженное позитивное отношение к себе по всем предлагаемым аспектам. Как минимум к одному аспекту себя (а у большинства к 3-5) отношение хотя и имеет положительный знак, однако, насыщается также и отрицательными смысловыми нагрузками. Такое условно генерализованное самопринятие обнаруживается у 16,7 % выборки испытуемых, что показывает его нетипичность. Гораздо более характерным является дифференцированное отношение к себе, которое, однако, также имеет несколько вариантов.

II тип самоотношения (16,7 % выборки) характеризуется появлением не явно выраженного отрицательного отношения к некоторым аспектам себя (чаще всего к своей работе/учебе, реагированию в стрессовых ситуациях и к своей внешности). Хотя по большинству параметров наблюдается положительное отношение, оно уже не так ярко выражено по сравнению с первой группой. При данном типе самоотношения наблюдается позитивное отношение к себе в целом, к своему настоящему и будущему, к своим целям.

В *типе III* (16,7 % выборки) наблюдается резко отрицательное отношение к некоторым своим особенностям на фоне общего позитивного отношения к себе в целом, к своим интересам, способностям, своему настоящему. Эту выборку в большей массе составляет молодежь в возрасте 18-24 лет.

Первые три типа характеризуются в большей степени положительным отношением к себе и различаются, прежде всего, разнообразием отношения к различным своим особенностям: от достаточно ровного положительного отношения к себе во всей совокупности аспектов (в типе I) до противоречивого отношения к себе (в типе III, где присутствуют как крайне положительное, так и резко отрицательное отношение к себе в зависимости от того аспекта, на который направляется сознание).

Оставшаяся половина выборки объединяется амбивалентным отношением к преобладающему числу аспектов своего «Я» и разделяется на два типа:

IV тип (20,8 % выборки) характеризуется амбивалентным отношением к каждому из аспектов своего «Я», отдельные стороны приобретают при этом в большей степени положительную, другие – отрицательную окраску, но выраженное положительное отношение к какой-то стороне своего «Я» является редким исключением, а выраженное отрицательное – не встречается. Этот тип также в основном составляют студенты в возрасте 18-24 лет.

V тип самоотношения (29,2 % выборки) характеризуется достаточно низкими показателями отношения к себе и от предыдущего типа отличается наличием таких сторон «Я», которые приобретают резко отрицательную окраску и отвергаются человеком. Для этого типа характерен низкий уровень принятия мотивационно-ценностной сферы личности.

Такое разнообразие вариантов отношения к себе естественно возникает в случае, если рассматривается человек не в целом, а с учетом многообразия его жизни и разносторонности его личности. Так, например, в исследовании Л.В. Бороздиной, О.Н. Молчановой [1], анализирующих 15 позиций осознаваемой самооценки пожилых людей, также обнаруживается не-

равномерность оценки различных своих особенностей. По усредненным профилям авторы выделяют три группы испытуемых: с высоким и средневысоким профилем (37,9 % испытуемых), средним (41,4 %) и средненизким и низким (20,7 %) профилем. Даже процентное соотношение, обнаруженное в данном исследовании, близко к полученным нами данным. При этом авторы отмечают, что испытуемые с высоким и средневысоким профилем подчеркивают не собственное превосходство над другими людьми, а просто выражают принятие себя и своей жизни, характеризуются уверенностью в себе и придерживаются мнения, что рассчитывать в жизни нужно только на себя, тогда как в группе с средненизким и низким профилем обследуемые не принимают свою прошлую жизнь, выражая сожаление о ней.

Подобное дифференцированное отношение, характерное для большинства людей, позволяет рассматривать самопринятие не только как генерализованное позитивное отношение к себе, но как разноуровневое явление. Наличие разных уровней самопринятия и разных его состояний может служить свидетельством того, что самопринятие как статический феномен является результатом реализации определенных процессов, которые протекают у людей по-разному и с разной степенью эффективности.

В психологической литературе принятие себя редко рассматривается со своей процессуальной, а не результативной стороны, представляя в динамике, а не статике. Примером рассмотрения обоих аспектов является версия В.Г. Маралова, который, определяя самопринятие как признание права на существование всех аспектов собственной личности, как и личности в целом, выделяет также принятие себя как процессуальный акт, связанный с включением своих качеств в структуру Я-концепции и попыткой найти в них позитив.

Такая постановка вопроса является скорее исключением, чем правилом, хотя именно рассмотрение самопринятия с его динамической стороны делает возможным управление им как процессом, по отношению к которому положительное отношение к себе будет выступать результатом. Для изучения различных аспектов этого процесса в исследовании А.Ю. Хомяковой респондентам было предложено продолжить следующие незаконченные предложения: «Я принимаю себя, когда...», «Я не принимаю себя, когда...», «Принятие себя зависит от...», «Для принятия себя необходимо...», обработка высказываний осуществлялась с помощью контент-анализа. В качестве условий принятия себя испытуемые выделяли личностные особенности, состояния, чувства; действия по оценке и принятию себя; самосовершенствование; внешние факторы; избегание; соответствие внешне или внутренне заданной ситуации самопринятия (см. табл. 1).

Таблица 1

Соотношение различных условий самопринятия в представлениях респондентов

Условия самопринятия	Примеры	%
1	2	3
Личностные особенности, состояния, чувства	Целостность личности, отсутствие категоричности, спокойствие, душевное равновесие, терпение, ум, адекватный взгляд на конкретные вещи, быть сильным и уверенным в себе и т.д.	29,6
Действия по оценке и принятию себя	Оценивать свое внутреннее состояние, слушать внутренний голос и слушать внутреннюю критику, любить себя таким, какой есть, оставаться самим собой, быть довольным тем, что делаешь, себя понимать, осмыслить свои поступки, принимать себя и т.д.	25,2
Самосовершенствование	Реализоваться, держать себя в руках, изменить свое поведение, развивать силу воли, совершенствоваться и т.д.	12,4
Внешние факторы	Хорошая обстановка, окружающий мир, время, быть любимым, благополучие и т.д.	12
Избегание	Развеселиться, не заикливаться на ситуации, смотреть на все с юмором, отвлечься и т.д.	8,8

Продолжение табл. 1

1	2	3
Безусловное принятие	«Не знаю», «нет никакой необходимости»	5
Соответствие внутренне заданной ситуации самопринятия	Респондент указывает, в какой ситуации он принимает себя, и для принятия себя считает необходимым воспроизведение ситуации принятия: <i>внутренней</i> («я принимаю себя, когда заставляю себя ответственно ко всему относиться» – «для принятия себя необходимо быть более ответственным») или <i>внешней</i> («я принимаю себя, когда я нахожусь с семьей» – «для принятия себя необходимо быть в семье»)	14,9
Соответствие внешне заданной ситуации самопринятия		4,5

Факторизация таблицы частот встречаемости каждой группы условий в каждом из пяти выделенных типов самоотношения (см. табл. 2) с использованием вращения varimax позволила выделить три значимых фактора, объясняющих в общей совокупности 90,9 % общей дисперсии (см. табл. 3).

Таблица 2

Частота встречаемости условий самопринятия при разных типах самоотношения
(в % от числа людей в типе)

Условия принятия себя	Типы самоотношения				
	I	II	III	IV	V
Личностные особенности, состояния, чувства	25	12,5	25	50	35,7
Действия по оценке и принятию себя	50	25	12,5	10	28,6
Самосовершенствование	12,5	12,5	12,5	10	14,3
Внешние факторы	-	37,5	12,5	10	-
Избегание	-	-	12,5	10	21,4
Безусловное принятие	12,5	-	12,5	-	-
Соответствие внутренне заданной ситуации самопринятия	12,5	12,5	12,5	30	7,1
Соответствие внешне заданной ситуации самопринятия	-	12,5	-	10	-

Таблица 3

Результаты факторизации условий самопринятия

Фактор	Доля общей дисперсии	Переменные, входящие в состав фактора (включены все переменные, имеющие нагрузки свыше 0,4)	Нагрузки переменных
1	42,3 %	Самосовершенствование	0,969
		Действия по оценке и принятию себя	0,422
		Соответствие внешне заданной ситуации самопринятия	-0,426
		Личностные особенности, состояния, чувства	-0,658
		Соответствие внутренне заданной ситуации самопринятия	-0,984
2	30,2 %	Безусловное принятие	0,696
		Действия по оценке и принятию себя	0,446
		Соответствие внешне заданной ситуации самопринятия	-0,875
		Внешние факторы	-0,910
3	18,4 %	Избегание	0,946
		Личностные особенности, состояния, чувства	0,665
		Безусловное принятие	-0,526
		Действия по оценке и принятию себя	-0,530

Первый фактор, объясняющий 42,3 % общей дисперсии, противопоставляет две стратегии достижения самопринятия.

Первая стратегия объединяет различные варианты активности, направленной на саморазвитие: самосовершенствование, самопознание и принятие себя.

Вторая стратегия предполагает направленность на достижение соответствия внешне или внутренне заданной ситуации самопринятия. Эта стратегия связана с осознанием ситуаций, в которых человек принимает или не принимает себя, и стремлением воспроизвести аналогичные условия. Противопоставление этих установок стратегии саморазвития свидетельствует о том, что человек, ориентированный на достижение соответствия внешне или внутренне заданной ситуации самопринятия, не стремится или даже отвергает самоизменение. Принятие себя в таких обстоятельствах становится возможным, если эталоном «Я» становится один из его аспектов, а остальные части себя отрицаются. Таким образом, самопринятие в данном случае может рассматриваться как регулятивный механизм, который, однако, регулирует деструктивную активность: ограничения действий, имеющих для человека негативный смысл, и реализации только той стороны себя, которая обладает позитивным смыслом. Личностные особенности и эмоциональные состояния, включенные в фактор, видимо, выступают опорой для осуществления этой активности. Анализ установок респондентов при разных типах самоотношения (см. табл. 2) показывает, что эта стратегия характерна для IV типа, который характеризуется конфликтностью восприятия большинства из своих особенностей, каждая из которых является одновременным воплощением и позитивного, и негативного смысла. Это показывает, что результатом такой стратегии будет сохранение противоборствующих тенденций личности, при котором негативная оценка одной из них будет препятствовать принятию человеком этой стороны своего «Я».

Полярность двух выявленных стратегий является свидетельством того, что сосредоточение активности человека в рамках имеющейся ситуации внутреннего конфликта препятствует переходу человека на новый уровень саморазвития.

Второй фактор (30,2 % общей дисперсии) дифференцирует ориентацию человека на внешние или внутренние условия принятия себя. В качестве внутренних условий в данный фактор входят безусловное принятие себя, самопознание, самооценивание и разрешение себе быть собой. Внешние факторы представляют собой условия, не зависящие от самого человека и слабо поддающиеся управлению с его стороны. Ориентация на внешние факторы характерна для II типа самоотношения, что отличает его от I типа, ориентированного только на внутренние условия самопринятия. Видимо, именно такая ориентация является причиной, определяющей возникновение конфликтного отношения к отдельным аспектам своего «Я» у людей II типа. Несомненно, внешние условия выступают важным фактором принятия себя, особенно в детстве, поскольку принятие себя возникает изначально в условиях принятия человека другими. Но такая ориентация, сохраняющаяся и во взрослости, становится препятствием для принятия себя благодаря тому, что окружающая среда скорее служит источником негативных смыслов, что может побуждать человека к сомнению в возможности принятия отдельных сторон своей личности, в целесообразности отдельных способов поведения и выступать побуждением для самосовершенствования.

Третий фактор (18,4 % общей дисперсии) фиксирует защитные механизмы, наличие которых препятствует принятию себя как в процессуальном, так и в результативном плане. Основную нагрузку по этому фактору обретают различные варианты избегания («для того чтобы принять себя, необходимо развеселиться, не заикливаться на ситуации, смотреть на все с юмором, отвлечься и т.д.»), представляющие отрицание как своих проявлений, так и их конфликтных (преимущественно отрицательных) смыслов. Однако такое отрицание не ведет к принятию себя и позитивному самоотношению, что находит подтверждение в том, что такая стратегия наиболее часто встречается у людей с V типом самоотношения, для которых характерно преимущественно негативное отношение к себе и наличие таких сторон «Я», которые приобретают резко отрицательную окраску и отвергаются человеком. Сочетание избе-

гания с акцентированием на том, что условием самопринятия являются личностные особенности (что также характерно для V типа), придает их представлениям фаталистическую окраску: самопринятие в их сознании определяется изначально заданными личностными особенностями человека (уравновешенностью, силой, уверенностью в себе). Это мешает человеку осуществлять действия, направленные на познание и принятие себя, даже если он и осознает их необходимость.

Таким образом, наиболее негативным действием, препятствующим принятию себя человеком, является избегание собственных внутренних конфликтов, кроме этого, неблагоприятно на отношение к себе влияет ориентация на внешние условия. I тип самоотношения, воплощающий самопринятие как базовое позитивное отношение к себе, является результатом активных действий людей с ориентацией на собственные ресурсы (личностные особенности, состояния) и отсутствия обозначенных выше неконструктивных стратегий (избегания внутренних конфликтов и ориентации на внешние условия).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бороздина, Л. В. Самооценка в возрасте пожилых / Л. В. Бороздина, О. Н. Молчанова // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1999. – № 1. – С. 20-30.
2. Братченко, С. Л. Личностный рост и его критерии / С. Л. Братченко, М. Р. Миронова // Психологические проблемы самореализации личности. – СПб., 1997. – С. 38-46.
3. Гульянова, Н. А. О связи самопринятия и осознания Я-образа в ситуации неуспеха / Н. А. Гульянова // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 2001. – № 3. – С. 68-75.
4. Киселева, Е. П. Самопринятие и стремление к самосовершенствованию субъектов образовательного процесса вуза как фактор направленности учебной мотивации студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е. П. Киселева. – Курск, 2008. – 26 с.
5. Колкова, С. М. Безусловное самопринятие как фактор развития гуманистических качеств личности будущих психологов: автореф. дис. ... канд. психол. наук / С. М. Колкова. – Красноярск, 2006. – 19 с.
6. Леонтьев, Д. А. Очерк психологии личности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1993. – 43 с.
7. Маралов, В. Г. Основы самопознания и саморазвития / В. Г. Маралов. – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2004. – 256 с.
8. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2009. – 352 с.
9. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 284 с.
10. Цветовой тест отношений: методические рекомендации / сост.: Е. Ф. Бажин, А. М. Эткинд. – Л., 1985. – 18 с.
11. Цукерман, Г. А. Психология саморазвития / Г. А. Цукерман, Б. М. Мастеров. – М.: Интерпракс, 1995. – 286 с.

Шутка В. А., Костюченко В. И.

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА НА ВОЕННЫХ КАФЕДРАХ ВУЗОВ

Шутка В. А., Костюченко В. И.
V. A. Shutka, V. I. Kostyuchenko

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА НА ВОЕННЫХ КАФЕДРАХ ВУЗОВ

RESERVE OFFICER TRAINING PROGRAMS AT CIVIL UNIVERSITIES' MILITARY ARTS DEPARTMENTS: SOME SPECIAL ASPECTS OF THE PROCESS

Шутка Валерий Анатольевич – начальник учебной части – заместитель начальника военной кафедры Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; E-mail: iienrf@mail.ru

Mr. Valeriy A. Shutka – Deputy Head of the Military Arts Department, Director of Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; Komsomolsk-on-Amur, Russia. E-mail: iienrf@mail.ru

Костюченко Владимир Иванович – кандидат технических наук, доцент военной кафедры Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-914-173-63-08.

Mr. Vladimir I. Kostyuchenko – PhD in Engineering, Associate Professor, Military Arts Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; Komsomolsk-on-Amur, Russia; phone: + 7 (914) 1736308.

Аннотация. В статье освещены особенности подготовки офицеров запаса на военных кафедрах гражданских вузов. Главное внимание обращено на единство подготовки на основном факультете и на военной кафедре, а также на единство обучения и воспитания.

Summary. The paper describes special features of military arts training at a civil university with attention to the integration of training programs at military arts departments and at other (civil) departments; the issue of the consistency between training and education processes is addressed, too.

Ключевые слова: военная кафедра, подготовка офицеров запаса, патриот.

Keywords: military arts department, reserve officers training, patriot.

УДК 355.237.084.92

Президент России В.В. Путин, выступая на коллегии Минобороны в феврале 2013 г., отметил, что «на планете множатся и расширяются зоны нестабильности и конфликта ... предпринимаются методичные попытки тем или иным образом расшатать стратегический баланс», поэтому в современных условиях не только сохраняются, но и возрастают вызовы и угрозы для безопасности страны. Высшими органами государственной власти принимаются адекватные меры для обеспечения безопасности России [1].

В Федеральном законе Российской Федерации «Об обороне» определено, что в соответствии с Конституцией РФ государство организует и осуществляет свою оборону. «Для мобилизационного развертывания Вооруженных сил создается запас военнообязанных людских ресурсов» [2].

В настоящий период подготовка мобилизационного резерва офицеров осложнена определенными финансово-экономическими вопросами, проблемами реформирования военного образования. Поэтому необходимым источником комплектования офицерского корпуса Вооруженных сил РФ остаются военные кафедры гражданских вузов. При этом развитие средств вооруженной борьбы, существенные изменения в приемах и способах ее ведения,

повышение требований к командным и инженерно-техническим кадрам обязывают повышать их уровень профессионализма во всех звеньях подготовки.

Для улучшения качества подготовки курсантов военных кафедр, как военных специалистов, немаловажную роль играет учет в период обучения студентов всех специфических особенностей учебно-воспитательного процесса. Только при понимании, выделении и соблюдении их требований возможно подготовить будущего офицера в условиях гражданского вуза.

Основной особенностью обучения является органическая связь учебно-воспитательного процесса на военной кафедре с учебно-воспитательным процессом на основных факультетах. Более тесная связь работы факультетов и военных кафедр начинается в ходе конкурсного отбора для обучения на кафедре, в ходе которого определяются студенты, пригодные для обучения по конкретным военно-учетным специальностям. Военная подготовка в полной мере учитывает содержание учебных программ по основной специальности. Военная кафедра как бы привязывает военную подготовку к «гражданским» предметам, составляя обязательную структурно-логическую схему изучения дисциплин по каждому направлению подготовки. Настоящая особенность всегда учитывалась при организации военной подготовки в различные годы. Так, начальник военной кафедры КнАГТУ С.И. Карпов, исследуя вопросы организации военного обучения в вузах в начале 30-х гг. прошлого века, указывает, «что с годами военная подготовка продолжала совершенствоваться ... все военные учебные предметы стали не только соприкасаться с теми, которые определяли специфику учебных заведений, но и учитывали особенности каждой гражданской специальности. Этот опыт используется широко и в наши дни» [3].

Особенностью военной подготовки также является превалирование в учебно-воспитательном процессе воспитательных функций и привитие методических навыков. Офицер – это будущий руководитель. Он обязан обучать и воспитывать подчиненных, готовить их к выполнению поставленной боевой задачи. Для этого военная подготовка требует формировать у студентов военно-профессиональные качества, психологическую готовность возглавить воинский коллектив. Военная кафедра призвана воспитывать гражданина-патриота, готового встать на защиту Отечества. В этой связи сегодня актуально определение В.А. Сухомлинского «Каждому из нас, мужчин, надо твердо помнить: у меня две специальности; первая – то ли учитель, то ли агроном, инженер ... а вторая у всех одна и та же – защитник Родины» [4].

Следующая особенность учебно-воспитательного процесса заключается в завершенности, устойчивости, прочности его результатов, т.е. убеждений, знаний, навыков, умений обучаемых.

После окончания вуза выпускники, естественно, попадают в гражданские условия, где их военно-профессиональная направленность со временем может ослабевать. Повышать свой уровень подготовки возможно только путем самообразования и в период прохождения военных сборов. Находясь в запасе, гражданин в любое время должен быть способен выполнять должностные обязанности по мобилизационному предназначению. Поэтому неоспоримой является потребность полной завершенности подготовки офицера запаса в стенах вуза.

Неотъемлемой особенностью процесса обучения является его напряженность, интенсивность, практическая направленность. Эта особенность вызвана противоречием между достаточно большим объемом изучаемого учебного материала и ограниченным количеством времени для его изучения. Данное противоречие разрешается путем проведения комплекса мероприятий по постоянному совершенствованию учебно-методической работы: это обоснованное определение объема знаний, требуемых для дальнейшего исполнения обязанностей по воинской должности; поэтапное формирование знаний и практических навыков с учетом прохождения учебных программ на основном факультете; максимальное использование возможностей учебно-материальной базы военной кафедры и закрепленных

воинских частей; внедрение и совершенствование в обучении информационных обучающих программ; значительное повышение роли самостоятельной подготовки студентов с использованием элементов дистанционного обучения, воспитание у обучаемых тяги к самостоятельному добыванию знаний; эффективное использование форм текущего, промежуточного и итогового контроля; максимальное приближение подготовки на военной кафедре к командирской и боевой подготовке, проводимой в частях и подразделениях с учетом боевого опыта войск.

Существенной отличительной особенностью учебно-воспитательного процесса является специфичность его проведения. Военная кафедра готовит будущего офицера в условиях гражданского вуза. Поэтому в отличие от других структурных подразделений на кафедре присутствует свой «военный» микроклимат. Процесс обучения и жизнедеятельности строго привязан к Общевоинским уставам ВС РФ. Особая роль отводится учебной дисциплине, четкой организации «военного дня», соблюдению правил воинского поведения и субординации. Обязательным этапом военной подготовки являются учебные сборы в войсках, которые в соответствии с Федеральным законом о «Воинской обязанности и военной службе» «приравниваются к военным сборам» [5].

В целях подготовки офицеров запаса, соответствующих установленным квалификационным требованиям, настоящие особенности должны в полной мере учитываться как профессорско-преподавательским составом военной кафедры и университета, так и гражданами, проходящими обучение на военных кафедрах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства обороны 27 февраля 2013 года Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/17588> [дата обращения 26.04.2013].
2. «Об обороне» Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/1996/06/06/oborona-dok.html> [дата обращения 16.04.2013].
3. Карпов, С. И. Становление и развитие системы подготовки офицеров запаса в высших учебных заведениях Дальнего Востока: 1925-1939 годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. И. Карпов. – Комсомольск-на-Амуре, 2006. – 115 с.
4. Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – М., 1973. – 5 с.
5. О воинской обязанности и военной службе: федер. закон Российской Федерации от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/military/> [дата обращения 12.05.2013].

Липовка Н. П., Токтарова Т. И.
N. P. Lipovka, T. I. Toktarova

ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ ФОРМ И МЕТОДОВ ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА В РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

THE COMPETENCE APPROACH AT A COLLEGE/UNIVERSITY: SEARCHING FOR MORE EFFECTIVE FORMS AND METHODS OF TERTIARY EDUCATION

Липовка Нина Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры маркетинга и коммерции Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Ленина, 27. E-mail: liponina@yandex.ru

Ms. Nina P. Lipovka – Ph.D. in Educational Studies, Associate Professor, Department of Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27 Lenin Av., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: lipo-nina@yandex.ru

Токтарова Татьяна Ивановна – доцент кафедры маркетинга и коммерции Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Ленина, 27. E-mail: toktarovat@mail.ru

Ms. Tatyana I. Toktarova – Associate Professor of the Department of marketing and Commerce of the Komsomolsk-on-Amur state technical University; 27 Lenin Av., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: toktarovat@mail.ru

Аннотация. В статье речь идет о поиске организационно-дидактических условий для эффективной реализации компетентностного подхода и повышения уровня подготовки студентов. Описаны активные методы, внедряемые в учебный процесс.

Summary. The paper deals with the problem of finding a new organizational and didactic framework for the effective implementation of the competence approach and for the improvement of students' academic results. The authors describe active methods that are being introduced in the educational process.

Ключевые слова: компетентностный подход, межпредметные комплексные задания, интегрированный (бинарный), интерактивная проблемная лекция.

Keywords: competence approach, cross-curricular complex educational tasks, integrated (binary), interactive problem-focused lecture.

УДК 378.02:37.016

В условиях изменения социально-экономических основ функционирования экономики (смена форм собственности, приватизационные процессы, создание принципиально новых типов торговых предприятий, внедрение инновационных технологий, технических средств и др.) изменяются и требования к специалистам отрасли. Значимыми становятся универсальные знания и умения, необходимые для обеспечения профессиональной грамотности и компетенций, а также коммуникативные умения выпускников. Все это обязывает вносить коррективы в процесс подготовки студентов и уделять особое внимание способам учебной деятельности, способствующим рефлексивному усвоению знаний.

В этой связи преподавателями кафедры маркетинга и коммерция в течение ряда последних лет проводится активная работа по поиску организационно-дидактических условий для эффективной реализации компетентностного подхода и повышения уровня подготовки студентов. Каждый субъект воспитательной системы нуждается в создании условий, которые будут содействовать максимальному обогащению его ментального опыта и, соответственно, интеллектуальному росту [1]. Актуальность проводимой работы обусловлена несколькими факторами:

1) Изменившимися требованиями работодателей к профессиональным и личностным качествам выпускников. Анкетирование, проведенное в ряде ведущих торговых компаний города, показало, что 60 % руководителей на первое место поставили коммуникативные навыки и умение работать в команде, 25 % опрошенных считают наиболее важными качествами способность применять полученные знания на практике, умение учиться и только 10 % руководителей предпочитают отдавать стремлению к самореализации, добросовестности, честности работников.

2) Характерными для современного этапа развития общества психофизиологическими особенностями выпускников школ, влияющими на структуру мотивов учебной и познавательной деятельности. К таким негативным тенденциям мы можем отнести: материально-прагматический подход и потребительское отношение к жизни, недоверие к миру взрослых, трансформацию таких объективно значимых ценностей, как долг, трудолюбие, порядочность, толерантность, терпимость, уважение к старшим, честность.

Ежегодные исследования, осуществляемые психологической службой университета, показывают, что для выпускников школ последних лет характерны повышенные уровни агрессивности и тревожности, снижение контроля за собственным поведением, низкий уровень коммуникативных навыков и умений.

3) Отсутствием бюджетных мест на направлениях подготовки кафедры, все студенты обучаются на коммерческой основе. Выпускники школ, получившие высокие баллы по вступительным испытаниям, поступают в вузы, имеющие бюджетные места на аналогичные направления подготовки. Диагностическое интернет-тестирование остаточных знаний по школьному курсу математики, проведенное в сентябре 2013 г., показало – средний уровень знаний составляет 32 %. Все это свидетельствует о низком уровне предметных знаний и развития личности поступившего в целом.

В этой связи мы считаем, что эффективная подготовка студентов возможна только в совместной деятельности преподавателя и студента с привлечением разнообразных средств познания, способов и методов обучения. Поиск новых дидактических методов, форм и средств обучения, на наш взгляд, должен удовлетворять нескольким требованиям:

- соответствовать учебным планам и программам;
- содержание материала должно быть доступным, познавательным и насыщено предметными знаниями. При этом необходимо учитывать исходный уровень знаний и развитие обучаемых;
- вызывать интерес у студентов;
- способствовать развитию направленности к творческому и экономическому мышлению;
- обеспечивать формирование профессиональных и общекультурных компетенций.

Особенностью дисциплин направления подготовки «Торговое дело» и специальности «Маркетинг» является наличие устойчивых межпредметных связей. Например, многие темы дисциплины «Организация, технология и проектирование предприятий» тесным образом связаны с дисциплинами «Коммерческая деятельность», «Организация продаж», «Рекламная деятельность»; дисциплины «Маркетинг», «Маркетинговые исследования», «Экономика организации» с дисциплиной «Теоретические основы товароведения». Перечисленные дисциплины ведутся разными преподавателями.

Очевидно, что поиск эффективных приемов учения должен вестись в реализации межпредметных связей. Практика использования межпредметных связей идет в двух направлениях:

1) Применение межпредметных комплексных заданий. Курсовая работа по дисциплине «Организация, технология и проектирование предприятий» предусматривает разработку технического задания на проектирование магазина, определение состава помещений, подбор необходимого торгово-технологического оборудования, а в курсовой работе по дисциплине «Коммерческая деятельность» составляется бизнес-план, в котором экономически обосновывается целесообразность разработанной технологической концепции розничного торгового предприятия. Такая форма взаимодействия помогает формировать восприятие дисциплин не как разрозненное учение, а как целостное явление, что позволяет говорить о развивающем эффекте обучения. При этом на основе взаимосвязи изучаемых вопросов реализуются профессиональные компетенции (способность проектировать бизнес-процессы и оценивать их эффективность, способность управлять торгово-технологическими процессами).

2) Проведение интегрированных (бинарных) занятий (см. рис. 1). Методика подобных занятий предусматривает взаимодействие педагогов. Теоретической основой таких занятий является коммуникативная парадигма, которая рассматривает сотрудничество в обучении равных по компетентности преподавателей в своей предметной области. В практике кафедры маркетинга и коммерции занятия проводятся в сотрудничестве двух преподавателей. Содержание отдельных тем дисциплин «Организация продаж» и «Розничная торговля», «Маркетинговые исследования» и «Теоретические основы товароведения» частично дублирует учебный материал, но в то же самое время трактовка одних и тех же вопросов имеет свою специфику. В интегрированном же занятии объединяются основные дидактические единицы из двух дисциплин и берутся только те сведения, которые необходимы для реализации целей занятия. Происходит взаимопроникновение и слияние обобщенных знаний в единое целое. Преимущества интегрированных занятий заключаются в том, что они позволяют четко показать практическую направленность теоретических знаний, формировать профессиональные компетенции, высвобождается время для углубленного изучения других тем дисциплин, активизируются познавательные мотивы, создаются благоприятные условия для развития интеллектуального потенциала студентов, их коммуникативных способностей. Кроме того, такие занятия способствуют сплочению профессорско-преподавательского состава кафедры, дают возможность преподавателям самореализовываться в творческом процессе, обладают огромным воспитательным эффектом.

Третье направление в поиске эффективных средств обучения заключается в применении нетрадиционных форм проведения занятий. Так, 16 мая 2013 г. преподавателями кафедры была проведена интерактивная проблемная лекция в формате научного суда по теме «Маркетинг: за и против» (см. рис. 2). Со стороны обвинения в этом мероприятии участвовали студенты специальности «Коммерция», а со стороны ответчика – студенты специальности «Маркетинг». В качестве независимых рефери были приглашены студенты специальности «Финансы и кредит». Кроме непосредственных участников дискуссии, на «суде» присутствовали бакалавры направления «Торговое дело», магистранты, в общей сложности около сорока человек. Выступления студентов со стороны «защиты» и «обвинения» сопровождались демонстрациями микрофильмов, слайдов, рекламных роликов. Все наглядные материалы были подготовлены студентами самостоятельно. Представленные материалы отличались оригинальностью, креативностью, профессионализмом.

Основная форма активного обучения, использованная на интерактивной лекции, – ведомая (управляемая) дискуссия, которая позволяет решить ряд педагогических задач по организации деятельности студентов, по изменению отношения к учению, методам воздействия на обучаемых. Такие занятия меняют роль студентов в учении: они выступают активными участниками процесса, а не пассивными статистами.

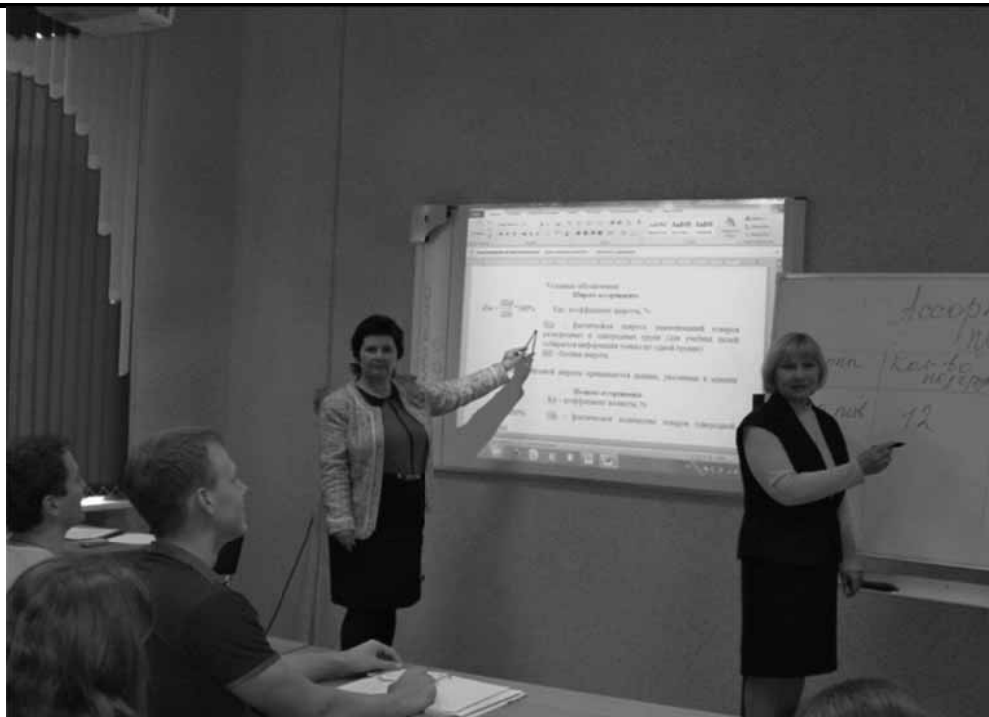

Рис. 1. Интегрированное (бинарное) занятие в гр. 1ТДб

Рис. 2. Интерактивная проблемная лекция в формате научного суда
«Маркетинг: за и против»

ЛИТЕРАТУРА

1. Наливайко, Т. Е. Теоретическое обоснование критериев и показателей сформированности компетенций обучаемых / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки КнАГТУ. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013. – № I-2 (13). – С. 103-107.

Макарова Е. Н.
E. N. Makarova

**ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В США
(К ПРОБЛЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО И МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ОБЩЕНИЯ)**

BILINGUALISM IN THE UNITED STATES: ON THE PROBLEM OF CROSS-CULTURAL AND CROSS-LINGUISTIC COMMUNICATION

Макарова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Уральского государственного экономического университета (Россия, Екатеринбург); 620219, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62. E-mail: makarovayn@mail.ru

Ms. Elena N. Makarova – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages for Business Purposes, the Ural State University of Economics; 62, 8 Marta Str., Russia, Yekaterinburg, 620219, Russia. E-mail: makarovayn@mail.ru

Аннотация. В статье приведено описание особенностей билингвальной ситуации в г. Эль Пасо, штат Техас, США. Представлены результаты анкетирования мексиканских билингвов, студентов Техасского университета в г. Эль Пасо, владеющих английским языком как вторым на среднем, среднем продвинутом и продвинутом уровнях. Дан анализ социолингвистических характеристик респондентов, таких, как пол, возраст, продолжительность проживания на территории США и время начала изучения английского языка.

Summary. The paper reports on some specific features of a bilingual situation in the town of El Paso, Texas, USA. The results of a questionnaire survey of Mexican bilinguals' are discussed. The analysis of sociolinguistic characteristics (such as gender, age, the period of staying in the US, age when the learning of English began) of Mexican informants with Intermediate, Upper-Intermediate and Advanced levels of English proficiency is given.

Ключевые слова: билингвизм, билингвальное образование, второй язык, экстралингвистические факторы.

Keywords: bilingualism, bilingual education, second language, extra-linguistic factors.

УДК 81'246.2

Одной из стран, в которой проблемы билингвизма и билингвального образования стоят особенно остро и освещаются на разных уровнях государственной системы, несомненно, является США. По приблизительным сведениям, одна пятая часть населения этой страны не говорят на английском языке дома (см. прим. 1). Анализируя научные работы по проблемам билингвизма, выполненные в США, можно констатировать рост внимания к проблеме языковых контактов, который объясняется важностью её решения в контексте расширения миграционных процессов и поиска новых подходов к определению языковой политики и к решению проблем билингвального образования.

Самую большую группу тех, для кого английский язык не является родным, составляют испаноговорящие жители США, прежде всего выходцы из Латинской Америки. Испанский язык имеет статус второго наиболее распространённого языка после английского. Количество испаноговорящего населения неуклонно растёт. Так, согласно переписи 2000 г., на территории США проживали 35,3 млн выходцев из Латинской Америки (так называемые Hispanics), 28 млн из которых использовали в качестве языка для общения дома испанский

Макарова Е. Н.

ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ ФОРМ И МЕТОДОВ ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА В РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

язык [4, 1]. По имеющимся данным количество испаноговорящего населения на территории США в 2011 г. составило 50 млн человек, большая часть которых (около 60 %) – выходцы из Мексики. Один из четырёх детей в возрасте до 10 лет в США родился в испаноговорящей семье (см. прим. 2). Оценивая успехи испаноговорящего населения в рамках среднего и высшего образования, президент Б. Обама высказал мнение о проблемах испаноговорящего сообщества в сфере образования, связанных, прежде всего, с недостатками в обеспечении их билингвального обучения. Лишь 13 % испаноговорящих студентов получают степень бакалавра (в сравнении с 17 % афроамериканцев и 50 % выходцев из Азии). Степень магистра получают лишь 4 % граждан США латиноамериканского происхождения. Наряду с действием ряда социальных факторов одной из причин подобной ситуации был назван низкий уровень владения испаноговорящими детьми и подростками английским языком, необходимым как для обучения и сдачи экзаменов, так и успешной адаптации к новому социальному окружению (см. прим. 2).

Вместе с тем важным элементом билингвального обучения должно быть сохранение национального языка, способствующего удержанию культурно-этнической идентичности. Ситуация, описанная выше, делает США уникальным местом для проведения исследований по проблемам билингвизма и возникающей вследствие тесных языковых контактов интерференции, проявляющейся в речи, прежде всего посредством её акцентных признаков. Проведение таких исследований, затрагивающих все уровни языковой системы, интересовало американских лингвистов с 70-х гг. прошлого столетия и количество работ, посвящённых результатам языковых контактов, неуклонно растёт [12; 11; 8; 9; 4]. При проведении подобных исследований необходимо учитывать роль географических и демографических факторов, поскольку расселение иммигрантских общин на территории США не является однородным, а условия и влияние языкового окружения признаются значимыми элементами при освоении неродного языка.

Большая часть выходцев из Мексики, проживающих на территории США, живут в непосредственной близости к границе. Одним из таких мест, уникальных в своём роде в плане сложившейся билингвальной ситуации, является город Эль Пасо, двадцать второй по величине город США и второй по количеству населения из находящихся на границе с Мексикой. Сосредоточимся более подробно на особенностях контакта между английским и испанским языком на этой территории. Несмотря на то, что английский язык имеет статус единственного официального языка в США, как пишут В. И. Беликов и Л. П. Крысин, «... в испано-американской среде на юго-западе США под названием Spanglish институализировалась смешанная речь с постоянным переключением и смешением кодов» [2, 62].

Эль Пасо, являющийся одним из крупнейших урбанистических приграничных центров, имеет статус «bordercity», поскольку расположен в непосредственной близости к одному из крупнейших городов Мексики (5 – 6 по количеству населения) – городу Хуаресу (Ciudad Juárez). Уникальная билингвальная ситуация в этом регионе привлекала и привлекает внимание учёных самых разных отраслей науки – социологов, психологов и, конечно, лингвистов. [5; 13; 10; 6]. Демографические и социально-экономические изменения, происходящие с середины прошлого века, сделали ситуацию билингвизма в Эль Пасо неотъемлемой характерной чертой этого города. В 1960 г. испаноговорящее население города составляло 43,6 % от общего количества горожан. В 1980 г. эта цифра увеличилась до 63 %, а по результатам переписи 2000 г., испаноязычное население города, состоящее преимущественно из мексиканцев, насчитывало уже около 80 %, то есть абсолютное большинство. Ситуация в Эль Пасо интересна ещё и тем, что помимо постоянно проживающих на территории города выходцев из Мексики, большое количество жителей Хуареса ежедневно пересекают границу с США дважды в день, так как либо работают, либо получают образование в Эль Пасо, проживая постоянно на территории Мексики. Как следствие, часть испаноговорящего населения Эль Пасо являются билингвами, получившими образование в США и использующими английский язык для общения в рабочем окружении и испанский язык для общения дома. Однако прямой связи между нахождением рабочего места и знанием английского языка, по мнению большинства исследователей, не прослеживается. Значительная часть как из прожи-

вающих в городе, так и только работающих на его территории, говорят исключительно по-испански. Необходимо, однако, заметить, что в этом случае речь идёт, как правило, о неквалифицированных рабочих, находящихся под началом занимающих более высокие позиции испаноговорящих, которые имеют элементарные знания по английскому языку, так называемый «rudimentary English», и которым приходится общаться с носителями английского языка, не говорящими по-испански [10]. Наряду с работниками физического труда мексиканцы, не говорящие по-английски, могут занимать должности среди персонала розничных торговых точек, отделений банков и больниц, целевыми клиентами которых являются иммигранты из Мексики. Условное разделение города на четыре части, основанное, прежде всего, на лингвистических характеристиках его обитателей, помогает лучше понять разнообразие их языковых предпочтений. Во-первых, это районы, исторически заселённые населением, говорящим преимущественно по-испански. Во-вторых, части города, первоначально заселённые американцами, говорящими по-английски, численность которых резко увеличилось за последние годы за счёт выходцев из Мексики. В них также в ситуациях бытового общения практически повсеместно используется испанский язык. Районы, принадлежащие к категории третьего типа, отличаются первоначальным преобладанием в них населения англоязычных американцев и достаточно медленным и малоактивным их заселением испаноговорящими резидентами. Языковая ситуация в этих частях Эль Пасо является разнородной и, часто, поллярной. Здесь можно встретить как билингвов, в языковой палитре которых преобладает английский язык, так и тех билингвов, которые в качестве языка как средства повседневного общения предпочитают испанский. И, наконец, районы четвёртого типа, в которых англоязычное население составляет абсолютное большинство с доминирующим английским языком в качестве средства коммуникации. Двадцать процентов испанского населения, проживающих на этой территории, и в бытовых ситуациях общения пользуются английским языком [10, 100].

Языковая ситуация в школах Эль Пасо является непростой, и проблемы билингвального образования стоят достаточно остро. По данным, представленным во многих исследованиях, более 20 % учащихся из испаноговорящих семей имеют ограниченное владение английским языком (Limited English Proficiency) и, соответственно, изучают английский язык в рамках программы ESOL (English for Speakers of Other Languages). Целью программ подобного рода является, прежде всего, приобретение учащимися такого уровня языковой компетенции, которая могла бы обеспечить им необходимый уровень общения в социуме.

Эль Пасо является крупнейшим приграничным центром высшего образования. Техасский университет в Эль Пасо (University of Texas at El Paso) был основан в 1914 г. В этом быстрорастущем высшем учебном заведении обучается 21 тыс. студентов, в том числе испаноговорящие студенты, проживающие как в Эль Пасо, так и в Мексике, преимущественно в Хуаресе. В 2007 г. число испаноязычных студентов, ежедневно приезжающих в UTEP на занятия и возвращающихся после занятий домой, составило 1800 человек [6, 107], по другим данным – 1600 человек [4, 2]. Это количество составляет примерно 10 % от общего числа всех студентов университета и 15 % от общего числа всех студентов-мексиканцев, обучающихся в США. Л. Фернандес, Ч. Хауэрд и Дж. Амастэ [6] считают, что эта цифра является заниженной, поскольку неизвестное количество мексиканских студентов родились в Эль Пасо, но выросли и живут с мексиканской стороны границы. Вместе с тем они рассматриваются как жители США, хотя находились на территории этой страны только при рождении. Поскольку для обучения в университете необходимо владение достаточно высоким уровнем английского языка, так как преподавание ведётся преимущественно на английском, около 750 испаноговорящих учащихся каждый семестр начинают обучение на отделении Языков и Лингвистики (Department of Languages and Linguistics) по программе ESOL. Эта программа включает шесть уровней, и учащиеся, соответственно, изучают английский язык в течение шести семестров.

Приведённый обзор показывает, что по причине постоянной миграции мексиканского населения и отсутствия однозначного подчинения одного языка другому, билингвальная ситуация в Эль Пасо является уникальной и не подходит под критерии классификации билингвальных сообществ.

Основная задача исследования – на основе анкетирования дать социолингвистическую характеристику мексиканских билингвов, владеющих английским языком на разных уровнях. Данные о факторах, оказывающих влияние на степень успешности овладения вторым языком, чрезвычайно скудны и могут служить основой для проведения серии дальнейших экспериментов по изучению влияния билингвальной ситуации на сформированность/несформированность навыка общения на иностранном языке и проявлению в речи иноязычного акцента.

Группа информантов состояла из 30 дикторов-мексиканцев (три подгруппы по 10 человек) с разным уровнем владения английским языком (Intermediate, Upper-Intermediate и Advanced). Для распределения по этим подгруппам мы использовали готовые результаты тестирования, проведённого в Техасском университете города Эль Пасо, где обучаются участники анкетирования. Присутствие на занятиях в американском университете позволяет говорить о соответствии языковой компетенции информантов заявленным уровням, соответствующим единым стандартам, которые применяются для определения языковой компетенции во всём мире.

При составлении вопросов, использованных в анкетах, мы опирались на имеющиеся в специальной литературе классификации типов билингвизма и характеристики, значимые для описания двуязычных носителей [1; 2]. Среди основных критериев, определяющих языковое поведение билингвов и функционирование языка в обществе, большинство учёных выделяют способ освоения языка, который, в свою очередь, включает две важные характеристики: условия изучения языка и условия его использования. Мексиканцев нельзя отнести к естественным билингвам, поскольку они не просто изучают и используют английский язык в процессе общения, но и овладевают им в учебной аудитории. Вместе с тем группа мексиканских дикторов, обучающихся в американском университете, находится в среде носителей английского языка, хотя и с оговоркой (большое количество испаноговорящего населения в Эль Пасо, в том числе студентов университета, не позволяет говорить о том, что мексиканцы постоянно находятся в англоязычной обстановке). К условиям изучения языка относят и степень языковой компетенции преподавателей. С этой точки зрения мексиканским студентам преподают как преподаватели-билингвы (как правило, мексиканцы, свободно владеющие испанским и английским языками и проживающие на территории США), так и носители американского варианта английского языка, не владеющие испанским языком.

Условия использования или функционирования языка, как правило, связаны с понятиями родной, первый, основной или доминирующий язык, который определяется по множеству факторов, в том числе по порядку изучения языков, совершенству владения, возрасту начала изучения, по роли в общении и т.д. [3]. Неосновной язык, в свою очередь, может быть определён как второй или иностранный. Для мексиканских дикторов английский язык не является доминирующим или основным, а вторым, поскольку они используют его в целях коммуникации наряду с первым в повседневном общении. Всех дикторов характеризует последовательный характер изучения родного и английского языков, когда английский был усвоен позднее.

В процессе анкетирования был проведён анализ таких экстралингвистических факторов, как пол, возраст и место рождения испытуемых, возраст начала изучения второго языка, время проживания на территории США, а также функциональная нагрузка испанского и английского языков. Последняя определяется теми функциями, которые два языка выполняют в обществе, находясь в отношениях функциональной дополнителности. В зависимости от языковой ситуации билингв должен «переключаться» с одного языка на другой. Способность к переключению кодов по данным литературы является характерной особенностью билингвов, владеющих вторым языком на достаточно высоком уровне. Несмотря на то, что, по мнению некоторых исследователей, переключение кодов считается нехарактерным для субординативного билингвизма [2, 13], дикторы-мексиканцы, как показывают сведения из анкет, используют испанский и английский языки в разных ситуациях общения. Смена кода у дикто-

ров-мексиканцев может происходить в связи со сменой адресата (в Эль Пасо есть носители английского языка, не владеющие испанским языком, в том числе университетские преподаватели) и сферы или ситуации общения (например, сфера семейного общения предполагает использование испанского языка, а учебная среда – двух языков или только английского).

Социолингвистические портреты информантов внутри каждой из трёх подгрупп, сформированных на основе их языковой компетенции, приведены ниже.

Возраст дикторов группы информантов со средней степенью владения английским языком (Intermediate) составляет от 18 до 26 лет, средний возраст – 19,8 года. Гендерный состав – четыре мужчины и шесть женщин. Шесть из десяти учащихся родились в городе Эль Пасо на территории США, но проживали с рождения в Мексике и начали там же учиться в школе. Все они начали изучать английский либо в начальной (40 %), либо в средней школе в Мексике (60 %), оставаясь до этого периода испаноговорящими монолингвами, проживающими в испаноговорящем языковом окружении, без активного влияния английского языка. Время изучения английского языка, в среднем составляющее 6 – 7 лет, не оказало решающего влияния на уровень владения английским языком в настоящее время, поскольку все студенты изучают английский язык в университете в группе одного уровня. Шесть человек проживают на территории США в Эль Пасо, один из них в течение 5 лет. Те студенты, которые указали США в качестве места проживания, как правило, снимают в Эль Пасо квартиры, посещая Мексику в выходные. Те, кто проживают в Хуаресе, проводят целый день в Эль Пасо, возвращаясь в Мексику ночевать. Трудно найти соответствие между рождением в США и проживанием на территории этой страны в настоящее время. С точки зрения языкового окружения информанты находятся практически в равных условиях. Языком, на котором они общаются дома, в 90 % является испанский, только у одного информанта в домашнем общении используются оба языка. Шесть из десяти респондентов в университете и на работе говорят как на испанском, так и на английском, оставшиеся трое – на испанском, и лишь один испытуемый – на английском. Большую часть дня 90 % участников анкетирования говорят по-испански. Все, кроме одного, предпочли бы общение только на испанском языке, если бы у них был выбор. Доминирующим языком для абсолютного большинства дикторов является испанский, который используется как в бытовой, так и официальной обстановке.

Возраст студентов, обучающихся в группе Upper-Intermediate, составляет от 18 до 45 лет, средний возраст – 21,9 лет. Этот показатель владеющих английским языком на уровне Upper-Intermediate выше, поскольку в неё входит студентка в возрасте 45 лет. Возрастной состав остальных информантов сравнительно однороден. Гендерный состав – четыре мужчины и шесть женщин, как и в предыдущей группе. Четверо из десяти учащихся родились в городе Эль Пасо на территории США, но проживали с рождения в Мексике в испаноговорящих семьях и начали там же учиться в школе (кроме одной испытуемой, которая начала учиться в школе в г. Эль Пасо). Половина информантов начали изучение английского языка в начальной школе, оставшиеся 50 % студентов – в средней. Все респонденты начали изучать английский либо в начальной, либо в средней школе в Мексике, оставаясь до этого периода испаноговорящими монолингвами, проживающими в испаноговорящем языковом окружении без активного влияния английским языком. Испытуемая в возрасте 45 лет отличается от остальных информантов не только возрастными особенностями, но и тем, что она имела достаточно долгий перерыв (около 20 лет) в процессе изучения английского языка. Вместе с тем такую ситуацию нельзя назвать полной языковой изоляцией, поскольку в течение этого времени она регулярно посещала Эль Пасо в различных целях. Длительность обучения, скорее всего, не оказала решающего влияния на языковую компетенцию информантов этой группы, поскольку все они изучают английский язык в университете в группе уровня Upper-Intermediate. Семь человек проживают на территории США в г. Эль Пасо в течение промежутка времени от 1 года до 4 лет. Как и в случае с предыдущей группой информантов уровня Intermediate, трудно найти соответствие между рождением в США и проживанием на территории этой страны в настоящее время: на территории США проживают и те, кто был рождён в Эль Пасо, и те, кто родился в Мексике. Языком, на котором испытуемые общаются дома, в

Макарова Е. Н.

ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ ФОРМ И МЕТОДОВ ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА В РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

90 % случаев является испанский, только у одного информанта дома используются оба языка, несмотря на то, что оба родителя являются испаноговорящими. Трое из десяти студентов в университете и на работе говорят как на испанском, так и на английском, и только двое (в сравнении с 3-мя группы Intermediate) – на испанском. Интересно, что оставшиеся пять человек в качестве языка, на котором они говорят на работе или месте учёбы, указали английский язык. Это составляет 50 % всех респондентов в сравнении с 10 % (1 человек) в группе Intermediate. Испанский язык не является доминирующим при общении в официальной обстановке для испытуемых этой группы. Тем не менее большую часть дня 80 % респондентов говорят по-испански, причём один из них уточнил, что использование английского или испанского языка зависит от предпочтений собеседника. Речь в данном случае идёт о кодовом переключении, когда выбор языка определяется сменой адресата. Данные по этому параметру практически совпадают с результатами, полученными в предыдущей группе. Если в группе Intermediate все участники анкетирования, кроме одного, предпочли бы общение только на испанском языке, если бы у них был выбор, два информанта уровня Upper-Intermediate хотели бы общаться по-английски, а для одного в качестве языка как средства коммуникации могут выступать как английский, так и испанский. Основным отличием информантов группы Upper-Intermediate от учащихся с уровнем владения языком на среднем уровне является более активное использование английского языка в университете и на работе, а также его предпочтение в качестве средства повседневного общения. Такие результаты, по-видимому, могут быть объяснены более высоким уровнем владения английским языком информантами данной группы, что, несомненно, даёт им преимущество в использовании языка, как в академических, так и бытовых целях.

Возраст студентов, обучающихся в группе с продвинутым уровнем владения английским языком (Advanced) составляет от 20 до 25 лет. Пожалуй, она является наиболее однородной по возрасту (средний возраст составляет 21,5 года). Гендерный состав – три мужчины и семь женщин. Половина из респондентов родились в городе Эль Пасо на территории США, один из них живёт в Эль Пасо с рождения, а четверо оставшихся родились и жили в Мексике и там же начали учиться в школе. Все участники анкетирования начали изучать английский либо в начальной (60 %), либо в средней школе (40 %) в Мексике, оставаясь до этого периода испаноговорящими монолингвами, проживающими в испаноговорящем языковом окружении. Один испытуемый начал изучать английский язык в школе г. Эль Пасо, продолжая оставаться в испаноговорящем окружении в семье. Лишь один информант проживает в настоящее время на территории Мексики, остальные проживают на территории США, причём четыре человека в течение пяти и более лет. Языком домашнего общения в 90 % является испанский, только у одного информанта дома говорят на двух языках. Трое из десяти студентов в университете и на работе говорят как на испанском, так и на английском, три человека – на английском, а оставшиеся четверо – на испанском. Это самый большой процент (40 %) от общего количества учащихся данной группы, отдающих предпочтение испанскому языку для общения в академической и трудовой среде среди всех групп. В группе Upper-Intermediate соответствующий показатель составляет 20 %. Тем не менее испанский язык нельзя назвать доминирующим при общении в официальной обстановке. Большую часть дня 90 % информантов говорят по-испански, кроме одного, указавшего в соответствующей графе английский язык. Данный признак является схожим у представителей всех трёх групп. Два участника анкетирования отдали предпочтение английскому языку в качестве языка для общения, несмотря на то, что первый из них проживает на территории США всю жизнь, а второй – лишь 3 года. Оставшиеся студенты (8 человек) предпочли бы общение только на испанском языке, если бы у них был выбор.

Анализ данных всех анкет, заполненных информантами трёх подгрупп, позволяет сделать следующие выводы. Возраст испытуемых (за исключением одного человека в группе уровня Upper-Intermediate) является приблизительно одинаковым. Один из 30 информантов проживает на территории США с рождения, шесть человек в течение пяти и более лет. Все учащиеся до начала обучения английскому языку в школе являлись испаноговорящими монолингвами и начали изучать английский язык в начальной или средней школе. Доминирующим языком для общения дома для большинства информантов является испанский язык.

Респонденты всех подгрупп (Intermediate, Upper-Intermediate и Advanced) используют английский язык в учебной и рабочей обстановке наряду с испанским. При этом разницу между представителями трёх групп по этому признаку вряд ли можно назвать существенной. Испанский язык используется почти всеми информантами в качестве языка повседневного общения в течение дня (26 человек из 30-ти). Доминирующим для общения в случае возможного выбора большинством был также назван испанский язык.

Таким образом, влияние анализируемых факторов на уровень владения респондентами английским языком не является существенным. Интересным, на наш взгляд, будет дальнейшее исследование связи рассмотренных факторов со степенью проявления в речи испытуемых иноязычного акцента, в том числе на уровне расстановки фразовых акцентов. Изучение причин, определяющих степень проявления межъязыковой интерференции и иноязычного акцента, проведено в работе Т. Писке, Я. Маккея и Дж. Фледжа [7]. Рассматривая среди прочих продолжительность проживания в стране изучаемого языка, мотивацию, уровень функциональной нагрузки первого (родного) и второго языка и языковые способности, авторы выделяют среди факторов, оказывающих влияние на степень проявления иноязычного акцента у испытуемых, лишь два – возраст обучающегося и частоту использования родного языка. Влияние остальных факторов остаётся неясным, прежде всего, по причине отсутствия экспериментальных исследований по данной тематике. Её дальнейшая разработка на материале английской речи мексиканских билингвов позволит заполнить этот пробел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 275 с.
2. Беликов, В. И. Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 439 с.
3. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Зарубежная лингвистика. III; пер. с англ., нем., фр.; под общ. ред. В. Ю. Розенцвейга, В. А. Звегинцева, Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1999. – С. 7-42.
4. Achugar, M. Counter-hegemonic language practices and ideologies. Creating a new space and value for Spanish in Southwest Texas // In: Spanish in context, 2008, 5:1. – P. 1-19.
5. Bills, Garland. The US Census of 1980 and Spanish in the Southwest // International Journal of the Sociology of Language, 1989, 79. – P. 11-28.
6. Fernández Leticia & Cheryl Howard & Jon Amastae. Education, race/ethnicity and out-migration from a border city // Population Research and Policy Review, February, 2007, vol. 26(1). – P. 103-124.
7. Piske, T., MacKay, I. R. A. & Flege, J. E. Factors affecting degree of foreign accent in an L2: A review // Journal of Phonetics, 2001, 29. – P. 191-215.
8. Silva-Corvalán, C. Spanish language attrition in a contact situation with English // In: Seliger, H. and R. Vago (eds.). First Language Attrition. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – P. 151-171.
9. Silva-Corvalán, C. Language contact and change: Spanish in Los Angeles (Oxford studies in language contact). – Oxford: Clarendon, 1994. – 255 p.
10. Teschner Richard V. Beachheads, islands, and conduits: Spanish monolingualism and bilingualism in El Paso // Texas International Journal of the Sociology of Language, January, 1995, No. 114. – P. 93-105.
11. Thomason, Sarah & Terrence Kaufman. Language contact, creolization, and genetic linguistics. – Berkeley: University of California Press, 1988. – 411 p.
12. Valdés G. Social interaction and code-switching patterns: a case of Spanish / English alteration // In.: J. Amastae, L. Elías-Olivares (eds.), Spanish in the U.S.: Socio-linguistic Aspects. Cambridge: C.U.P., 1982. – P. 209-229.
13. Weeks J. R. & Ham-Chande R. Demographic Dynamics of the U.S. – Mexican Border. University of Texas, 1992. – 318 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Cuda-Kroen G. Being Bilingual may boost your brain power. <http://www.npr.org.2011/04/04/135043787/being-bilingual>
2. <http://www.kansascity.com/2011/04/04/2765852/commentar>

Приходько В. К.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА С БАЗОВЫМ КОГНИТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ЛЮБОВЬ» В СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ

Приходько В. К.

V. K. Prikhodko

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА С БАЗОВЫМ КОГНИТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ЛЮБОВЬ» В СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ

A LEXICAL-SEMANTIC GROUP HAVING «LOVE» AS ITS BASIC COGNITIVE COMPONENT, IN THE 'DICTIONARY OF RUSSIAN DIALECTS OF THE AMUR RIVER REGION'

Приходько Виктория Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Петра Комарова 2, кв. 21; 8 (4212) 22-73-80. E-mail: ulius-viktori@mail.ru.

Ms. Victoria K. Prikhodko – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, the Far Eastern State University of Humanities; 2, Petra Komarova Str., room 21, 680000, Khabarovsk, Russia. E-mail: ulius-viktori@mail.ru.

Аннотация. В данной статье представлена лексико-семантическая группа с базовым когнитивным компонентом «любовь», рассмотрена семантика диалектных слов и фразеологизмов, входящих в данную группу. Проанализированы лексемы, отражающие гендерную культуру поведения, строгую систему ценностей диалектоносителей в любви, диалектную картину мира. Выявлены наименования любимого человека в русских говорах Приамурья. Предпринята попытка установить причинно-следственные связи функционирования слов, входящих в обозначенную группу.

Summary. The paper examines a lexical-semantic group having “love” as its basic cognitive component; we consider the semantics of dialectal words and phraseological units belonging to this group. Lexemes are analyzed which reflect a gender-specific behavioral philosophy, a strict system of values pertaining to love, and a dialectal worldview. We also reveal the names that are given to ‘the beloved one’ in the Amur River region’s dialects. An attempt is made to determine the cause-and-effect relationships governing the functioning of the words that belong to the mentioned lexical-semantic group.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексема, семантика, картина мира, фразеологизм, базовый компонент «любовь», русские говоры Приамурья, диалект.

Keywords: lexical-semantic group, lexeme, semantics, worldview, fixed phrase, basic cognitive component “love”, Russian dialects of the Amur River region, dialect.

УДК 811.161.1.-087(571.61/62)

Словарь русских говоров Приамурья, на материале которого в данной статье рассматривается лексико-семантическая группа (ЛСГ) с архисемой «любовь», включает диалектную лексику и фразеологию русских говоров Приамурья, распространенных на большой территории, от с. Албазино до г. Хабаровска (говоры старожилого населения Амурской области и Хабаровского края по верхнему и среднему течению р. Амура). Словарь отражает своеобразие лексики русского населения отдаленной окраины России, потомков первых амурских переселенцев из Забайкалья. Время формирования говоров Приамурья – середина XIX в., когда для охраны границы с Китаем на левобережье Верхнего и Среднего Амура возникли первые русские поселения – казачьи станицы: Албазинская, Черняевская, Игнашинская, Поярковская, Екатерино-Никольская, Михайло-Семеновская и др. На новой территории, в

Приамурье, образовался своеобразный сплав забайкальских говоров, в которых преобладали севернорусские черты.

Характеристика диалектной лексики, раскрывающей психологические особенности амурских казаков, их эмоции, чувства, является ярким штрихом к портрету русского человека.

В Словаре русских говоров Приамурья можно выделить ряд ЛСГ с базовыми словами «эмоции», «чувства», которые объединяют семемы, содержащие в своём значении семы, связанные с базовыми компонентами. Предполагается, что базовые лексемы можно конкретизировать по какому-то отдельному чувству (любовь (ненависть) и т.д.) и подробно исследовать парадигмы слов, входящих в ЛСГ.

Так, лексемы, составляющие ЛСГ с базовым когнитивным компонентом «любовь», представлены разными частями речи: глаголами, именами существительными общего рода, прилагательными. Все лексемы отражают культуру, строгую систему ценностей диалектоносителей, картину мира сельского жителя, ориентированного в основном на выживание, на борьбу с суровым климатом, нацеленного на охоту, рыбалку, освоение ремесел. К любви отношение земное, простое, патриархальное, неглавное. Главное – «хозяйство вести», поэтому в русских деревнях повсеместно не употреблялся глагол «любить», его целомудренно заменяли словом «жалеть».

Словарь русских говоров Приамурья свидетельствует об этом явлении:

Ср.: *жалеть*, -ею, -ёшь, несов., кого. 1. *Любить*. Она его всё ещё жалёт (Покр. Бик.). Он её жалеет – любит, не бьёт (Башур. Облuch.). Хаб. (Бик. Облuch.).

2. *Ласкать*. Жалеет – значит ласкает ребенка (Покр. Бик.). Хаб. (Бик.) [11, 128].

Можно предположить, что одной из причин семантической синонимии «любить» – «жалеть» был патриархальный христианский уклад России, которая до революции была большей частью православной страной. Христианство понималось как сострадание ближнему. Доказательством такого миропонимания служит первое послание апостола Павла к коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (см. прим. 1).

В стихотворении И. Снеговой автором замечательно передана общерусская народная черта – «жалеть», т.е. проявлять глубокие чувства привязанности: «У нас говорят, что, мол, любит, и очень, / Мол, балует, холит, ревнует, лелеет... / А, помню, старуха-соседка короче, / Как встарь в деревнях, говорила: жалеет» (см. прим. 2). В стихотворении рассказывается о том, как именно муж соседки «жалел»: радовал, задаривая полушалками, рвался пораньше домой с ярмарки, заботился, берег сон и покой.

В литературном языке существует много глаголов для выражения симпатии и привязанности, в частности, активен в литературно-разговорной речи глагол «нравиться», который является своеобразным эвфемизмом к глаголу «любить», он означает, что кто-либо или что-либо приходится по нраву, по вкусу.

Семантическим синонимом к слову «нравиться» является диалектный глагол «глянутья», обозначающий высшую степень симпатии:

глянутья, -нусь, -нешься, несов.; *поглянутья*, -нусь, -нешься, сов. *нравитья*, *быть по вкусу*. Я тогда девка красива была, да и он мне глянулся шибко (Кн-ка Кнст.). Один одному поглянулись и сошлись (Чесн. Мих.). Поглянулась девка парню (Джл. Скв.). Счас выходят замуж, а то убегом, приехал жених, поглянулся, и убёгла я (Полярк. Мих.). Амур. (Повсем.). Хаб. (Повсем.). Нов.-Даур. – Ср. *взглянутья* [11, 86].

Можно предположить, что вместо литературного сочетания «Я Вас люблю», широко употребляющегося в романах и стихах, в деревнях произносили «ты глянешься».

Общерусский фольклор содержит много ласковых прозвищ любимого человека, которые, несомненно, могут входить в ЛСГ с архисемой «любовь».

Так, в статье С. Л. Гурской «Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в Ярославских говорах» представлены ласковые номинации, характерные для устного народного творчества: «Слова *забава, забавочка, земляничинка, изюминка, надёжа, надёженька, повадушка, прихехе, прихехеня, прихехенечка, прихехенька* имеют в ЯОС помету «фольклорное», а лексемы *дроля, дролечка, дролинька, дролька, залёта, залётка, залёточка, прияточка, ягодка, ягодина, ягодинка, ягодиночка* чаще всего употребляются в частушках. При этом для народно-поэтических слов с лексическим значением “любимый, любимая” характерно преобладание оценочного компонента над номинативным; их назначение – выразить любовь, симпатию, расположение, назвать близкого человека ласково, приветливо» [4, 171].

В русских говорах Приамурья в сравнении с ярославскими говорами поразительно мало ласковых названий для любимого человека. Словарь фиксирует следующие лексемы: *симпатёточка, сухарница, дóзмур, дрóлечка, дружíна, дру́га, молодúшка, мíлка, мíла, милáшка, милéш, нáкочка*.

Природная сдержанность, неласковость носителей Приамурских говоров объясняется отчасти суровостью климата, любовь стояла не на первом месте, т.к. на Дальнем Востоке приходилось выживать, бороться с холодом, с влажным климатом, в котором случались и наводнения, и неурожай, и засуха. Тяжелый крестьянский труд, рыбная ловля, охота занимали приоритетное место в жизни приамурских казаков. Это не противоречит и известному учению А. Маслоу об иерархии потребностей человека.

Есть некоторые специфические особенности в семантике и функционировании в речи диалектоносителей этих слов.

Ср.: *симпатёточка, и, ж. Девушка, с которой встречается и которую любит парень. Отгорели лампочки, отпадали стёклушки, отделали вечёпочки ваши симпатёточки (Уш. Шим.). Амур. (Шим.)* [11, 396].

Помимо положительной оценки в лексическом значении слова – «симпатичная девушка», слово имеет уменьшительно-ласкательный суффикс -очк-, который передает коннотации нежности, ласки.

Ср. также: *сухарница, -ы, ж. 1. Девушка, которая встречается, дружит с юношей. Ты чё, его сухарница что ли? (Уш. Шим.). Амур. (Бур. Серыш. Шим.). 2. Любовница. У женатого сухарница, полюбовница (Вас. Вяз.). Сухарницу-то его звали Каткой (Черн. Магд.). Ну сошлись сухарник с сухарницей (Е.-Ник. Окт.). Амур. (Магд.). Хаб. (Вяз. Окт.)* [11, 430].

Отметим, что слово *сухарница*, вероятно, произошло от слова «сушить», «присушивать». Существовали обряды присушивания любимого человека. Известно, что в деревнях пользовались популярностью любовные привороты, зелья, присушки и т.д.

Присушить любимого – это вызвать в нем тоску. Заговоры-присухи использовались в основном женщинами, которые хотели, чтобы любимый мужчина по ней скучал, места себе не находил, страдал (неслучайно в русском фольклоре песни о любви называются «Страдания»), иногда присушки были нужны для вызова физического желания.

К ласковым наименованиям следует отнести также лексемы:

– *дружíна, -ы, ж. Жена. Свою жену муж называл дружиной, а других женщин – жинкой (Лен. Арх.). Амур. (Арх.)* [11, 212];

– *молодúшка, -и, ж. То же, что молодúха. Молодушка – котóра только недавно взáмуж вышла (Бикин). Девка выйдет взáмуж, дак и зовётся молодушка (Черн. Магд.). Амур. (Магд.). Хаб. (Бик.)* [11, 229].

В слове *молодúшка*, как и в других диалектных наименованиях лица, присутствует суффикс субъективной оценки -ушк-, уменьшительно-ласкательный.

Интересен с точки зрения семантики ряд слов *дóзмур, мíлка, мíла, милáшка, милéш, дрóлечка*.

Согласно картотеке Г. С. Новикова-Даурского, слово *дóзмур* имеет негативную семантику:

дóзмур, -а, м. Устар. Любовник. Она уж с дозмуром таскáтся (Е.-Ник. Окт.). Хаб. (Окт.). Нов.-Даур. [9, 114].

Остальные номинации в представленном ряду употребляются, как правило, с положительной оценкой:

Ср.: *мíлка, мíла, милáшка* – любовница. *Моя мила платье мыла, а я любовался.* (СУ: обл., фамил.) [9, 108], *милéш, -а, м. возлюбленный. У мнучки милеш ешь (Кольц. Шим.). Отец говорил: «Чего их учить, милешáм записки писать? Пусть работают» (Алб. Скв.). Амур. (Скв. Шим.) [11, 241].*

Л. С. Гурская пишет: «Глагол *дрóлиться*, известный в русских говорах в значениях “иметь любовные отношения с кем-либо” (арх., иван.) и “гулять, проводить время с любимым” (свердл.), является мотивирующим для распространенных во многих районах Ярославской области слов с корнем *дрол’-*, называющих милого, возлюбленного человека: *дрóля* (ср.: *У подружки дроля Коля, ну и мне бы завести. Пошех.*), *дрóлинька, дрóлечка* (ср.: *Дролечка не забывает на чужой сторонущке. Тут.*), *дрóлька* (ср.: *Пойду к дрольке на свиданье. Больш.*). В Угличском р-не нами была записана частушка:

Уж я дроленьку свою работать не заставлю –

Сам я печку истоплю, самовар поставлю (д. Патрикеево).

Указанные лексемы распространены и в других севернорусских говорах (ср.: *Дроля уехал, веселье увез. Олон.; Я на мельнице была – чего накудесила: Часы с помельщика сняла, на дроленьку повесила. Арх.; Вон 20 на угоре сидят, все мои дрольки. Арх.*), причем они подаются в СРНГ по отношению к архангельским говорам с пометой “чаще муж. рода” и примечанием “слова эти сравнительно новые», так как зафиксированы они были уже в XX веке» [4, 171-172].

Интересно, что слово *дролиться* в указанных С. Л. Гурской значениях Словарем русских говоров Приамурья не фиксируется, в него занесен глагол *дролить* в значении «ласкать», производное от него существительное общего рода *дрóлечка* используется диалектоносителями как ласковое название любимого человека:

дрóлечка, -и, ж. ласк. возлюбленный. А дролечка-то у нас на двоих один был (Марк. Благ.). Амур. (Благ.) [11, 119].

Слово *дрóлечка* – общерусское, завезенное на Дальний Восток переселенцами.

Словарь русских говоров Приамурья фиксирует и такие лексемы, называющие любимого человека, как *дрóга* и *на́кочка*:

– *дрóга, -и, ж. подруга. Выпадает свободная минута, я бегу к своей друге, и мы с ней идём на вечерку (Н. Буз. Своб.). Амур. (Своб.) [11, 119];*

– *на́кочка, -и, общ. ласк. к на́ка. Когда жена любит мужа, она говорит: «Вот мой накочка пришёл» (Уш. Шим.) [11, 258].*

Одной из других важных причин довольно скромного числа номинаций, входящих в ЛСГ «любовь», являлось частое отсутствие в семейной жизни любви, поскольку имели место ранние браки, которые заключали родители, диктуя детям свою волю. Так было в России повсеместно. Об этом явлении написал А. С. Пушкин в третьей главе романа «Евгений Онегин»: «Да как же ты венчалась, няня?» / – Так, видно, бог велел. Мой Ваня / Моложе был меня, мой свет, / А было мне тринадцать лет. / Недели две ходила сваха / К моей родне, и наконец / Благословил меня отец» (см. прим. 3).

В ситуации вступления в брак не по любви, а по решению и велению родителей, большим благом было, когда супруги жалеют друг друга, не обижают, сочувствуют. Но поскольку любовь между молодыми людьми на селе все же случалась, а родители были против свадьбы, то молодые пускались в бега.

Словарь русских говоров Приамурья фиксирует в связи с этим фразеологизм «бегловая свадьба»:

бéгловая свáдьба. Устар. Свадьба без родительского согласия на брак. Свадьба с честью есть, а есть бегловые свадьбы (Заг. Сел. Своб.). Амур. (Своб.) [11, 28].

Приходько В. К.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА С БАЗОВЫМ КОГНИТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ЛЮБОВЬ» В СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ

Бегловой свадьбе противопоставлялась, образуя антонимические контрадикторные отношения, *свадьба с честью*:

сва́дьба с че́стью. Устар. *Свадьба с родительского согласия на брак*. Свадьба с честью – это с родительского благословения. Есть свадьбы с честью, а есть бегловые свадьбы (*Заг. Своб.*). *Амур. (Своб.)* [11, 383].

Ср. также лексему *убежать* с синонимическим значением к фразеологизму *бегловая свадьба*:

убежа́ть, -гу́, -жи́шь, Сов. *выйти замуж без согласия родителей*. Все подружки убежали, а я осталась зимовать (*Черн. Магд.*). Я-то замуж убежала, вышла замуж без согласия (*Игнат. Благ.*). *Амур. (Благ. Магд.)*. – Ср. *убе́гнуть* [11, 451].

В Словаре русских говоров Приамурья фиксируется номинация, называющая девушку, отрекшуюся от родителей:

отро́чница, -ы, ж. Устар. *девушка, вышедшая замуж тайком, без согласия родителей*. Убегут убе́гом, такй девки отро́чницы звались (*Заг. Сел. Своб.*). *Амур. (Своб.)* [11, 302].

Интересно, что общерусское устойчивое сочетание *брать в жены* структурно-семантически трансформируется до названия конкретного действия в свадебном обряде:

брать не́весту. *Совершать свадебный обряд выдачи невесты жениху*. Вечером женихи вечеру́ют, а утром невесту берут (*Джл. Скв.*). *Амур. (Скв.)* [11, 43].

От воли родителей многое зависело: давать или не давать согласия на брак, благословить или нет, устроить ли свадьбу или просто *вечер*, например:

вече́р, -а, м. *Предсвадебное гулянье, вечеринка*. Свадьбы-то у меня не было, а был вечер (*Ст. Окт.*). Родители согласятся, сделают вечер, устроят пропой (*Анос. Шим.*). *Амур. (Шим.)*. *Хаб. (Окт.)* [11, 59].

Венчание на Дальнем Востоке называли дублетным словом *венцы*:

венцы́, -цо́в, мн. *Венчание*. Раньше до венцов не жили. Из-под венцов приведут, тогда живите (*Алб. Скв.*). До венцов отец привёз маму, замкнули её (*Джл. Скв.*). *Амур. (Скв.)* [11, 59].

Однако слово *венцы* в значении «венчание» отличалось по смыслу от слова *венчик* – часть свадебного наряда невесты:

вене́чик, -а, м. *То же, что венёц в 1-м знач.* Раньше невеста одевала венчик, красиво-то как было (*Н.Буз. Своб.*). Голову невесты украшали на свадьбу венчиком, не то что сейчас шляпа с вуалью (*Н.Буз. Своб.*). *Амур. (Своб.)* [11, 59].

О том, что девушек порой принуждали к браку против воли, свидетельствует фразеологизм *из-под клинка взять*:

из-под клинка́ взять. Устар. *Выдать замуж насильно*. До свадьбы я своего не знала. Я из-под клинка взята (*Черн. Магд.*). *Амур. (Магд.)* [11, 62].

Однако серьезность и важность свадебного обряда понимались всеми без исключения, какой бы свадьба ни была: *с честью* или *из-под клинка*, поэтому невесту старались красиво нарядить и в первый день свадьбы, и во второй, неслучайно в Словаре русских говоров Приамурья встречается сочетание *визитное платье*:

визи́тное пла́тье. *Платье, надеваемое невестой на второй день свадьбы*. Платье светлых тонов, которое надевала невеста на второй день свадьбы – это визитное платье (*Алб. Скв.*). Одежи: фата, белое платье и визитное платье на второй день (*Игнат. Благ.*). *Амур. (Благ. Скв.)* [11, 63].

Важно было и то, чтобы инициатива к браку шла от мужчины, а не от женщины. Иначе считалось, что *свадьба навяленная, навяленная невеста, навяленная родня*. В картотеке Г. С. Новикова-Даурского и в Словаре русских говоров Приамурья зафиксировано слово *навялиться*.

Можно также объяснить малочисленность слов в ЛСГ с архисемой «любовь» неосведомленностью вследствие неграмотности, необразованности.

В. В. Виноградов в работе «О языке художественной литературы», анализируя отрывок из пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург», высказал мысль о заметных

социальных различиях в отношениях к любви, существовавших в XIX в.: «Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж. “По страсти, – отвечала старуха, – я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь”. Таковые страсти обыкновенны». Литературное слово страсть – «увлечение, чувственная любовь» и народно-разговорное страсть – «страх» здесь каламбурно сопоставлены для выражения глубоких социальных контрастов [3, 237-238].

А. С. Пушкина действительно сильно удивляла огромная пропасть в отношении к любви у дворян и крестьян. Пушкин спросил у казака, ехавшего на побывку: «Что сделаешь с женой, если узнаешь, что она тебе изменяла?» Казак дал потрясающий ответ: «Если сена на зиму заготовила – прощу, а нет – побью» (см. прим. 4).

Данная история свидетельствует о нацеленности в среде крестьян на чисто практические хозяйственные навыки (готовка, уборка, работа в огороде, уход за скотиной), а не на возвышенные духовные чувства, на которые не хватало времени и сил.

Прагматическую ориентированность на труд домашний и колхозный можно видеть вплоть до середины XX в. Дети и школу могли пропустить, если того требовало домашнее хозяйство.

В Словаре русских говоров Приамурья находим примеры: Отец говорил: «Чего их учить, милешам записки писать? Пусть работают» (Алб. Скв.). Амур. (Скв. Шим.). Дочка читает целыми днями, лентяйкой растёт: ни убрать в доме, ни сварить» [11, 241].

Девушки с детства воспитывались как работницы, уходящие в дом мужа, их называли *чужим товаром*:

чужой товар. О девушках в семье. А на что семье дёвка – чужой товар (Кум. Шим.). Ребят поучил, а вы, девки, – чужой товар: учить нечего (Пашик. Облuch.). Амур. (Шим.). Хаб. (Облuch.) [11, 487].

Женщины, неприученные к ведению домашнего хозяйства, жестоко осуждались. Существует целый ряд наименований бесхозяйственных женщин с пометой *неодобрительное*:

– *необиходница, -ы, ж. Неряшливая женщина. Необиходница она, грязнуля, всё по лавкам расставит немытое (Введ. Серыш.). Ну, Ленка, ты необиходница у нас, никогда не возмёшь тряпку, не подотрёшь пол (Серг. Благ.). Амур. (Благ. Серыш.). Нов.-Даур. [11, 269];*

– *неряшиха, -и, ж. Неодобр. Неряха. Грязнулю называли неряшихой (Алб. Скв.). Сенька ленива, а неряшиха, каких свет не видел! (Алб. Скв.). Неряшихи и счас найдутся. Есть таки в селе (Ин-ка Арх.). Амур. (Арх. Скв.). – Ср. Неряшка [11, 269];*

– *неряшка, -и, ж. То же, что неряшиха. Неряшка какá моя соседка, а мужиков водит (Поярк. Мих.). Амур. (Мих.) [11, 269];*

– *никудышка, -и, ж. Неодобр. Ни к чему не приспособленный, никчемный человек. Она никудышка была, ничё не умела делать (Лен-ское Лен.). Хаб. (Лен.) [11, 271].*

Проявлять любовь стеснялись, произносить слова «любовь», «люблю» считалось неприличным. Любовные похождения осуждались и порицались. Ценились скромность, целомудренность. В Словаре русских говоров Приамурья 60 наименований женщины легкого поведения, среди них, например:

– *покрýтка, -и, ж. Неодобр. Женщина, родившая внебрачного ребенка. Покрýтка она, без мужа родила (Уш. Шим.). Амур. (Шим.) [11, 339];*

– *пристяжка, -и, ж. Неодобр. Любовница. Пристяжка? У нас незаконную жену пристяжкой называли (Джл. Скв.). Пристяжку завёл, хороводится с ей, детей забыл (Серг. Благ.). Амур. (Благ. Скв.). Нет в таком значении, только Амур. [11, 428];*

– *лю́дная дёвка. Девушка легкого поведения. Наладят смолы и мажут заплот и воробы людным девкам. Лю́дны девки, онé гуляют, у их много ухажёров: одного парня бросат, дру-гого, сами себя хорошо не вели (Союз. Окт.). Хаб. (Окт.) [11, 428].*

Скромность поведения диктовалась общественным мнением. Сплетни и слухи распространялись быстро. Никто из деревенских жителей не хотел становиться предметом

Приходько В. К.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА С БАЗОВЫМ КОГНИТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ЛЮБОВЬ» В СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ

обсуждения. Данную примечательную особенность крестьянской жизни запечатлел советский кинематограф в фильме «Дело было в Пенькове». Матвей, главный герой фильма, вполне прочувствованно на своем опыте пел песню на стихи Н. Доризо: «От людей на деревне не спрятаться, / Нет секретов в деревне у нас. / Не сойтись, разойтись, не сосвататься / В стороне от придирчивых глаз» (см. прим. 5).

Сплетники тоже осуждались. Словарь русских говоров Приамурья фиксирует слова с негативной оценочностью, называющих болтунов: *бóтало*, *брехушка*, *язычница*, *плёха*, *хлопуша*, *распустиха* и др. Однако существовало и убеждение, что люди зря не скажут.

Можно также отметить интересную деталь: в сельской местности хозяйки ласковы со скотиной: гладят, называют по именам, а с людьми разговаривают иначе: сдержанно, даже сурово. Однако внешняя холодность легко объяснима, особенно с посторонними, поскольку женская честь и репутация в крестьянской среде ценились порой выше приданого.

Резкое осуждение добрачных и внебрачных связей распространялось и на рожденных в этих связях детей:

– *байстриók*, *бастриók*, -а, м. *Внебрачный ребенок*. Эй ты, байстриók, куда босой намылился? (*Виногр. Бур.*). Бастриók – без отца рожденный ребенок. Бастриюки балованны (*Кн-ка Кнст.*). Амур. (*Бур. Кнст.*). Ср. *Баягón*, *Выблюдок*, *Выкормыш*, *Заугольник*, *Суразёнок* [11, 22];

– *баягón*, -а, м. *То же, что байстриók*. Этот баягón соседки нашей (*Благовец.*). Амур. (*Благ.*) [11, 25].

Необходимо отметить существование в русских говорах Приамурья фразеологизма *пойти на детей – жениться или выйти замуж за человека, имеющего детей*. Вон Иван-то на детей пошёл, не испугался, а как хорошо живёт (*Серг. Благ.*). Амур. (*Благ.*) [11, 329].

Скромного поведения требовала мораль и от мужчин, об этом свидетельствует картошка Г. С. Новикова-Даурского:

Ср.: *ёрник* – *женолюб*, *эротик*, *садист*. Ох и ёрник этот Андрюха, за каждой бабой ухлестывал бы (прост. вульг.); *еровать* – *проявлять признаки полового хотения*. Только бы еровали тут с бабами.; *ерун* (*ярун*) – *похотливый на женщин, не скрывающий полового влечения*. Тунгусское – Ирун – северный олень (сожгой) [9, 67].

Таким образом, диалектная речь дальневосточников не склонна к излишней сентиментальности при описании любовных чувств. Глагол «любить» заменяется глаголами *жалеть*, *глядеться*. Список слов, называющих любимого человека, в сравнении с общерусским лексиконом довольно мал: *симпатёручка*, *сухárница*, *дóзмур*, *дрóлечка*, *дружýна*, *дру́га*, *молодушка*, *мýлка*, *мýла*, *мýлашка*, *милéш*, *на́кочка*.

Лексический и фразеологический материал (*бегловая свадьба*, *взять из-под клинка*, *навяленная невеста*, *чужой товар*) демонстрирует прагматические отношения, принимающие зачастую уродливые формы (чересчур ранние браки, неграмотность, неосведомленность), нацеленность только на ведение хозяйства, ханжеское осуждение добрачных и внебрачных связей (*покрытие*, *пристяжка*, *людная девка*, *ерун*, *ёрник*, *еровать*), неприятные названия детей, рожденных в этих связях (*баягон*, *байстриюк*), однако за приведенным словарным материалом угадывается непростая трудовая жизнь народа, видится глубокая мысль, высказанная еще Н. М. Карамзиным, что «и крестьянки любить умеют». Народная речь не нуждается ни в огульном порицании, ни в излишней идеализации, в ней, как и в природе Дальнего Востока, есть чистота, простота, скромность, суровая красота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.

3. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – С. 237-238.
4. Гурская, С. Л. Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в Ярославских говорах / С. Л. Гурская // Ярославский педагогический вестник. Филология. – 2009. - № 1(58). – С. 171-175.
5. Забродкина, Е. А. Эмоционально-оценочная лексика семантического поля «дом» в русских народных говорах / Е. А. Забродкина // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. тр., посвященный юбилею проф. Л. А. Климковой. – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 203-211.
6. Кирпикова, Л. В. О дефинициях и живом словоупотреблении / Л. В. Кирпикова // Народное слово Приамурья: сб. статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. – 141 с.
7. Мельниченко, Г. Г. Региональная лексикология и лексикография: Избранные работы / Г. Г. Мельниченко. – Ярославль: ЯГПУ, 2007. – 260 с.
8. Народное слово Приамурья: сб. статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. – 141 с.
9. Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского / подгот. к печати Л. В. Кирпикова, В. В. Пирко, И. А. Стринадко; вступит. ст. и ред. Л. В. Кирпикова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – 199 с.
10. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. – Новосибирск: СО РАН, научно-издательский центр ОИГГМ, 1999. – 540 с.
11. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. – 2-е изд., испр. и доп. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – 544 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Википедия (2013). Любовь (христианская добродетель). Википедия – свободная энциклопедия. Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Любовь_\(христианская_добродетель\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Любовь_(христианская_добродетель))
2. Artsportal.ru (2013). Любовь. Классическая русская поэзия. Режим доступа: http://russian-poetry.artsportal.ru/index.php?artist=167&code=artist_gallery&letter=%D1&template=main
3. Интернет-библиотека Алексея Комарова (2013). А.С. Пушкин. Евгений Онегин. Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/436/p.4/hit/index.html>
4. Проза.ру (2011). Слово в защиту Дантеса. Николай Иванович Кирсанов. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/09/10/1252>
5. Сайт ансамбля русской песни «Братина» (2013). От людей на деревне не спрятаться. Ансамбль русской песни «Братина». Режим доступа: <http://www.russkie-pesni.ru/repertour/ot-lyudey-na-derevne/>

Шушарина Г. А.

КОНЦЕПТ «ПАТРИОТИЗМ» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЯ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

Шушарина Г. А.
G. A. Shusharina

КОНЦЕПТ «ПАТРИОТИЗМ» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЯ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

“PATRIOTISM” AS THE ELEMENT OF THE SPHERE OF CONCEPTS PERTAINING TO THE REGIONAL CULTURAL IDENTITY IN KOMSOMOLSK-ON-AMUR

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 9, кв. 57. E-mail: Galinalmk@yandex.ru

Ms. Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 9 Lenina Pr., apt. 57, Komsomolsk-on-Amur, Russia. E-mail: Galinalmk@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается концепт «патриотизм» в пространстве русского национального характера. Патриотизм как один из параметров региональной идентичности жителя Комсомольска-на-Амуре исследуется с помощью методов лингвоаксиологии.

Summary. The paper tackles the problem of viewing the concept of ‘patriotism’ in the light of Russian national character. Examination of patriotism as one of the aspects of Russian cultural identity of city residents is carried out using the methods proceeding from lingual and axiological perspective.

Ключевые слова: национальный характер, концепт, лингвоаксиология, региональная идентичность.

Keywords: national character, concept, lingual and axiological methods, regional identity

УДК 81(075)

Национальный характер как лингвокультурный феномен вызывает интерес у многих ученых. При этом одни исследователи опровергают существование национального характера как «эмпирической совокупности свойств личности, типичных для всех или многих представителей народа, генетически заданных психических и нравственных черт нации» [5], а другие – предлагают рассматривать национальный характер с точки зрения культурно-нормативного аспекта. В таком случае под национальным характером понимается «устойчивый комплекс специфических для данной культуры ценностей, установок, поведенческих норм, принимаемых более или менее сознательно, сопряженных с конкретной социокультурной ситуацией и не передающихся автоматически по наследству» [5].

Нельзя не признать, что среди национальных характеров русский характер занимает особое место. Именно русскому характеру посвящены труды таких великих ученых, как Н. А. Бердяев, Г. Д. Гачев, Д. С. Лихачев [1; 2; 6].

Широко распространено представление о неуловимости русского характера. Так, Н. А. Бердяев указывал на антиномичность русского характера, которая проявляется в оппозиции анархичности и государственности, универсализма и национализма, свободы духа и покорности: «Русская душа мятежная, ищущая, душа странническая, никогда не удовлетворяющаяся ничем средним и относительным» [1].

Среди основных черт русского характера исследователи отмечают маргинальность [6], отзывчивость, находчивость, гибкость, пассивность [8]. Одной из черт русского национального характера ученые называют патриотизм, национальное чувство [5].

В словаре С. И. Ожегова патриотизм определяется как «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу» [7, 496]. Патриотизм особенно ярко проявляется в те моменты

истории страны, когда ее жителям угрожает опасность быть уничтоженными, например во время войны или стихийных бедствий.

В настоящей статье реализация концепта «Патриотизм» в региональных СМИ рассматривается на фоне недавнего наводнения в Хабаровском крае. Исследуемый концепт позволяет увидеть региональную идентичность жителей Комсомольска-на-Амуре сквозь призму концепта «Патриотизм».

Наше внимание будет сосредоточено на содержательном анализе сообщений на форуме городского сервера Комсомольска-на-Амуре и текстов газетных статей региональной прессы. В качестве метода исследования использовался метод аксиологической семиотрии, разработанный Иркутской лингвистической школой под руководством профессора Е. Ф. Серебренниковой. Семиотрия подразумевает «контекстуальный содержательный анализ, позволяющий выводить некоторые инференции, т.е. логические выводы интерпретации, по своей сущности сходные с пониманием, раскрытием смысла адресатом речи в условиях естественного общения, но более углубленного характера, допускающего вариативность интерпретации» [9, 423]. Интерпретация понимается как способ выявления смысла, заложенного в тексте/дискурсе через «определенный способ его оформления, который стремится к наиболее полному пониманию содержательного наполнения структур означивания с учетом сказанного, подразумеваемого, а также обстоятельств высказывания» [10, 43].

Наводнение, с которым столкнулись жители дальневосточного региона России, объединило и сплотило людей. Люди высказывали свою обеспокоенность судьбой города: «Вместе мы справимся», «Сейчас к нам пришла общая беда. Для всего города. Без разделения на начальников и нена начальников. Надо быть вместе, держаться вместе» [3].

На дамбах, защищающих Комсомольск-на-Амуре, трудились все, кому небезразлично будущее родного города, независимо от возраста, социального положения, вероисповедания и национальности: «Следует отметить, что совместно на дамбах трудятся и школьники, и студенты, и сотрудники различных предприятий города, и просто жители. Никто не хочет оставаться в стороне, ведь угроза общая, а значит и переживания о защите города тоже общие» [3], «Больше тысячи человек разных национальностей работают не покладая рук. Можно с уверенностью сказать, что всех сплотила эта беда. На насыпке песка в мешки работают люди разных возрастов. Горожане приносят пирожки и горячие блинчики. Этот пример показал лучшие человеческие качества комсомольчан, проявившиеся в такой сложной ситуации» [3].

Анализ текстов форума и газетных статей выявил частотность использования метафоры войны при описании наводнения: «тут нужно как во время войны. Жертвуя малым сохранить большее» [3], «сейчас тысячи жителей бросились набирать воду, в результате давление воды резко упало. Зачем самим себя мучить и изводить. Завтра утром все встанут и спустят эту воду. А на войне трусов и паникеров, сеющих панику расстреливают» [3].

Концепт «война» является многогранным. Некоторые из его аспектов можно отнести и к наводнению. Так, например, очень остро стояла проблема паники среди жителей города во время паводка. Город разделился на тех, кто сеет панику и на тех кто, призывает не поддаваться панике. Сторонники рационального отношения к трагическим событиям активно использовали восклицательные предложения с целью выразить свое отношение к паникерам: «да паникеров хватает!» [3], «у людей массовое помешательство. Одумайтесь люди!» [3], «не паникуйте, умереть не дадут, не дожждется» [3], «меньше паники Комсомольчане!» [3], «два мужика из-за тушенки подрались, ну это нормально нет? Люди очнитесь!!!!» [3], «кончайте поднимать панику, я думаю, все будет нормально», «действительно, хватит нагонять жути, в городе началась ужасная паника. Давайте все возьмем себя в руки и успокоимся!» [3].

Как на войне во время трагических событий для Комсомольска были и те, кто заранее «похоронил город»: «как бы больно не было говорить, но Комсомольск, заканчивает свое существование. Еще немного и вся низменность, где расположен город будет дном Амура.

Шушарина Г. А.

КОНЦЕПТ «ПАТРИОТИЗМ» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЯ
КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

И не каким-нибудь оз. Мылки со стоячей водой, а полноводной стремниной сметающей все на своем пути» [3], «Впереди еще долгая зима и затяжная весна, которые окончательно добьют как дряхлую коммуналку, так и дороги. Как следствие, и без этого не веселая жизнь комсомольчан станет еще мрачнее. И вуаля. Без всякой войны – регион потерян» [3].

Как на войне многое зависит от женщин. На борьбу со стихией приехали девушки-студентки из других городов России: *«Девчонок не пугают ни условия проживания. Ни тяжелый труд. Для этого они примчались через всю страну в незнакомый, чужой город. Добровольно. Бесплатно. Как и их товарищи» [5]. Женщины со страниц комсомольского форума обращаются к мужчинам с призывом предпринимать активные действия по борьбе с наводнением: «уважаемые некоторые мужчины!!! Вы мне сейчас напоминаете «кухонных боксеров», которые после выпитой бутылки водки, лучше всех знают, как управлять страной, в том числе бороться с наводнением»» идите лучше. Мешки таскать, реально не хватает людей, пользы будет больше!!!» [3].*

Концепт «война» актуализировался в выборе лексических единиц при описании событий, происходящих в городе в сентябре и октябре: *«Я знаю, что эти люди не отступят и будут до последнего сражаться за нас» [4], «транспортер, тяжело переваливаясь на волнах, двигается к берегу. А навстречу уже идет следующий, везя очередную порцию песка и надежды горожан на победу» [4], «– Ну а сами как думаете, отстоим город? – Отстоим. Конечно» [4]. Во всех приведенных примерах использована военная лексика:*

Победа – успех в битве, войне при полном поражении противника [7, 527]. Сражаться – вести сражение – крупное боевое столкновение войск, армий [7, 759]. Отстоять – защитить от нападения [7, 480].

Проведенное исследование показало, что одним из параметров региональной идентичности дальневосточников является патриотизм. Можно смело утверждать, что жители Комсомольска-на-Амуре любят свой город, готовы сделать все возможное и невозможное для защиты города в тяжелых ситуациях. Комсомольчане стремятся психологически поддержать друг друга, взывая к чувству любви к своей малой родине. Поэтому справедливым является следующий тезис: *«Русское сознание очень терпеливо относится к историческим и личным испытаниям. Русский человек сохраняет терпение и надежду на будущее, демонстрирует упорство в отстаивании своего дела даже в самых тяжелых, почти безнадежных ситуациях» [8, 109].*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н. А. О вечно бабьем в русской душе / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.royallib> (дата обращения: 05.10.2013).
2. Гачев, Г. Д. Национальный космо-психо-логос / Г. Д. Гачев // Вопросы философии. – 1994. – № 12.
3. Городской сервер Комсомольска-на-Амуре. – Режим доступа: <http://www.kms.ru> (дата обращения: 20.08.2013 – 25.09.2013).
4. Дальневосточный Комсомольск, 2013.
5. Ермолина, Е. Русская культура. Персоналистская парадигма образовательного процесса / Е. Ермолина. – Режим доступа: <http://www.gumer.info> (дата обращения: 05.10.2013).
6. Лихачев, Д. С. О национальном характере русских / Д. С. Лихачев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3-6.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006.
8. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М.: Флинта; Наука, 2007.
9. Серебренникова, Е. Ф. Человек оценивающий: семиметрия оценки на примере разового политического дискурса / Е. Ф. Серебренникова // Личность и модусы ее реализации в языке: коллективная моногр. – М.: ИЯ РАН; Иркутск: ИШЛУ, 2008. – С. 416-428.
10. Серебренникова, Е. Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносемиметрия ценностных смыслов: коллективная моногр. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 27-48.

Шибико О. С.
O. S. Shibiko

**ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**

**LOANS FROM JAPANESE CULTURE AS FACTOR OF SOCIOCULTURAL DYNAMICS
IN RUSSIAN FAR EAST**

Шибико Ольга Сергеевна – аспирантка кафедры «Культурология» Комсомольского-на-Амуре Государственного технического университета (г. Комсомольск-на-Амуре). Тел.: 89141731668, E-mail: olga.shibiko@gmail.com

Ms. Olga S. Shibiko – PhD Candidate, Department of Culture Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; Komsomolsk-on-Amur, Russia; phone: +7 914 1731668. E-mail: olga.shibiko@gmail.com

Аннотация. Одним из важных элементов социокультурной динамики является заимствование культурных форм, которое автор статьи изучает на примере объектов японской культуры, функционирующих на территории дальневосточного региона России. Делается попытка разделить выявленные заимствованные культурные формы на условные группы и определить характер данных заимствований на основании существующих на данный момент типологий. Выявлено, что в данном случае происходит постепенное заимствование отдельных элементов, которые в основном носят престижно-знаковый характер.

Summary. One of key elements of social cultural dynamics is borrowing of cultural forms. The author of the paper studies them using the example of Japanese cultural forms that are found to be currently present in the territory of Russia's Far Eastern region. This paper attempts to organize the revealed cultural borrowings in a number of hypothetical groups and to identify the nature of the borrowings according to existing typologies. The cultural borrowing under study is found out to be a gradual process of assimilating certain culture forms that have the status- and sign-nature.

Ключевые слова: культурные заимствования, динамика культуры, Дальний Восток России, японская культура

Keywords: cultural borrowings, cultural dynamics, Russian Far East, Japanese culture

УДК 351.858(520+571.6)

Данная статья представляет собой краткий обзор одной из составляющих динамики культуры – заимствования культурных форм – на примере объектов японской культуры на Дальнем Востоке России.

Движение и изменение – одни из наиболее важных, фундаментальных характеристик бытия всего изучаемого человеком мира, в том числе и той области, которая относится к социально значимой деятельности человека, – к культуре.

Изменение во времени состояния культурных систем и объектов, типовые модели взаимодействия между людьми и социальными группами называют термином «динамика культуры» [5]. Она существует в виде большого разнообразия как единичных культурных событий, так и более или менее типичных культурных процессов.

Одним из наиболее показательных ярких примеров культурной динамики в аспекте внешнего взаимодействия локальных культур является процесс распространения культурных явлений. Его называют процессом культурной диффузии, то есть распространением культурных форм и явлений в пространстве, изменением территориальных границ их

Шибико О. С.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

существования, в том числе и их переход в другие культурные системы в ходе межкультурного взаимодействия [5].

Прежде всего такому взаимодействию подвержены локальные культуры, находящиеся вблизи друг от друга в силу исторических и географических причин, например, страны-соседи. По естественным причинам, к которым можно отнести географическую близость, экономическую целесообразность, незначительную удаленность по временным поясам, межкультурная коммуникация происходит активно в тех регионах двух соседних стран, которые принадлежат одному макрорегиону мира, имеют общую границу. К таким странам-соседям относятся Россия и Япония.

Необходимо отметить, что Российская Федерация является территориально самым большим государством в мире и принадлежит сразу нескольким макрорегионам: Восточная Европа, Средняя Азия и Азиатско-Тихоокеанский регион, поэтому межкультурное взаимодействие с Японией, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в более или менее сопоставимых локальных масштабах, рассматривая дальневосточный регион России как арену межкультурного взаимодействия двух соседних стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С начала 90-х гг. XX в. межкультурная коммуникация между дальневосточным регионом России и Японией в силу социально-экономических и политических причин заметно увеличилась, и тенденция к росту числа межкультурных контактов, каналов коммуникации, усложнению характера взаимодействия продолжается. По какому бы сценарию не происходили такие коммуникативные события [6], это ведет к неким изменениям в культурах обеих стран-участниц коммуникации. Однако в рамках нашего исследования нас интересуют только те трансформации, которые происходят в российской культуре под влиянием межкультурного взаимодействия с Японией. С этой точки зрения японская культура рассматривается нами как культура-донор, а российская – как культура-реципиент.

Одним из наиболее распространенных способов трансформации культуры является заимствование культурных явлений и форм. Как отмечает С. А. Арутюнов в своей работе «Народы и культуры: развитие и взаимодействие», «заимствование представляет собой случай культурной трансформации, связанный с прямым внешним воздействием» [1, 168]. Ученый указывает на то, что заимствоваться могут как отдельные явления, так и целые комплексы или системы явлений. Этот процесс может происходить постепенно, начиная с отдельных элементов с последующим переходом на новые ступени заимствования, или же целой системой сразу.

В отношении заимствований из японской культуры в российскую можно отметить, что заимствуются отдельные элементы и процесс этот происходит постепенно. По нашему мнению, это связано с тем, что предпосылок для заимствования сразу целых культурных систем в данном случае нет (например, нет прямой заинтересованности в этом государственной власти или готовности большей части общества к восприятию и принятию целых комплексов японской культуры).

Тем не менее, нами был выделен ряд явлений и форм японской культуры, которые были заимствованы российской культурой. В перечень вошли те заимствованные культурные формы, которые являются, на наш взгляд, общественно значимыми, то есть имеют заметный масштаб распространения и определенное воздействие на общественное сознание.

Для удобства изучения весь материал разделен нами на условные группы. В первую группу вошли культурные формы и явления, отождествляемые с художественной культурой и традиционными ремеслами. Это *оригами*, *аниме*, *икэбана*, *хайку*, *сашико*, *амигуруми*, элементы дизайна.

Так называемые традиционные японские ремесла становятся популярным хобби у россиян. В частности, в Комсомольске-на-Амуре действуют учреждения дополнительного

образования, специализирующиеся на вязании игрушек *амигуруми*, традиционной японской вышивке стежками *сашико*, действует клуб любителей *оригами*, искусства складывания фигурок из бумаги. В городе на базе центральной городской библиотеки существует клуб любителей *аниме*, который ежегодно проводит фестивали *костлей* (от англ. «costume play» – «костюмированное представление»), которые включают в себя дефиле в костюмах героев *аниме*, конкурсы вокала и хореографии из *аниме*, выставки коллекционных шарнирных кукол и фотоэкспозиции.

В Комсомольске-на-Амуре с начала 90-х гг. регулярно проходят выставки японских художников, среди которых можно назвать имена Есида Исаму, Сикоку Горо, Миямото Цутому, Абе Такеси. В этом году список японских художников, чьи выставки проводятся в нашем городе, пополнился именем Ваканы Судзуки. Музей изобразительных искусств Комсомольска-на-Амуре владеет коллекцией японского искусства, которая насчитывает около 600 единиц, Регулярно осуществляется обмен рисунками между школьниками России и Японии.

Ко второй группе мы отнесли элементы бытовой и досуговой культуры (традиционную кухню, караоке). В частности, в Хабаровске по данным электронного справочника 2ГИС [7] действует 9 предприятий общественного питания, специализирующихся на японской кухне, причем одно из этих девяти предприятий имеет в городе 4 филиала. (Это сеть кафе «Суши-дом» (4 филиала), ресторан «Суши Оки», ресторан «Саппоро», ресторан «Юни-Хаб», суши-бар «Теппан-Яки», кафе «ОйСиСуси», кафе «Бэнто», кафе «Токуо-street» и служба доставки готовых блюд «Ichiban Sushi»). В Комсомольске-на-Амуре работают 2 ресторана, специализирующихся на японской кухне («Суши-Сити» и «Якитори»). Отметим, что и в Хабаровске, и в Комсомольске-на-Амуре существует большое количество предприятий общественного питания, не специализирующихся только на японской кухне, но имеющие блюда японской кухни в своем меню (в Комсомольске-на-Амуре: кафе «Боинг», кафе «Киви», «Спорт-кафе», бар «Юна», ресторан «Б-2», кафе «Пицца-Хаус» и др.).

К третьей группе мы отнесли боевые искусства (карате, дзюдо, айкидо).

В частности, в Комсомольске-на-Амуре с 1994 г. существует клуб айкидо «Тенсин», а также действует отделение Федерации айкидо «Кокоро-додзё», которая своими целями видит «подготовку спортсменов и достижение высоких спортивных результатов в области айкидо, сохранение и укрепление нравственного, физического и психического здоровья населения посредством реализации айкидо и других методик и боевых искусств, а также осуществление и развитие делового международного сотрудничества и культурно-спортивных связей» [4].

Как видим, прямого указания на распространение японской культуры в сформулированных целях Федерации нет, однако косвенно это, безусловно, подразумевается, о чем свидетельствуют некоторые из поставленных перед Федерацией задач: организация секций, клубов и центров айкидо; организация массовых мероприятий со спортивной программой; пропаганда спортивных достижений и спортивной работы; информационно-просветительская и культурно-массовая деятельность.

Отметим, что отделения Федерации айкидо существуют и в других городах дальневосточного региона России: Хабаровске, Благовещенске, Южно-Сахалинске, Владивостоке.

Отдельную группу занимает изучение японского языка. Оно осуществляется учреждениями и организациями, специализирующимися на образовательной и международной деятельности. В Комсомольске-на-Амуре к таким учреждениям относятся государственный технический университет, Амурский педагогический университет, школа переводчиков «Элизабет», «Международный образовательный центр», детский центр «Перемена» и другие государственные и частные учреждения.

Необходимо отметить, что такое разделение на условные группы является рабочим (или техническим), оно не претендует на статус классификации и используется нами для

упорядочения (настолько, насколько это возможно) весьма разнообразных по своей природе, морфологии и функциям заимствуемых форм культуры.

С. А. Арутюнов [1] разделяет заимствования как один из видов инноваций, имеющий место в процессе трансформации культуры, на утилитарные (т. е. необходимые для поддержания жизнедеятельности и оптимального уровня адаптации к природной и социальной среде) и престижно-знаковые или ценностно маркированные. Последние не являются необходимыми с точки зрения физического выживания той или иной культурной общности, однако в сознании реципиентов они обладают престижным значением. Выделенные нами заимствованные культурные формы в большинстве своем относятся ко второй группе инноваций, то есть имеют престижно-знаковый характер. Однако эти инновации не лишены и утилитарного компонента в том смысле, что они возникают как ответ на изменения, происходящие в социальной, экономической, культурной жизни общества, то есть служат для поддержания оптимального уровня адаптации к социокультурной среде. К факторам изменения среды можно отнести расширение деловых и культурных связей в регионе, стремительное развитие средств массовой информации и коммуникации, процесс диверсификации экономики, рост конкуренции, развитие общества, основанного на потреблении и т. д. Это приводит к поиску новых культурных форм, которые могли бы удовлетворять растущие потребности общества, в том числе и заимствованию культурных форм у стран-соседей.

Вероятно, по этим причинам феномен интереса современного российского общества к японской культуре становится объектом научного исследования современных российских культурологов, в частности, Анны Алексеевны Ипатовой [2], которая рассматривает «моду на Японию» как социокультурное явление. Отметим, что этот феномен не является присущим исключительно российскому обществу и российской культуре. Такие ученые, как Елена Катасонова, Харуми Бефу, Акио Игараси, Коити Ивабути, Теодор Бестор, Катаржина Цвертка, Ли Миллигэн и другие регистрируют и изучают факты, свидетельствующие о наличии феномена «японизма», «японофилии», «японизации» в странах Запада и Юго-Восточной Азии [3; 8]. Принимая это во внимание, мы все же ограничиваем пространственные рамки нашего исследования территорией южной части Дальневосточного региона РФ. Во-первых, это связано с тем фактом, что изучаемый нами регион непосредственно граничит с Японией и является стратегически важным в межкультурной коммуникации со странами АТР, а во-вторых – крайне малой степенью изученности данного вопроса в отношении указанного региона.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Неотъемлемым свойством культуры является динамика, изменчивость. Одним из показательных элементов социокультурной динамики является заимствование культурных форм.

2. Заимствование культурных форм – это результат межкультурной коммуникации, который выражается в принятии и усвоении некоторых элементов чужой культуры с целью адаптации к меняющимся природным и/или социокультурным условиям.

3. В случае заимствования элементов японской культуры в российскую мы имеем дело с постепенным заимствованием отдельных элементов, которые в основном имеют престижно-знаковый характер.

4. Нами выявлен ряд элементов японской культуры, которые в результате пространственной диффузии распространились на территории России (в частности, на территории пограничного с культурой-донором региона). Эти элементы функционируют в культуре-реципиенте, то есть участвуют в социальной деятельности людей, направленной на удовлетворение интересов и потребностей людей.

5. Характер функционирования заимствованных культурных форм, масштабы их распространения, степень воздействия на общественное сознание, а также факторы

культурного отбора тех или иных заимствуемых форм требуют дальнейшего изучения, сбора эмпирического и статистического материала и последующего анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов, С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
2. Ипатова, А. А. Мода на Японию как социокультурный феномен современного российского общества. Авторефер. дис. ...канд. культурологии М., 2010.
3. Катасонова, Е. Л. Японское культурное присутствие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона / Е. Л. Катасонова // Япония наших дней. – 2009. – № 2.
4. Федерация Айкидо «Кокоро додзё» [Электронный ресурс] / Официальный сайт федерации айкидо Хабаровского края. – Режим доступа: <http://aikikokoro.ru/federation>
5. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов / А. Я. Флиер. – М.: Академический Проект, 2000. – 496 с.
6. Шунейко, А. А. Сценарии информационно-коммуникативных событий (общее определение) / А.А. Шунейко, А. И. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № I-2 (1). – С. 58-64.
7. 2ГИС – Справочник организаций с картой города (Хабаровск) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://khabarovsk.2gis.ru>
8. Milligan, L. Japanese Cuisine and the Japanisation of Europe // Kontur Nr.13 – 2006: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hum.au.dk/cek/kontur/pdf/kontur_13/lee_milligan.pdf

Павленко А. А.

ТАНАТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ РОССИИ В РАБОТАХ А.В. ДЕМИЧЕВА

Павленко А. А.

A. A. Pavlenko

ТАНАТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ РОССИИ В РАБОТАХ А. В. ДЕМИЧЕВА

RUSSIAN CULTURE IN A TANATHOLOGICAL PERSPECTIVE: A.V.DEMITCHEV

Павленко Анна Александровна – аспирант Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: annashmidt@inbox.ru

Ms. Anna A. Pavlenko – PhD Candidate, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; Komsomolsk-on-Amur, Russia. E-mail: annashmidt@inbox.ru

Аннотация. В данной статье описывается танатологическая концепция культуры России на основе работ А. В. Демичева; даётся краткая информация о его научной деятельности; обосновывается необходимость изучения танатологии; выделяются основные идеи А. В. Демичева об отношении российского общества к смерти.

Summary. The paper offers a general idea of the tanathological concept of Russian culture that may be found in the works by A.V.Demitchev. His life and research are summarized. A necessity to further tanathological studies is substantiated. A.V.Demitchev's key ideas concerning Russian society's attitude to death are overviewed.

Ключевые слова: танатология, А. В. Демичев, смерть, культура, Россия.

Keywords – tanathology, A.V.Demitchev, death, culture, Russia.

УДК 008:001.8

Тема смерти будет всегда существенной в человеческой культуре ввиду того, что является частью любого сюжета о жизни. Появление танатологии как отдельной науки о смерти и умирании можно в связи с указанным выше обстоятельством назвать закономерным явлением. Однако если медицинская танатология в России появляется ещё в конце XIX в., то её культурофилософское направление начинает развиваться спустя почти сто лет – в 80 – 90-х гг. XX в.

В это время изменения затрагивают почти все сферы жизни советского, а потом российского общества. Тема смерти, как и ряд других тем, перестают быть табуированными. К смерти начинают проявлять профессиональный интерес – как в сфере повседневности (например, развиваются частные похоронные бюро и ритуальные службы), так и в высоких сферах культуры (например, в искусстве возникает такое направление, как «некрореализм»). Об этом писал Сергей Добротворческий в журнале «Искусство кино»: «Опус мёртвого как нельзя лучше иллюстрирует важную тенденцию нарождающегося стиля: интерес ко всему телесному, экскрементальному, и как следствие низость формы и примитивизм содержания. Позже эти понятия составят общественный имидж некрореализма, а ещё позже будут тщательно имитироваться его многочисленными подражателями» [5, 47].

Именно на фоне роста интереса к смерти начинает свою активную научную и общественную деятельность один из первых российских танатологов Андрей Витальевич Демичев (1957 – 2000) – основатель и руководитель Ассоциации танатологов Санкт-Петербурга; автор книг «Гармония: противоречие, связь» (1991, в соавторстве), «Дискурсы смерти» (1997), «Kuolematyossa» (1999, на финском языке), «Мастерская Платона» (1999), а также

около ста научных статей. Кроме того, А. В. Демичев являлся редактором альманаха «Фигуры Танатоса».

За свою жизнь А. В. Демичев внёс значительный вклад в развитие и становление российской философско-культурной танатологии. Его работы содержат оригинальную танатологическую концепцию истории культуры России от древних времён до конца XX в. Для ее экспликации нами были изучены и проанализированы монографии и статьи А. В. Демичева, диссертационное исследование «Философские и культурологические основания современной танатологии», а также работы его последователей, коллег и учеников. Большое внимание анализу и комментарию его трудов уделяет Т. В. Мордовцева, особенно в работе «Идея смерти в культурфилософской ретроспективе» [6].

На основе анализа указанных выше источников можно выделить три темы, наиболее подробно раскрываемые А. В. Демичевым: философское обоснование феномена смерти, тема смерти в русской ментальности и современные автору отношения общества к смерти.

Философское обоснование феномена смерти.

На научные труды и концепцию А. В. Демичева, как он сам отмечал в своём диссертационном исследовании, во многом повлияли следующие авторы и идеи: идея проективности человеческого бытия как «бытия-к-смерти» М. Хайдеггера, то есть трактовка отношения к смерти как к способу личностной самоидентификации; интерпретация З. Фрейдом инстинкта самосохранения как регулятора имманентности и присвоения пути организма к смерти, выступающей конечной целью существования; идущая от стоиков идея различения реального и желаемого состояния бытия и связанная с ней и развиваемая Д. Железом идея расщепления телесной событийности на события глубины и поверхности; идея антиномии суверенности и трансгрессии личности Ж. Батая, основанная на понимании смерти как абсолютной негативности. Опираясь на этих авторов, А. В. Демичев определяет смерть одновременно как феномен культуры и нашей мысли, поскольку встреча со смертью «происходит на уровне знака, мысли или размышления» [4, 29], а ее «прямая и безоговорочная онтологизация сомнительна и мало перспективна в рамках философского анализа» [4, 43].

Размышляя о необходимости изучения смерти, автор приходит к следующим выводам: «Пояснение современного уровня понимания проблемы смерти в её сопряжённости с проблемой жизни и включённости в неё способствует развитию современного философско-антропологического и философско-культурологического знания» [4, 122]. Описывая современную культуру, А. В. Демичев отмечает факт объединения тем секса и смерти. Обе эти темы вызывают «болезненный ажиотаж», что затрудняет процесс проведения серьёзных танатологических исследований. Татьяна Мордовцева отмечает, что «философский подход Демичева в осмыслении феномена смерти заключается в необходимости его изучения через призму актуального бытия человека, что позволяет преодолеть избыточную биологизацию знания и восстановить рефлексивные основания проблемы. Проблема смерти открывает новое антропологическое видение, позволяющее человеку обрести свою аутентичность перед страхом конца жизни» [6, 84]. В наше время изучением восприятия смерти активно занимаются учёные западного мира, используя свои исследования в терапии людей, переживших тяжёлую утрату близких. В России же такой работы пока не ведётся, что вовсе не означает, что здесь люди не страдают от болезненного переживания смерти близких.

Человек всегда боится неизвестности и старается ей противостоять. Это противостояние выражается в обряде захоронения, посредством которого человек одновременно максимально дистанцируется от смерти, которая представлена в образе покойника, и блокирует память «о собственном предстоящем некропревращении». В то же время он пытается приручить смерть, завязав с ней доверительные и в некоторой мере предсказуемые отношения взаимопонимания и взаимоподдержки. Совершая обряд захоронения, человек «моделирует процесс переживания, перенесения (подобно болезни) собственной смерти, делая её неокончательной, понятной и узнаваемой» [4, 92].

Тема смерти в русской ментальности.

«Способ отношения к смерти, закреплённый в системе ритуалов, обрядов, символов, знаков и других культурных объективаций, является одним из формообразующих и типологизирующих факторов культурной идентичности» [4, 112] – пишет А. В. Демичев, показывая тем самым необходимость изучения отношения к смерти для знакомства с любой культурой. Из отношения человека к своей жизни и жизни других, того, как он решает проблемы, связанные со смертью, формируется определённый тип мировоззрения и коммуникации.

Многие западные танатологии, говоря о теме смерти, характеризуют её как нежелательную для разговоров, вызывающую внутреннее отторжение и отвращение. Это же определение смерти в культуре России даёт А. В. Демичев, добавляя к вышесказанному указание на специфическое её восприятие, которое выражается в чрезмерной болезненности и дорефлексивной отстранённости. По его мнению, это объясняется «исходной формулой» русского отношения к жизни и смерти: «Уходящий проигрывает, остающийся выигрывает. Русская ментальность явно склонна трансформировать значение смерти, представить её не как необходимость, но как случайность, противопоставить неизбежности развязки возможность её предотвратить» [4, 47].

В статье «Deathнейленд» А. В. Демичев обращается к истории, показывая связь между организацией жизненного пространства и отношением к смерти. «Храмы на Руси всегда строились под мощи и оправданы были именно этим функциональным предназначением – презентовать, делать центром поклонения мёртвое тело. Издавна могилы родителей и предков были святыней русского народа. И князья наши, заключая договор между собой, считали лучшим знаменем его крепости, если он будет произнесён на отцовском гробе» [2, 53]. Отсюда, по мнению А. В. Демичева, берётся некроцентристская традиция, которая «в своей кульминации воплотилась в большевистско-коммунистическое государство-кладбище, музей-некрополь, живущий новыми поступлениями экспонатов» [2, 54]. Таким образом, возникает социально-политическая территория жизни, которой распоряжается смерть. И эту территорию А. В. Демичев, применяя ассоциативную метонимию, называет «Deathнейленд». В то время как, например, в культуре США господствует ориентация на жизнь и движение к будущему, в России утверждается стремление сохранять существующее положение дел, вовлекая его в стагнацию, и акцентировать внимание на умершем, выставляя его на показ.

Смерть в современной России.

Обращаясь к теме отношения общества к смерти в XX в., А. В. Демичев выделяет две стратегии – деструктивную и конструктивную. «Деструктивная стратегия табуирования, вытеснения смерти из внутрижизненного повседневного человеческого существования, как правило, происходит из страха идентификации с покойником, и, следовательно, моделирует отношение человека, прежде всего, к собственной смерти. Налицо стремление избежать этих отношений, вычеркнуть возможность собственной смерти как перехода к несуществованию из проективности своего бытия. Конструктивная стратегия принимает модель смерти как несуществования, легче всего она разворачивается по отношению к смерти другого» [4, 136].

Повторяя идеи Ж. Бодриера, А. В. Демичев пишет о том, что сегодня естественные процессы гниения и распада стали отвращающими, такими же, как в прошлом веке были процессы рождения и соития. Культурные реалии современного общества лишают человека рефлексии смерти, погружая его в состояние страха перед небытием. Для исправления этой ситуации, по мнению А. В. Демичева, необходимо обретение культуры смерти, умирания и переживания тяжёлой утраты, выработка отношения к этим событиям как к естественным.

На сегодняшний день общество научилось спокойно воспринимать лишь симулякры смерти. «Благополучно уклоняясь от своей предьявленности, смерть выставляет нам своих заместителей-пособников – многочисленные следы, знаки, символы, симулякры. Художественная визуализация события смерти – убийства, суицида, несчастного случая и т.д. – т.е. наглядное представление смерти в облике случайности, запускает ритуал обеспечения собственного гарантированного бессмертия» [4, 98].

Общество в итоге всегда оказывается в отдалении от реальной смерти. «Символическая кодировка трагического события плотным кольцом заслоняет от нас смерть в её внут-

ренной принадлежности миру» [4, 108]. А. В. Демичев отмечает парадоксальное сочетание некроцентричности и инфантильной безответственности по отношению к смерти в русской ментальности. Борьба со смертью разворачивается посредством «музейного прибежища праха предков» и заключается в выставлении «праха» на показ в музеях (имеются в виду предметы, принадлежащие умершим). Идёт попытка консервации жизни вместо её развития.

Одновременность страха и любви к смерти, по мнению А. В. Демичева, – очень русская черта сознания. Мы должны перестать любить смерть, потому что «бояться смерти и любить её, значит, созидать смерть, отвергая сознание бытия и процесс реализации» [1, 56]. Смерть должна перестать быть случайным механизмом «любви=страха». Для этого опыт приручения смерти нужно заменить опытом культурной работы с ней. «Человеку необходимо научиться встречаться со своей смертью» [1, 61]. В западной философско-культурной танатологической школе не возникало мыслей о подобной необходимости. При этом была создана система помощи людям в их встрече со смертью близких и своей собственной.

Андрей Витальевич Демичев был первым российским учёным, который в конце 1980 – начале 1990-х гг. обратился к вопросам смерти, используя философско-культурологический подход. Он сплотил вокруг себя единомышленников и дал начало российской философско-культурологической танатологической школе. Он смог привлечь внимание к существующим в обществе танатологическим проблемам. На сегодняшний день западная танатология продолжает развиваться как в теоретико-философском и культурологическом ключе, так и в психолого-прикладном. Российская же танатология после смерти А. В. Демичева пошла на спад. Несмотря на различные попытки со стороны учёных возродить интерес к изучению темы смерти и умирания и продолжить начинания А. В. Демичева, такие исследования не находят поддержки ни у власти, ни у общества. На мой взгляд, это очень удачно объясняется изложенными выше особенностями русской ментальности в отношении темы смерти, которые раскрывает танатологическая концепция А. В. Демичева.

Идеи А. В. Демичева о существовании смерти в культуре конца XX в. хорошо подтверждаются не только практикой, но и другими исследованиями, написанными после ухода из жизни самого автора. Конечно, со времени смерти А. В. Демичева культура претерпела ряд технологических, ценностных и политических изменений. Так, увеличилось количество демонстраций смерти на телеэкране, тема зомби-апокалипсиса приобрела ещё большую популярность, нежели раньше, изменилось изображение смерти в медиакультуре. Тем не менее проблемы приобщения человека к культуре смерти и умирания, обозначенные А. В. Демичевым в конце XX в., до сих пор сохраняют свою актуальность.

Из-за отсутствия подлинной культуры смерти и умирания в современном российском обществе и неподготовленности человека к факту собственной смерти и смерти своих близких, мы наблюдаем своего рода отрицание самого явления смерти как такового, что затрудняет понимание человеком смысла собственного существования и заботы об окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демичев, А. В. Гармония жизни и смерти / А. В. Демичев // Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1995. – С. 54-68.
2. Демичев, А. В. Deathнейленд / А. В. Демичев // Фигуры Танатоса: Искусство умирания: сб. статей / под ред. А. В. Демичева, М. С. Уварова. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1998. – С. 51-57.
3. Демичев, А. В. Русское кладбище: опыт идентификации / А. В. Демичев // Фигуры Танатоса. Философский альманах. Шестой выпуск. Кладбище. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2001 – С. 87-97.
4. Демичев, А. В. Философские и культурологические основания современной танатологии: дис. ... д-ра философ. наук / А. В. Демичев. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1997. – 280 с.
5. Добротворческий, С. Весна на улице Морг / С. Добротворческий // Искусство кино. – 1991. – № 9. – С. 47.
6. Мордовцева, Т. В. Идея смерти в культурфилософской ретроспективе / Т. В. Мордовцева. – Таганрог: Издательство ТИУиЭ, 2001. – 120 с.

Чабанюк Т. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМЕ ПРЕДМЕТНОГО СТАТУСА КУЛЬТУРОЛОГИИ

Чабанюк Т. А.

T. A. Chabanyuk

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМЕ ПРЕДМЕТНОГО СТАТУСА КУЛЬТУРОЛОГИИ

CURRENT CONTROVERSIES CONCERNING THE SUBJECT STATUS OF CULTURAL STUDIES

Чабанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8 (4217) 53-75-06. Email: tchebanyuk2010@yandex.ru

Ms. Tatiana A. Chabanyuk – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenin avenue, Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; phone: + 7 4217 537506. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные проблемы культурологии как самостоятельной области научного знания, репрезентированные исследователями: как сторонниками культурологии в качестве самостоятельной области социокультурного знания, так и ее оппонентами.

Summary. The paper considers controversial issues pertaining to cultural studies as a separate field of knowledge. The problem is represented by both the adherents of the idea of an independent status of cultural studies and by their opponents.

Ключевые слова: культурология, предмет науки, направления исследований, дискуссионные проблемы области знания, методология.

Keywords: cultural studies, subject matter of a science, research trends, controversial issues of a field of knowledge, methodology.

УДК 007

Несмотря на значимую традицию существования культурологии в качестве учебной дисциплины и науки, ее статусную легитимацию в реестре социогуманитарных наук, регулярно проводимые культурологические конгрессы, «круглые столы», в среде представителей социогуманитарных наук продолжают вестись активные дискуссии по проблеме её статуса, предметного поля, теоретико-методологической основы.

Так, участники третьего и четвертого культурологических конгрессов сосредоточили преимущественное внимание на тех проблемах культурологии, которые в той или иной мере были обсуждаемы на предыдущих конгрессах в силу их актуальности, дискуссионности и недостаточной решённости. Это – принципы определения проблемных границ культурологии, её места в ряду социогуманитарных наук и их связей, проблемы методологической основы науки и др. В стратегии позиционирования четвертого Российского культурологического конгресса отмечена необходимость «продолжения на новом уровне начатых на предыдущих конгрессах дискуссий, посвященных проблемам разграничения существующих в настоящее время культурологических дисциплин и перспектив их перерастания в единую предметную область, занимающую собственное место в «системе наук» [7, 7]. В стратегии конгресса отмечена целесообразность обсуждения «обновленной проблематики традиционных разделов исследований культуры, соответствующих отечественной традиции данных областей знания», к которой отнесены теоретическая культурология, историческая культуроло-

логия, динамика культурных форм... педагогическая культурология, культурология российской цивилизации, культурная политика ... культурология личности» [7, 7]. Такое «дробление» не способствует, на наш взгляд, целостности понимания предметной области культурологического знания.

Обсуждению проблем культурологии были посвящены несколько выпусков журналов «Личность. Культура. Общество», «Вопросы культурологии», «Обсерватория культуры». Однако различие мнений исследователей по проблемам предметной области культурологии, ее статуса в ряду социогуманитарных наук, теоретико-методологических основаниях было и продолжает оставаться значительным: от репрезентации культурологии как комплекса знаний, могущего осуществиться в учебной дисциплине (В.М. Межуев, С.Н. Иконникова, Э.А. Орлова и др.), до возведения культурологии по своему дисциплинарному содержанию и познавательным возможностям в ранг «проекта общей науки о культуре», имеющего корни в антропологической мысли, философских, социологических, исторических представлениях о культуре» (Ю.М. Резник) [11, 5] и могущего стать наукой в качестве «общей теории культуры», обращенной на исследование «сквозных» и «интегральных» проблем функционирования и развития данного феномена» [10, 23], обеспечивающего ее целостность и системность, что позволит «претендовать на научное признание и уважительное отношение» [10, 24]. Предметное поле культурологии в статусе теории культуры как системного знания, по его мнению, могут определять «смысловые единицы – коды, связи между ними и образуемые ими структуры» [10, 28].

Систематизировав подходы к культурологии как самостоятельной научной дисциплины, он обозначил три принципиально разные позиции, из которых исходят в своих суждениях исследователи: «культурология должна сохранять статус междисциплинарной, комплексной науки о культуре («сумма знаний о культуре»); культурологию следует вернуть в лоно культурной антропологии; культурология – только учебная дисциплина, не имеющая самостоятельного научного статуса» [11, 7]. Обозначив трудности становления культурологии, Ю.М. Резник определил сферу науки о культуре («табло» познания в виде трех взаимосвязанных концептуальных систем): системы культурных объектов, системы субъектов культурно-исторического процесса; системы социокультурного взаимодействия» [11, 10], полагая, что при таком подходе «интегративный проект науки о культуре ... не только возможен, но и совершенно необходим» [11, 11]: только в таком случае культурология ... «становится по преимуществу гуманитарной, «понимающей» дисциплиной, призванной реконструировать смыслы культуры как прошлой, так и современной...» [11, 9].

В статье «Наука о культуре в эпоху постмодерна» Г.В. Драч отметил, что культурология вынуждена была восполнять отсутствующее классическое образование, без которого представить себе мировую культуру ... европейскую традицию невозможно, и изложил «правило», которому она должна следовать в качестве постмодернистского проекта: «смещение ... в сторону философии, к их соединению» [2, 48], не обозначив при этом механизмы подобного соединения и не прогнозируя кентаврические», по своей сути, последствия. Однако в определении предмета и задач культурологии им не акцентируется возможность подобного соединения, так как предметом культурологии, по его мнению, «выступают генезис, функционирование и развитие культуры как специфически человеческого способа жизни, который раскрывает себя исторически как процесс культурного наследования ... Задача культурологии – построить «генетику» культуры, которая не только бы объяснила историко-культурный процесс, ... но и могла бы прогнозировать его и, в перспективе, управлять им» [2, 44].

Попытки сконструировать предметную область культурологии до сих пор весьма распространены. Дискуссии по проблемам ее научного статуса, роли в ряду сложившихся социогуманитарных наук идут на страницах профильных научных журналов. Так, в нескольких номерах журнала «Вопросы культурологии» прошла дискуссия по проблеме легитимности культурологии как науки (предметное поле, теоретико-методологический аппарат), то есть по проблемам того, что определяет статус науки и соответствующего ей предмета в об-

разовательных программах, с характерным названием, демонстрирующим отношение ряда ученых к науке: «Культурология как дисциплинарная загадка». В дискуссии были представлены разные точки зрения, даны оценки современного состояния науки, в большинстве выступлений акцентирована междисциплинарная природа культурологии, сделаны конструктивные предложения, обозначены теоретико-методологические ресурсы изучения проблем культурологической области знания. Большинство культурологов оценивают сложившуюся ситуацию объективно.

Вместе с тем прозвучали суждения исследователей о том, что культурология еще находится на «допарадигмальном уровне» и как «нормальная наука», развивающаяся в рамках одной парадигмы, она еще не сложилась. Наиболее радикальная точка зрения репрезентирована А.П. Марковым, который убежден в том, что сегодняшнее культурологическое знание не соответствует критериям классической науки («если под наукой понимать специализированную интеллектуальную деятельность по созданию системы знания о природе, обществе и человеке») [8, 129]. Он полагает, что у культурологии отсутствуют обязательные компоненты знания: «...наличие специфического метода познания, опирающегося на позитивистскую методологию, рациональные приемы и способы добывания результатов, ... предмет познания, соответствующий критериям объективности, ... полученная система знания, по отношению к которой применимы критерии истинности» [8, 129]. Сегодняшняя система культурологического знания, по его убеждению, не соответствует обозначенным ... критериям» ... все еще не решена проблема идентификации научного метода... она ... не имеет собственной системы знания...» [8, 129] и др. Подводя итоги своим размышлениям, он указывает на то, что «культурология сегодня – это наука, существующая в форме парадигмальной организации процесса получения и интерпретации знания о культуре. ... Ее научный метод образуют методологические принципы и специфическая методология интерпретаций знания, полученных другими науками социально-гуманитарного профиля» [8, 130].

Мнение исследователя в ином исследовательском ракурсе разделяет, по сути дела, И.И. Докучаев. В статье «Трансгрессия и редукция: пути интеграции социально-гуманитарных наук и культурология» он утверждает, что «культурология как трансгрессивная научная практика, представляющая собой обобщение (сумму) результатов, полученных в рамках конкретных наук о культуре, лишена перспектив» [1, 6]. На наш взгляд, культурология есть нечто иное, чем философия культуры, точнее, она имеет свой собственный предмет, и это – не место культуры в системе регионов бытия, а культура как таковая, не абстракция, а конкретная фактичность.

В процессе дискуссии ряд исследователей, репрезентируя свою точку зрения, обнаружили лояльность к культурологии как к науке, понимание ее предметной области, проблемных полей исследования. Так, И.И. Колеганова в своем выступлении попыталась «примирить» давний спор о легитимности существования культурологии при наличии философии культуры, ссылаясь на В.М. Межуева, в разные времена по-разному к ней относившемуся. Однако предложенная ею стратегическая линия культурологии – «выявление аксиологического потенциала ... культуры» [4, 130], на наш взгляд, «обедняет» предметную область культурологии.

В защиту культурологии выступила Л.К. Круглова, не совсем убедительно определив предмет культурологического знания как «культуру в целом», что, на наш взгляд, невозможно осуществить в рамках одной из социогуманитарных наук по предметным и методологическим возможностям. Спорными представляются и ее аргументы о необходимости разделения культурологии на две структурные части: культурологическое знание с преобладанием теоретического компонента и специальное культуроведческое знание о культуре в целом. Закономерно возникает представление о «клонировании» культурологии, «размножении» ее предмета. Автор выделяет два типа знания – культуроведческое, не определив четко его предмет, и культурологическое, не сделав того же самого, указав при этом только на их близость. По ее мнению, культуроведческое знание «служит теоретической базой для всего

культуроведения», надо полагать – некоего «верховного» начала» культурологии. К сожалению, ею не указано, как, на каких основаниях и по каким системно-структурным параметрам может быть осуществлена такая дифференциация. Автор ушел от ответа на вопросы: каков предмет исследования культурологии, каковы ее предметные сферы, каково обязательное теоретико-методологическое сопровождение.

Проблемы и перспективы культурологии репрезентированы Х.Г. Тхагапсоевым в статье «К проблемам и перспективам российской культурологии». Отмечая сложившуюся ситуацию (институализация культурологии и нарастание в научной среде все больших сомнений по поводу ее целесообразности), исследователь наметил возможные перспективы развития культурологического знания, в настоящее время «бытующего в виде некоего сумматива знаний о культуре», двух вариантов схематизации и формализации объекта познания» [12, 6], которые для нее может открыть теория культуры, вернее, культура как «совокупность надбиологических форм активности человека ... как информационно-семиотическая система» [12, 7].

В продолжение дискуссии, проведенной на страницах журнала «Вопросы культурологии», М. Шор в своем выступлении, более метафорическом, нежели научном, определил культурологию как область междисциплинарного знания, «как большую теоретическую дисциплину ... стремящуюся создать целостный философско-научный портрет такого в высшей степени сложного явления, как культура ... у культурологии есть своя миссия, своя внутренняя задача, свое объективное ... предназначение...своя проблемная область, не покрываемая другими науками» [14, 111].

Л.М. Мосолова, говоря о проблемном поле наук о культуре и культурологии, в частности, о поисках общего знаменателя в суждениях о природе и сущности культуры, статусе культурологии, ее методологическом основании в системе научного знания, отметила наличие в нем креативного эпистемологического потенциала. Однако, по ее мнению, предмет культурологического знания поддается теоретической схематизации при условии его ограничения от целостности бытия, или, «лучше сказать, различен в целостности бытия...» [9, 114]. Она указывает на результаты разработки «сущностно-логического «определения культуры», «онтологического измерения культуры», которые призваны «избавить культурологию от существующей размытости ее объекта и предмета» [9, 115]. В заключение своих наблюдений о природе культурологического знания, его специфике, взаимодействии с другими науками о культуре Л.М. Мосолова указывает на то, что «культурология есть общая теория культуры, изучающая не только законы, но и разные способы их преломления в «океане» культуры» [9, 115]. Становится все более очевидной тенденция определения статуса культурологии большинством ученых в качестве теории культуры.

В статье «Культурология как «русская наука»: локализация или универсализация культурологического пространства?» Н.А. Хренов рассматривает современные проблемы культурологии, обусловленные тем, что культурология была институализирована, несмотря на отсутствие ряда непреложных для науки признаков; «она оказалась без берегов» [13, 5] еще и потому, что многие проблемы или тематические блоки дисциплины, возникающие или активизирующиеся в то время, «оказались включены в проблематику культурологии», что, по его мнению, послужило тому, что «эта наука сегодня оказывается без берегов» ... многое ассимилирует, претендуя на самый высокий уровень обобщения» [13, 5] Более значимую причину «несостоятельности» культурологии исследователь видит в том, что культура есть универсальная реальность, и «...ее отношения не исчерпываются только тем, что она является объектом изучения. ... она сама способна задавать установки науке», [13, 7], но была институализирована, лишена естественной возможности самодвижения и саморазвития.

В статье «Культурология как новый тип гуманитарного знания» И.В. Кондаков отмечает, что в рамках целого культуры на «равных» выступают далекие и подчас взаимоисключающие явления: наука и религия, философия и искусство, здравый смысл и мистика, массовые коммуникации и творческая интуиция. ... Разные сферы культуры объединяются общим культурно-историческим и социокультурным контекстом, близкими идеалами и мировоз-

зренческими установками, органичной преемственностью ментальных структур, лежащих в основании морфологически различных культурных явлений или разворачивающегося диалога культур» [5, 585]. По его мнению, «самосознание или саморефлексии культуры» – это и есть культурология.

На наш взгляд, любой аспект в изучении культуры как сверхсложной системы выводит исследователя на проблему предмета исследования, некий «центр», так как «совокупность культурных объектов, отмечает Д.А. Лалетин, еще не есть культура» [6, 25]. Для обеспечения возможности познания культурной реальности необходимо определить структурное ядро культуры как системной целостности. Таким ядром и, следовательно, предметом культурологии может стать системный объект, а более сложной, открытой системы, чем человек, не существует. Он всегда будет незавершенным в своем развитии, открытой системой. Следовательно, предметом культурологии может стать сам субъект культуры, процесс его смыслополагающей деятельности, интерпретации себя и мира во времени и пространстве. В силу своей интегративной природы культурология может выйти на более высокий уровень в постижении человека и мира. Кроме того, нацеленность культурологии на изучение человека позволит, на наш взгляд, «осмыслить культуру в ... ее реальной целостности и полноте конкретных форм ее существования, в ее строении, функционировании и развитии» [3, 21], о чем как о стратегической задаче, стоящей перед учеными, писал М.С. Каган. Культурология должна выйти на объяснение условий, смысла, способа, закономерностей осуществления культуры в человеке и человека в культуре, то есть на постижение культурных феноменов, универсалий, явлений, выявление закономерностей функционирования и развития культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докучаев, И. И. Трансгрессия и редукция: Пути интеграции социально-гуманитарных наук и культурология / И. И. Докучаев // Вопросы культурологии. – 2011. – № 7 – С. 4-9.
2. Драч, Г. В. Наука о культуре в эпоху постмодернизма / Г. В. Драч // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 1. Теория культуры. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 42-56.
3. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: «Петрополис», 1996. – 416 с.
4. Коллеганова, И. И. Культурология как дисциплинарная загадка / И. И. Коллеганова // Вопросы культурологии. – 2011. – № 1. – С. 130-131.
5. Кондаков, И. В. Культурология как новый тип гуманитарного знания / И. В. Кондаков // Традиционное и нетрадиционное в культуре / отв. ред. И. В. Кондаков. – М.: Наука, 2008. – С. 580-597.
6. Лалетин, В. А. Поссильно-деятельностный подход в познании культуры / В. А. Лалетин // Обсерватория культуры. – 2011. – № 2. – С. 20-25.
7. Личность в пространстве культуры: программа IV Российского культурологического конгресса с международным участием. – СПб.: Эйдос, 2013. – 55 с.
8. Марков, А. П. Культурология как дисциплинарная загадка (материалы круглого стола) / А. П. Марков // Вопросы культурологии. – 2011. – № 1. – С. 129-130.
9. Мосолова, Л. М. Культурология как дисциплинарная загадка (материалы круглого стола) / Л. М. Мосолова // Вопросы культурологии. – 2011. – № 3. – С. 114-116.
10. Резник, Ю. М. Культурология в системе наук о культуре / Ю. М. Резник // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 1. Теория культуры. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 16-31.
11. Резник, Ю. М. Культурология как проект общей науки о культуре / Ю. М. Резник // Обсерватория культуры. – 2011. – № 3. – С. 3-9.
12. Тхагапсоев, Х. Г. К проблемам и перспективам развития российской культурологии / Х. Г. Тхагапсоев // Вопросы культурологии. – 2012. – № 8. – С. 6-12.
13. Хренов, Н. А. Культурология как «русская наука»: локализация или универсализация культурологического пространства? // Вопросы культурологии. – 2012. – № 5. – С. 4-6.
14. Шор, Ю. М. Культурология как дисциплинарная загадка / Ю. М. Шор // Вопросы культурологии. – 2011. – № 3. – С. 111.

Барей Н. С.
N. S. Varey

**СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДАКТИЛОСКОПИИ
(ПЕРВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ДАКТИЛОСКОПИИ В РОССИИ)**

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF FINGERPRINTING IN RUSSIA (THE BEGINNING)

Барей Наталья Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск).
E-mail: franny@land.ru.

Ms. Natalia S. Varey – PhD in Education, Associate Professor, Department of Criminal Law, the Far Eastern State Transport University, city of Khabarovsk, Russia.

Аннотация. Развитие дактилоскопии в XX в. в России можно подразделить на шесть этапов. В данной статье рассматривается первый этап – период возникновения и становления дактилоскопии, который прерывается революцией 1917 г. С тех пор дактилоскопия получила в России заслуженное признание и начала широко использоваться на практике. Именно первый этап становления дактилоскопии в России послужил отправной точкой для развития дактилоскопической экспертизы, ее теоретических и методологических основ.

Summary. The development of dactylography in Russia in XX century can break down into six stages or phases. The paper considers the earliest one of them – the period of its emergence and early progress that was interrupted by the bolshevist revolution (1917). Since then, fingerprinting have received in Russia merited recognition and began to be widely used in practice. The very first stage of its development became the starting point for the formation of the theory and methodology of fingerprinting examination.

Ключевые слова: криминалистика, дактилоскопия, трасология, экспертиза, папиллярные узоры, криминалистическая техника, преступление, расследование, история криминалистики.

Keywords: criminalistics, fingerprinting, trasology, examination, papillary patterns, criminal investigation techniques, crime, crime investigation, criminal science history.

УДК 343.982.34(091)(470)

Впервые в русской научной литературе упоминания о возможности идентификации личности по отображениям кистей его рук появились в 1867 г. В своем труде «Теоретическое и практическое руководство об уголовном исследовании преступлений по Судебным Уставам 1864 г.» Александр Андреевич Квачевский писал об идентификации человека по следам рук, а также приводил изображения кистей рук, окрашенных кровью. Кроме того, он особенно отмечал факт разнообразия и индивидуальности форм ладони и пальцев [4].

В первом разделе изданного в 1870 г. Медицинским департаментом МВД «Наставлении об исследовании подозрительных пятен» говорилось, что в случае проведения наружного осмотра предметов, имеющих подозрительные пятна, необходимо тщательно описать найденные пятна, поскольку «иногда кровяные пятна зависят от прикосновения к предмету окровавленной рукою или подошвою сапога, так что получается или полный их отпечаток, или же только частичный, например, пальца; в таком случае размеры тех и других должны быть тщательно определены» [4].

В 1890 г. С. Ершов также говорил о значимости отпечатков окровавленных рук в рамках реферата «Способы исследования и сохранения различных отпечатков и следов, имеющих на месте преступления». Стоит при этом отметить, что ни в одном из названных тру-

Барей Н. С.

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДАКТИЛОСКОПИИ (ПЕРВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ДАКТИЛОСКОПИИ В РОССИИ)

дов не говорилось о наличии папиллярных узоров на пальцах и ладонях, таким образом возможности дактилоскопии в полном смысле в рамках этих работ не рассматривались.

Первой российской публикацией, рассказывающей о дактилоскопии, можно считать статью «Отпечатки рук и их значение в судебной практике», вышедшую в июле 1892 г. в «Юридической газете». Автором статьи были описаны некоторые особенности папиллярных узоров пальцев, босых ног и ладоней рук, в частности говорилось о характере образования потожировых следов, а также о возможности выявления их при помощи чернил, раствора азотнокислого серебра и различных кислот. Кроме того, шла речь о возможности классификации папиллярных узоров по системе Гамильтона.

В 1895 г. появилась следующая публикация, касающаяся дактилоскопии. Вышедшая в «Правительственном вестнике» статья «Папиллярные линии ладони, как средство удостоверения личности преступников», по сути, являлась кратким обзором практического применения в Индии и Древнем Китае дактилоскопии. Кроме того, были описаны эксперименты Ф. Гальтона по вопросу устойчивости папиллярных узоров, их морфогенезе, а также возможности классификации папиллярных узоров и применения метода дактилоскопии для идентификации преступников на основе обнаруженных на местах преступлений следов. Помимо этого автор говорил об антропометрической системе А. Бертильона, в частности, о необходимости внесения в нее дактилоскопических отпечатков и приводил рекомендации Гальтона по вопросу получения экспериментальных отпечатков пальцев [4].

Несмотря на то, что обе статьи публиковались в популярных периодических изданиях, в последующее десятилетие в российской юридической литературе не появлялось иных публикаций, касающихся дактилоскопии.

В России метод дактилоскопии начинает использоваться в качестве дополнения к таким методам регистрации, как антропометрия и судебно-полицейская фотография. Отпечатки папиллярных узоров использовались как дополнительные особые приметы в антропометрических карточках регистрационных бюро России за несколько лет до разработки и введения системы дактилоскопической регистрации за границей. В 1905 г. дактилоскопия стала применяться в охранных отделениях. В задачу дактилоскопических бюро, которые стали создаваться при тюрьмах, входило дактилоскопирование заключенных. В тот же период были опубликованы «Правила» о производстве и регистрации отпечатков. В 1907 г. Министерством внутренних дел был издан ряд циркуляров, касающихся применения метода дактилоскопии полицией. В данных циркулярах указывались места, на которых наиболее часто можно найти потожировые следы пальцев рук, методы их обнаружения, выявления и фотографии. Кроме того, приводился ряд указаний, касающихся дактилоскопической экспертизы (сличения), которую проводили эксперты, из числа «заведующих дактилоскопической регистрацией». В Инструкции, приложенной к циркуляру № 1 «О применении антропометрии и фотографии к регистрации преступников», указывалось: «Дактилоскопия является наилучшим способом классификации карточек с приметами и применяется или самостоятельно (без фотографий), или же как дополнительное средство удостоверения личности – для чего вышепомещенная антропометрическая карточка снабжена внизу шестью оттисками: указательного и большого пальцев левой руки и большого, указательного, среднего и безымянного пальцев правой руки преступника [3].

Среди отечественных исследователей-криминалистов, занятых изучением проблем организации следственного процесса, вопросами организации сыска, разработкой методик уголовной регистрации, совершенствованием технических приемов дактилоскопии, следует особенно отметить уездного полицейского исправника Н.М. Снегирева, а также начальника московской сыскной полиции генерала В.И. Лебедева, внесшего значительный вклад в развитие системы сыскной деятельности. Лебедевым была разработана система дактилоскопической регистрации, которую начальник московской полиции опубликовал в виде брошюры с названием «Дактилоскопия». Данная брошюра являлась дополнением к «Правилам» и была весьма актуальна для того периода.

Первый факт применения дактилоскопической экспертизы для идентификации человека в российской практике был зафиксирован в 1912 г. В Харламовской аптеке двумя неизвестными было совершено убийство, а также похищена вся имеющаяся выручка. На одном из найденных следователями на месте преступления осколков стекла был обнаружен след папиллярного узора пальца руки. Задержанные по подозрению в совершении этого преступления граждане свою вину отрицали, а все наличествующие улики были косвенными. Кроме того, один из подозреваемых предоставил нескольких свидетелей, которые подтверждали его алиби в противовес имевшихся косвенных доказательств [4].

После данного прецедента отпечатки ладоней и пальцев рук стали применяться не только для дактилоскопической регистрации, но и с целью идентификации личности на основе обнаруженных на месте преступления следов.

К сожалению, в начале первой мировой войны результаты десятилетий работы отечественных криминалистов были практически полностью разрушены. Большинство криминалистов были призваны в действующую армию. Основной урон это нанесло учреждениям Петербурга и Москвы, Киевский же кабинет научно-судебной экспертизы подвергся разгрому со стороны германских оккупантов, после чего ещё длительный период времени не мог восстановить полноценный уровень работоспособности.

В 1906 г. в Германию с особым распоряжением ознакомиться с различными применяемыми в этой стране способами дактилоскопической регистрации преступников были направлены инспектор Главного тюремного управления действительный статский советник Николай Флорианович Лучинский и чиновник Главного тюремного управления барон А.Ф. Штакельберг.

Исследование механизма регистрации преступников по средствам применения дактилоскопической методики показало, что данный способ позволяет вести успешную борьбу с бродяжничеством ввиду использования основополагающих принципов системного подхода при объединении всех имеющихся данных, а также значительно превосходит прочие аналогичные системы, включая антропометрию.

Николаем Флориановичем Лучинским был представлен доклад об особенностях дактилоскопической методики регистрации преступников, составленный на основе результатов анализа полученных в служебной поездке сведений. В рамках данного доклада были изложены также предложения инспектора Главного тюремного управления по вопросу внедрения системы дактилоскопической регистрации преступников в условиях России.

На основании приведенных в докладе положений Министерство юстиции пришло к выводу о необходимости введения дактилоскопической системы регистрации преступников на территории России. С этой целью было создано Центральное дактилоскопическое бюро при Главном тюремном управлении. «Правила о производстве и регистрации дактилоскопических снимков» были утверждены Иваном Григорьевичем Щегловитовым, министром юстиции, 16 декабря 1906 г. Кроме того, Главным тюремным управлением был разработан и издан циркуляр «О введении дактилоскопии в тюремном ведомстве для регистрации преступников». Обозначенные документы конкретизировали, какие именно категории лиц подлежат обязательному дактилоскопированию. Так, обязательному дактилоскопированию, согласно указанных правил, подвергались лица, обвиняемые в преступлениях, предусматривающих в виде наказания лишение всех сословных, политических и гражданских прав, приговоренные к ссылке на каторжные работы или на поселение [3].

Дактилоскопические карты изготавливались в первые три дня с момента поступления преступника в места заключения. Изготовление производилось под непосредственным контролем начальника учреждения либо его помощника. Контролирующее лицо своей подписью на дактилокарте подтверждало правильность содержащихся там сведений.

В помещении Центрального дактилоскопического бюро, расположенного в здании Главного тюремного управления, находились 4 шкафа с 24 ящиками в каждом, предназначенные для хранения дактилокарт, а также один шкаф с 24 ящиками, служивший для ведения

Барей Н. С.

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДАКТИЛОСКОПИИ (ПЕРВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ДАКТИЛОСКОПИИ В РОССИИ)

алфавитной картотеки. Главным тюремным управлением были предоставлены 1024 папки (по числу основных групп), буквенные и цифровые знаки, лупы и прочие канцелярские материалы.

Руководителем нового бюро стал Николай Флорианович Лучинский. С целью проведения дактилоскопических исследований, а также для наблюдения за работой прочих служащих в Центральном дактилоскопическом бюро был направлен архивариус Главного тюремного управления статский советник Д.И. Васильев. В помощники ему был назначен коллежский регистратор Силенка.

Циркуляр Главного тюремного управления от 30.12.1906 № 32, к которому прилагались комплекты дактилоскопических приспособлений и бланки дактилоскопических листов, изготовленные в Петроградской одиночной тюрьме, а также Правила «О производстве и регистрации дактилоскопических снимков», был разослан губернаторам, начальникам областей и градоначальникам в соответствии с количеством мест заключения, находящихся на вверенных им территориях. Начальникам тюрем согласно данному письму полагалось в кратчайшие сроки дактилоскопировать всех заключенных, содержащихся в день получения Правил в тюремных заведениях и передать дактилоскопические карты в ЦДБ [1].

Спустя некоторый промежуток времени в Бюро начали поступать дактилоскопические карты. В большинстве своем карты заводились на каторжных арестантов. Преимущества новой системы стали видны еще в первые месяцы работы Центрального дактилоскопического бюро. Из одной и той же тюрьмы могли приходиться дактилоскопические карты, заполненные на разных лиц, но с отпечатками одного и того же человека. Разумеется, чаще всего подобное объяснялось ошибками при работе тюремных специалистов, однако, кроме этого, были выявлены и подлоги, имевшие место в ряде тюрем. Один из таких случаев описывается в записях Д.И. Васильева.

В течение первого года работы Центрального дактилоскопического бюро был зафиксирован факт выявления личности бродяги. Так, в феврале 1907 г. из Тотемской тюрьмы в Центральном дактилоскопическом бюро была передана дактилокарта, содержащая сведения об арестанте Кукушине М., осужденного по ст. 951 Уложения о Наказаниях. Кукушин М. был освобожден из тюрьмы с передачей в распоряжение полиции. Позднее, в сентябре 1907 г. в Центральном дактилоскопическом бюро была доставлена дактилокарта на Шубина А., арестанта самарской тюрьмы. Шубин А. был осужден по ст. 951 и 952 Уложения о Наказаниях. При регистрации дактилокарта Шубина А. получила формулу, аналогичную дактилокарты Кукушина М. Впоследствии был установлен факт совпадения папиллярных узоров обоих лиц на уровне индивидуального тождества.

Позднее в Центральном дактилоскопическом бюро начали поступать ходатайства об исследовании отпечатков пальцев, оставленных преступниками на местах преступлений. Первые подобные ходатайства от судебных следователей зафиксированы в начале 1909 г. Иногда к ходатайствам прилагались дактилокарты подозреваемых и вещественные доказательства (конверт, бумага, печать). Однако на все ходатайства Центральное дактилоскопическое бюро ответило отказом, аргументировав свою позицию тем, что не считало себя уполномоченным для производства ... «чрезвычайно ответственных по своим результатам исследований...» и ... «не имело в своем распоряжении таких аппаратов и приспособлений, которые давали бы ему возможность воспроизвести применяемые в подобных случаях технические приемы» [1]. Следует при этом отметить, что несмотря на это, сотрудники Центрального дактилоскопического бюро неоднократно привлекались к допросу в качестве сведущих лиц в камерах судебных следователей Петрограда. Таким образом, сотрудники Центрального дактилоскопического бюро фактически проводили дактилоскопические экспертизы в отдельных случаях.

Исследование оставляемых на месте преступления злоумышленниками дактилоскопических следов, таким образом, имело бы в процессуальном отношении такое же значение, как и производящееся при камере прокурора Петербургской судебной палаты исследование

фотографическим способом подлогов, а также и исследование дактилоскопических данных, касающихся личности преступников, обвиняемых в бродяжестве, производимое ныне в Центральном дактилоскопическом бюро при Главном тюремном управлении.

Указанные виды исследований имеют своей целью предоставление доказательств виновности того или иного лица в различного рода преступления (убийство, кража со взломом, побег и т.п.) органам судебной власти. Следует также отметить, что для проведения любого из обозначенных исследований необходимы особые технические знания в области дактилоскопии либо фотографии. Так, например, исследования отпечатков, найденных на месте преступления, требуют знаний не только в области дактилоскопии, но и по вопросу фотографической экспертизы.

Приведенные выше обстоятельства позволяют сделать вывод о необходимости объединения обозначенных видов исследования в рамках деятельности одного учреждения, обладающего достаточной компетенцией, то есть в Центральном фотофото-дактилоскопическом бюро, которое, в свою очередь, должно находиться при Центральном управлении Министерства юстиции. Штатная численность учреждения должна быть установлена в законодательном порядке.

С помощью Центрального дактилоскопического бюро были установлены личности ряда неизвестных, тела которых были найдены в различных регионах России. Один из первых подобных случаев был зафиксирован в 1914 г. в городе Благовещенск. На улице города был найден труп неизвестного лица, с отпечатков рук которого была изготовлена дактилокарта, направленная в Центральное дактилоскопическое бюро. При исследовании данной карты в Центральном дактилоскопическом бюро была установлена личность неизвестного, им оказался беглый каторжник Василий Тихонов.

В период с 1907 по 1916 гг. в Центральном дактилоскопическом бюро были проведены работы по установлению личности 11 неизвестных, тела четырех из которых были найдены на улицах, один в погребке военных лагерей, а шесть неизвестных было убито при задержании в момент совершения преступления или бегства с места преступления [1].

С 1911 г. при Училище правоведения начинает функционировать первый в России судебно-технический кабинет, организованный судебным следователем Потаповым С.М. В рамках деятельности кабинета в Училище правоведения стали проводиться занятия по криминалистике. Чуть позже криминалистику стали преподавать в Военно-юридической академии [2].

Для технического обеспечения процесса расследования преступлений было принято решение о создании особых кабинетов. В законе от 28.06.1912 г. «О кабинете научно-судебной экспертизы» было обозначено: «При прокуроре Санкт-Петербургской судебной палаты состоит кабинет научно-судебной экспертизы для производства исследований по уголовным и гражданским делам посредством фотографии, дактилоскопии, химических и микроскопических анализов и иных приемов, за исключением исследований, применяемых врачебными отделениями губернских правлений, а также для оказания, в особо важных случаях, содействия следственной власти к обнаружению виновного и выяснению преступления или к установлению невиновности подозреваемого».

Первый кабинет состоял из трех отделов: химического, уголовно-технического и отдела фотографии. Фотографический отдел в рамках своей деятельности осуществлял работы по фиксации места преступления по средствам фотосъемки. Кроме того, отдел осуществлял микроскопическое исследование документов. Уголовно-технический отдел занимался обнаружением и фиксацией следов, включая следы рук. Химический отдел осуществлял анализ веществ и материалов, найденных на местах совершения преступлений.

За 1913 г. кабинет провел 272 исследования по уголовным делам, в том числе 43 из них – дактилоскопических.

9 декабря 1912 г. состоялось торжественное открытие кабинета научно-судебной экспертизы при прокуроре Санкт-Петербургской судебной палаты.

Барей Н. С.

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДАКТИЛОСКОПИИ (ПЕРВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ДАКТИЛОСКОПИИ В РОССИИ)

В кабинет с 9 декабря 1912 г. по 1 января 1914 г. поступило 365 исследований, из которых 272 по уголовным делам и 93 по гражданским. Направления, по которым проводились исследования, можно распределить по таким направлениям как: исследование и сличение почерков – 169 случаев, дактилоскопия – 43 случая, исследования чернил и волос – 30 и 7 случаев соответственно. Кроме того, служащие в 5 случаях выезжали на места преступлений, 57 случаев, согласно отчету министра юстиции, составили иные исследования [2]. Таким образом, кабинет научно-судебной экспертизы принимал участие в ряде выдающихся процессов того времени (дело Лыжина, Ющинского, графа Роникера и др.). Восемнадцать чинов разных ведомств были прикомандированы к кабинету научно-судебной экспертизы для ознакомления и изучения дел.

В 1914 г. был уволен один из помощников управляющего – германский подданный Пфедфер, а двое других помощников – Гончаров и Изензе, а вместе с ними и старший кандидат на должности по судебному ведомству Линде, были призваны на военную службу. Столь тяжелые условия значительно осложнили деятельность кабинета научно-судебной экспертизы – весь объем работ проводился управляющим и старшим кандидатом на должности по судебному ведомству Рудневым. В течение 1914 г. кабинетом научно-судебной экспертизы было проведено 249 экспертиз, из них дактилоскопических исследований – 33, исследований ключей, ножей, следов ног и др. – 16. Кроме того, было совершено 5 выездов на место происшествия [1].

Петроградский Кабинет научно-судебной экспертизы прекратил свое существование в течение первых дней Февральской революции, в пламени пожара, охватившего здание, в котором ранее располагался Петроградский окружной суд.

В июле 1913 г. был издан закон «Об учреждении кабинетов научно-судебной экспертизы в городах Москве, Киеве, Одессе», что было обосновано значительным ростом нагрузки, а также все возрастающей ролью кабинетов научно-судебной экспертизы в обеспечении деятельности органов следствия и уголовного розыска. За 1914 г. этими кабинетами было проведено 251, 216, 215 исследований, в том числе по дактилоскопии, соответственно 55, 33, 11 [1].

Начиная с того периода метод дактилоскопии получил в России заслуженное признание и стал широко применяться в практической деятельности. По мере развития теоретических и методологических основ дактилоскопической экспертизы, совершенствовались и методика экспертного исследования, различные методы и приемы по обнаружению следов рук как на месте преступления, так и в лабораторных условиях; методы изъятия и фиксации следов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление, тенденции развития: учеб. пособие. – М.: ЮИ МВД РФ, 1994. – 246 с.
2. Макеева, Н. В. Становление и развитие экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел: учеб. пособие / Н. В. Макеева. – Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 1998. – 348 с.
3. Смирнов, М. П. Становление и перспективы развития дактилоскопического метода криминалистического учета: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. П. Смирнов. – М., 1982. – 32 с.
4. Хазиев, Ш. Н. История дактилоскопии в России 1867-1994 / Ш. Н. Хазиев. – М., 2004. – 214 с.

Ким С. С.
S. S. Kim

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ В СУДЕ И ЕЁ ОТЛИЧИЕ ОТ СЛЕДСТВЕННОГО (СУДЕБНОГО) ЭКСПЕРИМЕНТА

ON THE NECESSITY TO REGULATE VERIFICATION, DURING JUDICIAL PROCEEDINGS, OF THE TESTIMONIES AND EVIDENCE MADE/GATHERED ON THE SPOT, AND THE DIFFERENCE OF SUCH REGULATION FROM INVESTIGATIVE (JUDICIAL) EXPERIMENTS AT THE COURT

Ким Сергей Сенгуевич – судья Хабаровского краевого суда (Россия, Хабаровск). E-mail: kimss74@mail.ru.

Mr. Sergey S. Kim – Judge at the Khabarovsk Regional Court (Russia, city of Khabarovsk). E-mail: kimss74@mail.ru.

Аннотация. В статье выявлены отдельные признаки проверки показаний на месте в стадии судебного разбирательства. Установлены отличия данного процессуального действия в зависимости от стадии уголовного процесса. Проведено сравнение между проверкой показаний на месте и следственным (судебным) экспериментом в судебном разбирательстве, подтверждающее специфичность данных действий.

Summary. The paper reveals several indications of verification, during court proceedings, of evidence and testimonies made/gathered on the spot. Differences of this legal procedure, depending on the stage of criminal process, are identified. A comparison is made between verification of evidence and testimonies made/gathered on the spot and the investigative (judicial) experiment during court hearings, which confirms the specific nature of these procedures.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание, следственные действия, доказывание в суде, уголовно-процессуальная деятельность суда, проверка показаний на месте, следственный эксперимент.

Keywords: criminal law evidence, investigations, establish to the satisfaction of the court, criminal court procedures, verification of evidence/testimonies on the spot, investigative experiment.

УДК 343.1

Процесс уголовно-процессуального доказывания представляет собой особого вида познание. Одной из его особенностей является то, что сведениями, составляющими базу процессуального познания, являются доказательства, исчерпывающий перечень которых содержится в ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Кроме того, доказательства не могут быть получены произвольно, поскольку закон предусматривает строгие требования их получения, не соблюдение которых влечет за собой признание доказательства недопустимым и, как следствие, невозможность его использования для доказывания любого из обстоятельств по делу.

УПК РФ довольно детально регламентирует проведение следственных действий – процессуальных действий, направленных на получение новых доказательств и проведенных в стадии предварительного расследования. В отличие от следственных действий норматив-

Ким С. С.

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ В СУДЕ И ЕЁ ОТЛИЧИЕ ОТ СЛЕДСТВЕННОГО (СУДЕБНОГО) ЭКСПЕРИМЕНТА

ное регулирование проведения судебных действий в стадии судебного разбирательства имеет некоторые особенности. Во-первых, судебные действия, проводимые в стадии судебного разбирательства и результатом которых является получение нового доказательства, в отличие от «следственных действий» не имеют самостоятельного нормативно закреплённого определения. Во-вторых, нормативная регламентация отдельных видов следственных действий в стадии судебного разбирательства носит общий характер (ст. 287-290 УПК РФ). В-третьих, проведение некоторых судебных действий вообще нормативно не урегулировано. Одним из таких судебных действий является проверка показаний на месте.

Как известно, процесс доказывания в суде определяется совокупностью трех элементов: сбор, проверка и оценка доказательств. Существующее мнение о том, что процесс доказывания включает в себя ещё и четвертый элемент в виде исследования доказательств, представляется весьма спорным. Обсуждение обоснованности данной точки зрения выходит за рамки темы настоящей статьи, поэтому мы считаем возможным ограничиться лишь указанием на то, что при исследовании вопроса о самостоятельности суда в процессе доказывания нами принимается трехчленная структура доказывания.

Бесспорным является то, что окончательное решение по уголовному делу принимает суд путем вынесения итогового решения на основании исследованных в суде доказательств. Однако при этом возникает вопрос: может ли суд самостоятельно собирать новые доказательства или же суд должен выносить решения исключительно на основании доказательств, представленных сторонами?

Согласно ст. 15 УПК РФ, суд рассматривает уголовное дело в строгом соответствии с принципом состязательности, согласно которому функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга. При этом суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Вместе с тем принцип состязательности не должен рассматриваться как инструмент, ограничивающий процессуальную самостоятельность суда. Создание судом условий для осуществления сторонами своих прав и обязанностей не противопоставляется обязанности суда устанавливать все обстоятельства, подлежащие доказыванию. Мы разделяем мнение А. В. Пиюка о том, что «вопрос об ограничении активности суда следует ставить не тогда, когда он пытается выяснить реальную картину произошедшего деяния, а лишь тогда, когда суд путем осуществления каких-либо действий по исследованию и сбору дополнительных доказательств отступает от принципа незаинтересованности и беспристрастности, то есть тогда, когда суд начинает “работать” за какую-либо сторону» [5].

Позиция о том, что суд не вправе самостоятельно собирать новые доказательства, ошибочна также и потому, что проверить представленные сторонами доказательства суд может только анализируя их с другими доказательствами, в том числе с теми, которые получены в суде.

Таким образом, можно констатировать, что некоторые процессуальные действия, проводимые судом, имеют своим результатом получение новых доказательств.

Следует отметить, что аналогичные процессуальные действия в стадии предварительного расследования закреплены понятием «следственное действие». Несмотря на то что УПК РФ не содержит норму-дефиницию следственного действия, законодательное определение данного понятия возможно вычленив из смысла ст. 5 п. 19 УПК РФ, согласно которой неотложными следственными действиями являются действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации доказательств, требующих немедленного закрепления, изъятия и исследования. Из данного определения следует, что следственным действием является процессуальное действие, осуществляемое органом след-

ствия и дознания в стадии предварительного расследования, направленное на обнаружение и фиксацию доказательств. Таким образом, выделим признаки следственного действия:

- производство в стадии предварительного расследования;
- результатом следственного действия является получение доказательства;
- следственное действие могут проводить только специально уполномоченные законом должностные лица органа следствия или дознания.

Процессуальные действия суда в стадии судебного разбирательства условно можно разделить на действия, связанные с регламентом судебного заседания, направленные на организацию судебного заседания, действия, связанные с обеспечением возможности сторонам реализовать свои права по представлению в суд доказательств, и действия по проверке представленных сторонами доказательств. Проверка доказательств, суд вправе основываться не только на сведениях, предоставленных сторонами, но и, обладая самостоятельным процессуально-познавательным статусом, может самостоятельно исследовать те или иные обстоятельства путем проведения «следственных действий».

Тут и возникает вопрос о корректности использования термина «следственные действия» по отношению к процессуальным действиям суда в стадии судебного разбирательства. Тема терминологической недостаточности определения деятельности суда, направленной на получение новых доказательств, нашла свое отражение в работах современных ученых. Так, например, в своей диссертационной работе «Доказывание при производстве по уголовным делам в суде первой инстанции» А. С. Самоходкина указывает, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не дает определения и не разграничивает понятия «судебные действия», «следственные действия» и «процессуальные действия» [6]. Соглашаясь с актуальностью данной проблемы, мы также полагаем, что необходимо законодательное определение данных действий. Нормативное разграничение между действиями в суде, направленными на собирание доказательств, и иными процессуальными действиями, между действиями, направленными на собирание доказательств в стадии предварительного расследования, и аналогичными действиями в суде установит терминологическую определенность, востребованную как теорией, так и практикой.

На наш взгляд, основными отличительными признаками «следственного действия» от иных процессуальных действий являются:

- задачи проведения следственного действия;
- субъект, который проводит данное следственное действие;
- стадия предварительного расследования, в которой оно проводится.

Согласно УПК РФ к субъектам, которые вправе проводить предварительное расследование, относятся следователь, а в некоторых случаях – дознаватель, начальник органа дознания и руководитель следственного органа (ст. 5, 38, 39, 41, 40.1 УПК РФ) [8]. Проведение следственного действия направлено на обнаружение и фиксацию доказательства в стадии предварительного расследования.

Использование прилагательного «следственное» применительно к действиям, производимым судом в стадии судебного разбирательства, необоснованно и приводит к неразберихе. Определение действий суда как «следственных» ставит знак тождества между процессуальными действиями разных субъектов, производимыми в разных стадиях уголовного процесса, что, на наш взгляд, неоправданно и необоснованно.

Основными отличиями судебных действий от следственных действий являются:

1. стадия уголовного процесса, в которой они производятся;
2. задачи проведения процессуального действия;
3. субъекты процесса, производящие процессуальное действие;
4. состав лиц, участвующих в процессуальном действии.

По нашему мнению, во избежание терминологической путаницы как при анализе теоретических вопросов, так и при работе по рассмотрению конкретных уголовных дел действия

Ким С. С.

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ В СУДЕ И ЕЁ ОТЛИЧИЕ ОТ СЛЕДСТВЕННОГО (СУДЕБНОГО) ЭКСПЕРИМЕНТА

суда познавательного характера можно обозначить как «судебные действия». При этом мы полагаем излишним использование дополнительных формулировок в определении данного понятия. Например, О. С. Самоходкиной предлагается определять такие действия как «судебные действия исследовательского характера» [6]. Однако следственные действия, производимые следователем, также носят исследовательский характер, при этом отсутствие соответствующей приставки в определении «следственного действия» не мешает его пониманию.

Таким образом, судебные действия мы считаем возможным определить как уголовно-процессуальные действия суда, осуществляемые в стадии судебного разбирательства, направленные на проверку представленных сторонами доказательств.

Терминологическая неопределенность не единственная проблема, касающаяся судебных действий. Часть судебных действий, проведение которых прямо предусмотрено УПК РФ, недостаточно регламентирована, а проведение некоторых судебных действий не регламентировано вовсе. К первым относится следственный эксперимент в суде, ко вторым – проверка показаний на месте.

Проверка показаний на месте в судебном разбирательстве является самостоятельным судебным действием, обладающим уникальными признаками, образующими его самобытность.

Несмотря на то что следственное действие «проверка показаний на месте» нашло свое отражение в законе лишь с принятием в 2001 г. действующего УПК РФ, о необходимости правового регулирования данного процессуального действия ученые-процессуалисты заявляли ещё в середине XX в. [1; 3; 7].

Проверка показаний на месте как судебное действие уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено, но несмотря на это применяется в судебной практике.

Сущность проверки показаний на месте заключается в допросе лица, чьи показания проверяются, с одновременным показом определенного места, связанного с преступлением, в исследовании указанного места и сопоставлении сообщенных сведений с объективной обстановкой на месте.

Целью проверки показаний на месте является проверка сведений, данных ранее участником процесса в ходе допроса. То есть одним из условий проверки показаний на месте является предварительный допрос лица, чьи показания проверяются. Условием, отличающим проверку показаний на месте от допроса, также является место проведения судебного действия. Проверка показаний на месте может быть проведена только с одновременным показом каких-либо объектов, а действия допрашиваемого и обстановка воспринимаются судом лично и непосредственно. При проверке показаний на месте допрашиваемое лицо указывает суду и участникам процесса признаки места и совершенных на нем действий, при этом допускается указание допрашиваемым в подтверждение своих показаний каких-либо предметов. Данное обстоятельство свидетельствует о возможности и необходимости исследования судом места проверки показаний на месте с целью обнаружения заявленных допрашиваемым признаков или объектов.

По мнению Н. Е. Мерецкого, уникальность проверки и уточнения показаний в суде заключается в сочетании следующих свойств. Во-первых, данное судебное действие обладает особой познавательной функцией, выраженной комплексным исследованием обстановки и обстоятельств совершенного преступления. Во-вторых, проверка и уточнение показаний в суде представляют собой конкретную форму реализации прав и обязанностей участников уголовного процесса по представлению доказательств в суде. В-третьих, указанное судебное действие, обеспечивая реализацию прав и интересов граждан, является действенным способом установления объективной истины, всегда обладающим свойством допустимости [4].

Необходимо отметить, что проверка показаний на месте в ходе предварительного расследования и в стадии судебного разбирательства – это два разных процессуальных действия. В обоих случаях результатом проведенного действия является новое доказательство. Однако проверка показаний в суде в соответствии с принципом состязательности сторон всегда определяется проверкой ранее исследованных в суде показаний, но не поиском судом

дополнительных доказательств виновности или невиновности подсудимого. Проверка же показаний на месте в ходе предварительного расследования предопределяется, прежде всего, процессуальной обязанностью должностного лица следственного органа или органа дознания по выполнению полномочий функции обвинения.

Проверка показаний на месте в досудебной стадии, бесспорно, отличается от проверки показаний на месте в стадии судебного разбирательства не только производящими их субъектами, но и участием в данных действиях других участников процесса. Так, согласно ст. 60 УПК РФ при производстве следственного эксперимента обязательно участие понятых. По смыслу ст. 60, 170 и 181 УПК РФ участие понятых при производстве следственных действий обусловлено тем, что суду как органу, выносящему итоговое решение по делу, необходима достоверная информация о ходе проведенного того или иного действия, что и призваны подтвердить понятые. Как мы понимаем, в тех случаях, когда доказательство получает непосредственно суд, участие понятых абсурдно.

Другим отличием между «досудебной» и «судебной» проверкой показаний на месте является процедура фиксирования результатов процессуального действия. В соответствии со ст. 166 УПК РФ в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания должен быть составлен протокол следственного действия, который имеет ряд признаков, образующих уникальность данного процессуального акта. Кроме того, после составления протокола он должен быть сразу представлен для ознакомления всем участникам следственного действия. В отличие от проверки показаний на месте в ходе предварительного расследования результаты проверки показаний на месте, проведенной в суде, фиксируются в протоколе судебного заседания. Требования, предъявляемые к форме, содержанию и порядку составления протокола судебного заседания (ст. 259 УПК РФ), образуют самобытность процессуального акта. Порядок ознакомления с протоколом судебного заседания и принесения замечаний на него также сильно отличается от ознакомления с протоколом следственного действия. Протокол судебного заседания может быть изготовлен в течение 3 суток после окончания судебного заседания, а «в силу объективных обстоятельств» протокол может быть изготовлен и по истечению 3 суток. Поскольку проверка показаний в суде может быть проведена не в завершающий день судебного заседания, то и период между проведением проверки показаний и составлением протокола судебного заседания может быть значительным. Кроме того, с протоколом судебного заседания участники процесса вправе ознакомиться путем подачи соответствующего ходатайства в течение 3 суток, которое рассматривается председательствующим, в свою очередь, ещё в течение 3 суток. Таким образом, закон устанавливает весьма продолжительный период, по истечении которого могут быть рассмотрены замечания на протокол судебного заседания, в том числе и по обстоятельствам проведенной в суде проверки показаний на месте. Поскольку замечания на протокол судебного заседания рассматриваются председательствующим, а сам протокол может быть изготовлен через значительный период, то при рассмотрении этих замечаний возможны добросовестные ошибки, в то время как принесение замечаний сразу и непосредственно после проведения проверки показаний на месте в стадии предварительного расследования совершение таких ошибок минимизирует. Различие условий и признаков протокола следственного действия и протокола судебного заседания столь существенно, что позволяет утверждать об их абсолютной процессуальной самостоятельности.

На этом отличия между проверкой показаний на месте в ходе предварительного следствия и в суде не ограничиваются. Разным является состав лиц, участвующих в данных процессуальных действиях. В отличие от стадии предварительного расследования в суде проверка показаний на месте проводится с обязательным участием всех участников процесса, а не только того лица, чьи показания проверяются. В круг участников процесса входят: потерпевший, его представитель, подсудимый, его защитник, свидетель, секретарь судебного заседания и другие субъекты процесса. При этом следует учитывать, что в уголовном деле могут быть несколько потерпевших, подсудимых, защитников, свидетелей. Кроме того, присут-

Ким С. С.

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ В СУДЕ И ЕЁ ОТЛИЧИЕ ОТ СЛЕДСТВЕННОГО (СУДЕБНОГО) ЭКСПЕРИМЕНТА

ствовать при проверке показаний на месте в судебном заседании вправе любой желающий в случае рассмотрения уголовного дела в открытом судебном заседании. Таким образом, количество участвующих лиц в проверке показаний на месте на предварительном следствии и в суде может значительно отличаться, что влечет за собой применение совершенно различных методов и приемов при проведении проверок показаний.

Отличие в задачах, составах участвующих лиц, порядке проведения процессуального действия, фиксации результатов проверок показаний на месте в суде и на следствии предопределяет различие в методике и тактике проведения данных действий в зависимости от стадии процесса, в которой они проводятся. В связи с этим представляется необходимой нормативная регламентация проверки показаний на месте в стадии судебного разбирательства как отдельного вида судебного действия.

Несмотря на то что при проверке показаний на месте допускается демонстрация некоторых действий, её следует отличать от следственного эксперимента. В отличие от проверки показаний на месте проведение следственного эксперимента в суде предусматривается действующим УПК РФ (ст. 288 УПК РФ). Однако существующие нормы все равно оставляют место для дискуссии. Так, например, все также вызывает сомнение правильность названия эксперимента в суде «следственным».

Несмотря на наличие норм, регулирующих проведение следственного эксперимента в суде, мы считаем, что регламентация проверки показаний на месте в суде необходима, поскольку следственный эксперимент и проверка показаний на месте являются самостоятельными судебными действиями.

Следственный эксперимент в суде является особым судебным действием. Эксперимент – это искусственное систематическое изменение условий наблюдаемого явления и связей его с другими явлениями, прежде всего, методом абстракции [2]. Эксперимент в отличие от наблюдения предусматривает возможность неоднократного повторения наблюдаемого явления в требуемом для исследователя изолированном от других явлений виде, изменения скорости протекания наблюдаемого явления. Указанные свойства позволяют выделить отдельные признаки и свойства изучаемого объекта. Как правило, целью судебного эксперимента является проверка собранных по делу и уже исследованных судом доказательств, им могут быть проверены как доказательства, представленные органами предварительного расследования, так и доказательства, добытые в суде. При этом судебный эксперимент является исключительным способом проверки судом представленных стороной обвинения результатов следственного эксперимента, проведенного в ходе предварительного расследования. Это связано с тем, что в основе эксперимента лежит принцип повторяемости, т.е. при повторном производстве какого-либо действия его результаты должны быть одинаковыми. Именно поэтому результаты следственного эксперимента непосредственно и максимально объективно суд может исследовать только в результате проведения судебного эксперимента. Нужно отметить, что проведение судебного эксперимента должно быть процессуально и тактически оправданным. Судебный эксперимент позволяет проверить лишь те данные, которые могут быть проверены опытным путем. К таким данным относятся сведения о фактах, существование которых может быть подтверждено путем моделирования ситуации. В силу того что организация и проведение судебного эксперимента требуют привлечения дополнительных ресурсов, представляется проведение судебного эксперимента лишь в случаях, если проверить ранее исследованные доказательства иными способами не представляется возможным. Судебным экспериментом могут быть проверены в суде фактические данные, полученные при проведении и других следственных действий, например, с целью проверки данных, содержащихся в показаниях лиц, допрос которых в суде невозможен, или лиц, изменивших свои показания в суде. Однако в любом случае судебный эксперимент требует воссоздания и реконструкции обстановки, максимально приближенной к той, которая существовала на момент произошедшего события.

Таким образом, можно выделить следующие отличия проверки показаний на месте от следственного эксперимента.

Проверка показаний на месте не содержит в себе характер опыта и эксперимента. Она не требует реконструкции обстановки и, как правило, ограничивается обстановкой, существующей на момент проведения судебного действия. Задачей проверки показаний на месте является не установление, могло ли произойти то или иное событие, а уточнение обстоятельств, при которых произошло это событие. Одним из основных отличий между проверкой показаний на месте и следственным экспериментом является обязательное участие проверяемого лица в проверке показаний. В связи со спецификой задачи, стоящей перед следственным экспериментом, участие лица, чьи показания проверяются в следственном эксперименте, не обязательно. Моделирование ситуации и реконструкция обстановки не требуют обязательного присутствия на следственном эксперименте «проверяемого» лица.

Указанные отличия подтверждают самостоятельность проверки показаний на месте как отдельного судебного действия и с процессуальной, и с тактической стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин, Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике / Р. С. Белкин. – М.: Юридическая литература, 1964. – 224 с.
2. Белкин, Р. С. Эксперимент в уголовном судопроизводстве / Р. С. Белкин, А. Р. Белкин. – М.: Инфра М - Норма, 1997. – 160 с.
3. Васильев, А. Н. Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений / А. Н. Васильев, С. С. Степичев. – М.: Госюриздат, 1959. – 48 с.
4. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений коррупционной и экономической направленности: сб. материалов 52-х криминалистических чтений: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2011. – Ч. 1.
5. Пиюк, А. В. Роль суда в собирании доказательств по уголовному делу на стадии предварительного расследования и при рассмотрении дела в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Пиюк А. В. – Томск, 2004. – 23 с.
6. Самоходкина, О. С. Доказывание при производстве по уголовным делам в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Самоходкина О. С. – Ростов н/Д, 2006. – 209 с.
7. Степичев, С. Проверка показаний на месте / С. Степичев. – М.: Изд-во Известия, 1964. – 65 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2013) [Электронный ресурс] / Компания «Консультант-плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/> (дата обращения: 08.07.2013). – Загл. с экрана.

Усанов Г. И., Чернышкина Т. В.
G. I. Usanov, T. V. Chernyshkina

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕГИОНА

DEVELOPMENT OF A STRATEGIC PARTNERSHIPS SYSTEM IN THE FIELD OF EDUCATION OF A REGION

Усанов Геннадий Иванович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Менеджмента и организации промышленного производства» ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: usanov_g@mail.ru

Mr. Gennady I. Usanov – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Industrial Engineering and Management, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenina Pr., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: usanov_g@mail.ru

Чернышкина Татьяна Владимировна - старший преподаватель кафедры «Экономика и финансы» ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: tant_78@mail.ru

Ms. Tatiana V. Chernyshkina – Senior Lecturer, Department of Economics and Finance; Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenina Pr., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: tant_78@mail.ru

Аннотация. Данная статья отражает современные тенденции воспроизводственного процесса кадрового обеспечения России в целом и Дальневосточного региона, в частности. В статье отражены особенности воспроизводства квалифицированных кадров на данном этапе развития общества. Выявлены факторы, ограничивающие деловую активность организаций и особенности воспроизводства квалифицированных кадров. Показана необходимость формирования системы стратегического партнерства в сфере профессионального образования региона, как фактор развития промышленных кластеров региона.

Summary. This paper reviews current trends in the reproduction of personnel assets in Russia as a whole and in the Far Eastern region in particular. The authors consider certain specific features of the reproduction of skilled personnel at this stage of the development of society. Factors are revealed that lead to limited business activities of organizations; specific features of the reproduction of qualified personnel are discovered. A need is shown to set up and develop a system of strategic partnerships in the area of vocational education and training in the region, this being a factor promoting the development of local industrial clusters.

Ключевые слова: кадровое обеспечение, воспроизводство квалифицированных кадров, кластеры, система стратегического партнерства.

Keywords: staffing, reproduction of qualified personnel, clusters, system of strategic partnerships.

УДК 005.21

Воспроизводственные процессы кадрового обеспечения хозяйственной деятельности в настоящее время выдвинулись в число наиболее актуальных проблем постреформенной России в целом и Дальневосточного федерального округа, в частности.

Численность населения РФ на протяжении длительного периода времени снижалась темпами от 800 тыс. человек до 1 млн человек в год за истекший период. Прошла деформация практически всех структур, обеспечивающих обществу воспроизводство трудовых ресурсов. Как следствие возник дисбаланс между структурой спроса и предложения на рынке труда, а также возросли ассиметрии других его характеристик. При этом проявилась своеобразная регионализация негативных тенденций рынка труда.

На уровне отдельных регионов, в том числе Дальнего Востока России (ДВР), эти негативные тенденции усилились еще в большей степени. За последние годы численность населения ДВР сократилась с 7,5 млн человек до 6,4 млн человек. Уже сейчас кадровый ресурс является наиболее дефицитным в регионе.

Решение проблемы кадрового дефицита окраинных регионов путем привлечения рабочей силы из трудоизбыточных регионов весьма проблематично, так как эти регионы не являются привлекательными как с геополитической, так и социально-экономической точек зрения.

Удовлетворение же потребностей трудодефицитных регионов путем привлечения иностранной рабочей силы, как показывает опыт США, Франции и других европейских стран, имеет определенные негативные экономические и социально-психологические последствия.

В то же время в трудодефицитных регионах существуют внутренние резервы снижения кадрового дефицита, одним из которых является формирование системы стратегического партнерства в сфере профессионального образования региона на базе применения кластерного подхода.

Трансформация воспроизводства квалифицированных кадров предполагает кардинальные изменения в структуре и содержании профессиональной подготовки, направленные на формирование профессиональных компетенций для производственных и инфраструктурных кластеров региональной экономики, которые претерпели существенные изменения в процессе институциональных реформ (рис. 1).

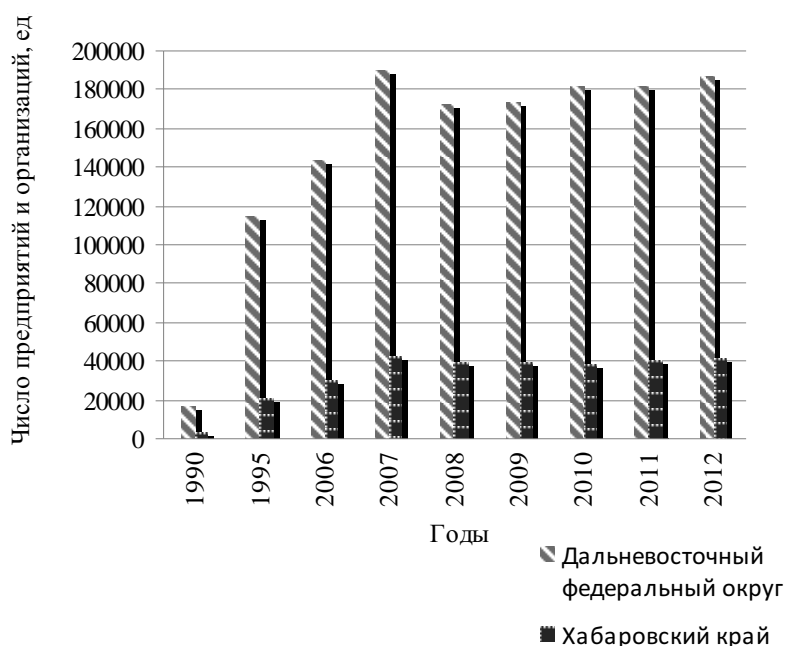

Рис. 1. Динамика численности предприятий и организаций

На рубеже 1990-2005 гг. численность предприятий и организаций вследствие реструктуризации управления возросла практически в 10 раз по ДФО и несколько ниже по Хабаровскому краю. Произошла дифференциация консолидированного спроса отраслей на трудовые ресурсы, собственной специализации.

Современные условия хозяйствования придали специфические особенности каждой из фаз воспроизводства квалифицированных кадров: формирования, распределения и использования. К примеру, в отраслях материального производства распределение занятых по уровню образования: высшее, среднее профессиональное, начальное профессиональное и среднее полное находятся примерно на одинаковых уровнях, а в отраслях нематериального производства это соотношение в больших долях приходится на высшее образование и в меньшей степени на среднее профессиональное, на остальные виды приходятся наименьшие значения.

По данным статистического опроса среди факторов, оказывающих наибольшее влияние, респонденты отметили: неопределенность экономической ситуации, недостаточный спрос на продукцию, высокий уровень налогообложения, высокий процент коммерческого кредита и недостаток квалифицированных рабочих (рис. 2). При этом приоритетность факторов практически одинакова по всем обследованным отраслям: обрабатывающие производства, добыча полезных ископаемых, производство электроэнергии газа и воды.

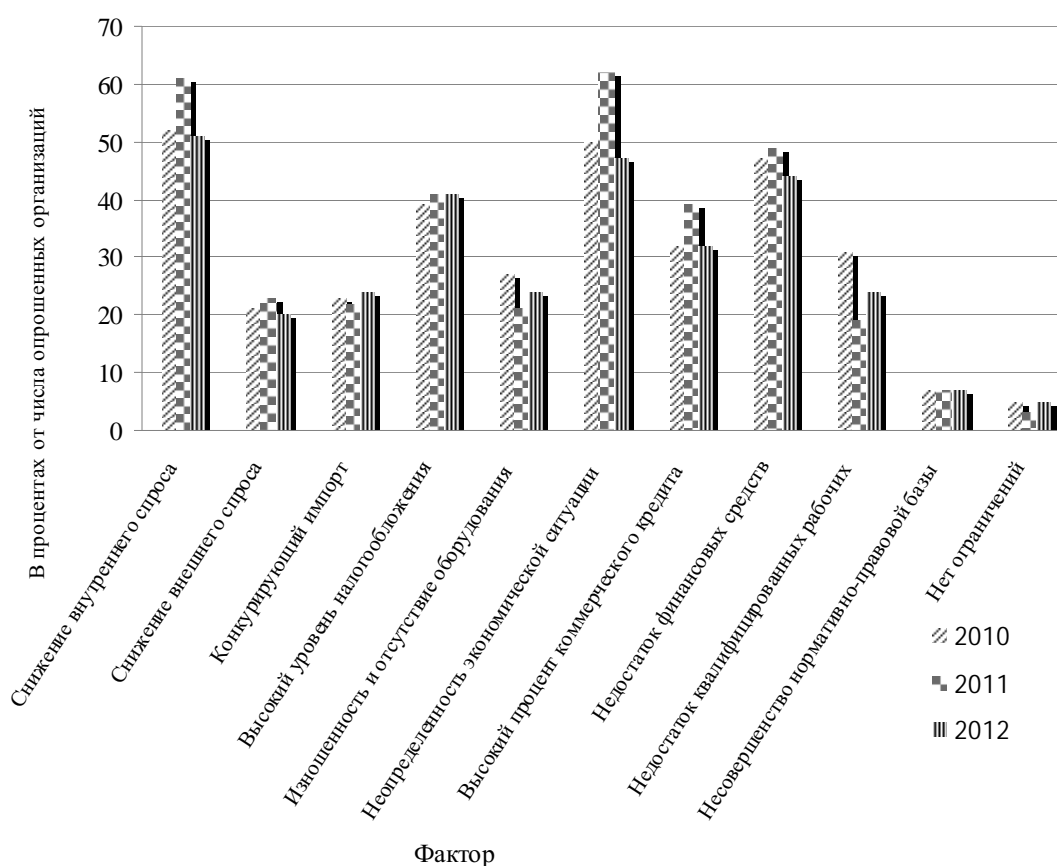

Рис. 2. Факторы, ограничивающие деловую активность организаций (без малых предприятий) по видам экономической деятельности «Обрабатывающие производства»

Изменились пропорции в объективной потребности хозяйственных кластеров в распределении общественного труда.

Традиционные отрасли специализации ДВР, такие как: добыча полезных ископаемых,

обрабатывающее производство, производство электроэнергии и другие, по-прежнему вносят наибольший вклад в валовой региональный продукт, но постепенно утрачивают свои лидирующие позиции.

Существенно возросло количество предприятий и организаций оптово-розничной торговли и сферы услуг (рис. 3).

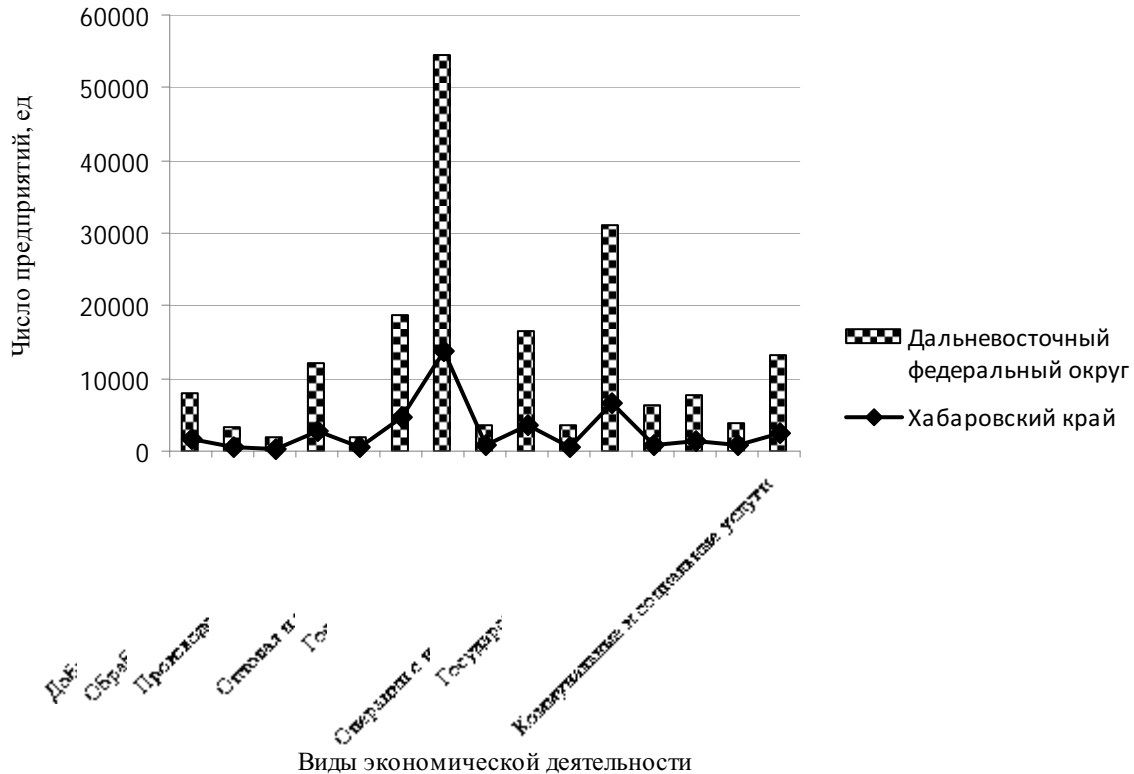

Рис. 3. Численность предприятий и организаций по отраслям промышленности в 2010 г.

В региональной экономике ДВР начинают проглядываться признаки, свойственные постиндустриальному обществу, в котором теоретические знания превращаются в главный источник развития технико-технологических инноваций, обуславливая переход от производства преимущественно товаров к производству услуг.

В постиндустриальном обществе, как известно, в сфере материального производства занято лишь 10-15 % трудоспособного населения, тогда как интеллектуальным и сервисным обслуживанием заняты 80-85 %. Для ДВР это еще далекая перспектива, но тем не менее она может рассматриваться как стратегический ориентир для формирования системы стратегического партнерства в сфере профессионального образования.

Вновь образованные многочисленные предпринимательские структуры как в традиционных для ДВР кластерах материального производства, так и в новых, испытывая недостаток финансовых ресурсов, вследствие падения потребительского спроса, обремененные налоговым бременем, устаревшим оборудованием и другими негативными изменениями внешней и внутренней среды, несмотря на острую нехватку квалифицированных кадров, не в состоянии самостоятельно формировать для себя кадровый потенциал, поскольку этот процесс длителен, трудоемок и требует существенных затрат.

Вследствие этого подавляющее большинство предпринимательского сектора экономики ДВР предпочитают решать свои кадровые проблемы сиюминутно, «переманивая» непрофильных специалистов за символически более высокий уровень оплаты либо более комфортные условия труда.

Торговля, финансово-кредитные организации, государственное и муниципальное управление, правоохранные структуры и т.п. повсеместно пополняют свои ряды выпускниками региональных педагогических университетов, подавляющее большинство которых получило высшее профессиональное образование за счет государственного бюджета.

Последнее является ярким примером низкой эффективности государственного управления распределения квот бюджетных мест. Осознав данную проблему, министерство образования РФ частично делегировало право квотирования бюджетных мест высшего профессионального образования региональным структурам управления образованием. В результате проблема возросла еще в большей степени. Свидетельством тому, является то, что ФБГОУ ВПО «КНАГТУ» один из ведущих вузов ДВР, начиная с 90-х гг., развивающий экономико-социальные и гуманитарные направления подготовки кадров на базе передовых технических специальностей и интеграции с ведущими вузами центральной России, такими как МЭСИ, ИНЖЕКОН и др., создав необходимую материально-техническую базу, методическое и кадровое обеспечение, превосходящие региональных гуманитарных конкурентов в этом году не получил ни одного бюджетного места по специальностям экономического и гуманитарного профиля, в то время как, все остальные вузы Хабаровского края, включая Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет получили бюджетные места.

Другим примером административно-территориального аноранизма является доминирующее среди региональных управленцев мнение, что в условиях трудоемкого региона приоритетным направлением в подготовке кадров является воспроизводство рабочей силы. Единственным аргументом при этом декларируется то, что у «станка» стоять не кому, в то время как каждый третий экономически активный житель региона получает высшее профессиональное образование (рис. 4). Действительно, значительная доля выпускников вузов ДВР, руководствуясь здравым смыслом, пополняют ряды высокообразованных «гастарбайтеров» Центрального федерального округа, который уже давно демонстрирует всей России признаки постиндустриального общества.

Рис. 4. Структура занятых в экономике Хабаровского края в 2011 г.

Однако наметившаяся тенденция снижения выделения бюджетных мест региональным вузам приведет к еще большей дифференциации в развитии центральных и окраинных регионов, поскольку ориентация на воспроизводство собственной низко квалифицированной рабочей силы приведет лишь к сохранению технологической отсталости

и сырьевой специализации окраинных регионов.

Резюмируя изложенное можно сделать вывод: сегодня государство, регионы, общество и рядовые граждане нуждаются в новых подходах и методах формирования системы стратегического партнерства в сфере образования пореформенной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский статистический ежегодник. 2009: Стат. сб. / М.: Росстат, 2009. – 795 с.
2. Российский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. / М.: Росстат, 2011. – 795 с.
3. Хабаровский край: Статистический ежегодник / Хабаровск: Хабаровкстат, 2012. – 314 с.
4. Яковлева, Т. А. Формирование механизма сбалансированности региональной системы кадрового обеспечения / Т. А. Яковлева, М. Г. Некрасова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. – 2008. – № 2 (54).

Третьяков М. М., Ивлев Г. С.

АНАЛИЗ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ РЫНКА БРОКЕРСКИХ УСЛУГ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Третьяков М. М., Ивлев Г. С.

M. M. Tretyakov, G. S. Ivlev

АНАЛИЗ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ РЫНКА БРОКЕРСКИХ УСЛУГ
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

ANALYSIS OF THE CURRENT BROKERAGE MARKET SITUATION IN THE FAR
EASTERN FEDERAL DISTRICT OF RUSSIA

Третьяков Михаил Михайлович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Маркетинг и коммерция» Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136, ауд. 413-л; тел.: 37-52-29.

Mr. Mikhail M. Tretyakov – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Marketing and Commerce, the Pacific State University; 136, Tikhookeanskaya Str., room 413-l, city of Khabarovsk, 380035, Russia; phone: 37-52-29.

Ивлев Георгий Сергеевич – аспирант Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680017, г. Хабаровск, ул. Большая, 85, тел.: 89144171878, e-mail: hadejdah@mail.ru.

Mr. George S. Ivlev – PhD Candidate, the Pacific State University; 85, Bolshaya Str., city of Khabarovsk, 680017, Russia; phone: + 7 914 4171878. E-mail: hadejdah@mail.ru.

Аннотация. В работе обосновано, что в Дальневосточном регионе добиться роста сбережений в финансовые активы, превышающего темпы роста доходов населения в случае стабильной рыночной конъюнктуры, позволит внедрение системы страхования, призванной защищать инвесторов в результате банкротства брокерской компании и недобросовестного исполнения ею своих обязанностей, увеличение уровня денежных доходов населения и доступа к брокерским услугам, сокращая число тех, кто вынужден отказаться от их использования в силу недостаточной финансовой грамотности. В целях повышения финансовой грамотности населения целесообразно использовать институт специализированного консультационного сопровождения.

Summary. The paper strives to justify that in the Far Eastern region of Russia to achieve growth in savings in financial assets that would exceed the growth rate of household income in enduring market will mean a) enabling the implementation of an insurance system designed to protect investors in the situation of bankruptcy of a brokerage or of unfair fulfillment by the latter of its obligations, b) boosting the levels of personal income, and c) improving access to brokerage services at the same time reducing the number of those who are compelled to abandon their use because of lack of financial literacy. In order to improve the financial literacy of the population it seems to be advisable to set up specialized institutions providing appropriate consultancy and support.

Ключевые слова: брокерские услуги, рынок брокерских услуг, факторы формирования и развития рынка брокерских услуг.

Keywords: brokerage, brokerage services market, factors contributing to the emergence and development of brokerage services.

УДК 336.012.23:338.465.4(045)

В нашей стране существует огромное количество брокерских фирм разного уровня и формы. Многие компании активно развивают высокотехнологичный Internet-трейдинг, предоставляя клиентам высокоскоростной доступ при прямом подключении к биржам, сотрудничая с разработчиками торговых роботов и предлагая своим клиентам весьма развитую линейку роботов и механических торговых систем. Некоторые компании для удобства торговли на нескольких торговых площадках одновременно предлагают единые торговые счета. В 2012 г. количество организаций, занимающихся брокерской деятельностью в России, составляло 668 [1]. В числе основных компаний в Дальневосточном федеральном округе, предоставляющих описанные выше услуги клиентам и обеспечивающих прямое участие населения в операциях с ценными бумагами с использованием брокерских услуг, можно выделить: «Финам» (Хабаровск, Якутск, Владивосток, Благовещенск), ЗАО «Дальний Восток-Инвест» (Хабаровск), Альпари-Хабаровск, ООО «Брокерсервис» (БКС, Владивосток, Южно-Сахалинск, Хабаровск, Биробиджан, Благовещенск), ОАО «Открытие» (Владивосток), ООО «Алор Брокер» (Владивосток, Якутск), ООО «Восточные Инвестиции» (Владивосток), ООО «Брокерская компания «Аналитик Финанс» (Петропавловск-Камчатский), КИТ Финанс (Комсомольск-на-Амуре), ООО «Атон» (Комсомольск-на-Амуре, Якутск) (таблица).

Таблица

Количество банков, предоставляющих брокерские услуги, и брокерских компаний в ДФО: основные социально-экономические показатели [2, 23]

Субъект Федерации	Количество банков, предоставляющих брокерские услуги, и брокерских компаний		Численность населения на 1 января 2012 г., тыс. чел.		Средне-душевые денежные доходы, мес./руб.	Реальные денежные доходы населения	Количество банков, предоставляющих брокерские услуги, и брокерских компаний на 1 тыс. населения
	Всего	Процент от количества действующих лицензий	Всего	Процент от общей численности населения			
Дальневосточный федеральный округ	83	12,43	6265,9	4,37	22870,0	22870	0,013
Республика Саха (Якутия)	13	1,95	955,8	0,67	25616,9	26096	0,014
Камчатский край	8	1,20	320,2	0,22	28964,9	28308	0,025
Приморский край	24	3,60	1950,5	1,36	19159,7	19423	0,012
Хабаровский край	20	2,99	1342,5	0,94	23766,2	22759	0,015
Амурская область	6	0,90	821,6	0,57	17789,7	19787	0,007
Магаданская область	4	0,60	154,5	0,11	30452,1	29402	0,026
Сахалинская область	2	0,30	495,4	0,35	32268,2	30805	0,004
Еврейская автономная область	4	0,60	174,4	0,12	16525,3	15760	0,023
Чукотский автономный округ	2	0,30	51,0	4,37	43049,4	46442	0,039

Важно также отметить, что брокерские компании сосредоточены в нескольких регионах Дальневосточного федерального округа, в первую очередь – в Хабаровском и Приморском краях, где отмечается наибольшая численность населения.

Благодаря государственному регулированию появляется возможность для формирования доверия на рынке брокерских услуг, а ключевым моментом при принятии решения о покупке услуги является уверенность в том, что высокие стандарты государственного регулирования и надзора позволят снизить риски. На рынке брокерских услуг важны высокая финансовая грамотность населения, позволяющая более эффективно использовать преимущества брокерских услуг и правильно управлять личным капиталом; надежная система образования; стимулирующая налоговая политика; либеральное законодательство; ответственная судебная система; пропорциональная коммуникационная деятельность, приводящая к укреплению доверия между партнерами; менталитет, позволяющий населению направлять свои усилия в сторону увеличения дохода.

К наиболее значимым рыночным факторам, позитивно влияющим на формирование и развитие рынка брокерских услуг, относятся: численность населения, уровень доходов населения, рыночная конъюнктура. По оценкам экспертов, активное вовлечение населения в операции с ценными бумагами становится возможным как за счет увеличения числа финансовых инструментов, доступных для инвесторов, так и за счет развития технологий финансовых операций [3, 8]. При этом эффективный рынок финансовых услуг характеризуется относительно равномерным участием на рынке экономических агентов, а необходимость обеспечения максимально широкого охвата населения финансовыми услугами получила название «финансовая инклюзивность» [3, 11].

При этом вопрос о доступности брокерских услуг в Дальневосточном регионе требует отдельного рассмотрения. Очевидно, что даже в Москве, с высоким уровнем развития рынка брокерских услуг, далеко не все домохозяйства или фирмы пользуются и желали бы воспользоваться брокерскими услугами, хотя последние, в принципе, для них доступны. В частности, технологическая готовность ниже у людей старшего поколения (старше 50 лет) и выше среди образованных людей. Кроме того, на добровольный отказ от брокерских услуг также оказывают влияние сложившиеся национальные традиции инвестирования и инвестиционные предпочтения населения, совместимость этих услуг с их религиозными принципами. Наряду с этим советское прошлое плановой экономики сформировало менталитет нашего населения, привыкшего задумываться над тем, как сэкономить, а не над тем, как направить свои усилия в сторону увеличения дохода. Более того, на сегодняшний день уровень финансовой грамотности населения страны не позволяет принимать решение об использовании брокерских услуг.

Понятие доступа к брокерским услугам является более широким, по сравнению с использованием, поскольку включает и ту часть населения, которая, имея возможность, тем не менее, не прибегает к этим услугам.

Измерение доступа к брокерским услугам представляет сложность, так как основывается на опросных данных.

В результате анализа специфики деятельности на рынке брокерских услуг мы пришли к выводу, что существуют противоречия:

– между темпами развития рынка брокерских услуг в Российской Федерации, всё возрастающим ассортиментом брокерских услуг и многообразием их производителей, с одной стороны, и доступом населения Дальневосточного федерального округа к брокерским услугам – с другой;

– между поддерживаемой государством системой страхования банковских вкладов, призванной защитить потребителей в случае банкротства банка, с одной стороны, и отсутствием таких механизмов на рынке брокерских услуг – с другой;

– между фундаментальной ролью коммуникаций брокерских компаний в формировании и развитии рынка брокерских услуг, с одной стороны, и недостаточной

разработанностью эффективных путей реализации потенциала коммуникаций с учетом специфики деятельности на данном рынке – с другой.

Цель проведенной нами экспертной оценки посредством анкетирования респондентов с выделением в фокус-группы заключалась в оценке доступа населения Дальневосточного федерального округа к брокерским услугам, а также целесообразности введения института специализированного консультационного сопровождения на рынке брокерских услуг.

Гипотеза экспертной оценки заключалась в предположении, что совокупность факторов, связанных с особенностями финансовых услуг и позитивно влияющих на формирование и развитие данного рынка, включает в себя государственное регулирование, направленное на развитие справедливой конкуренции на рынке финансовых услуг, уровень финансовой грамотности населения, коммуникации, уровень доходов. Наиболее важным фактором, способным обеспечить стабильное развитие рынка финансовых услуг в современных условиях, является коммуникационная деятельность.

В состав выборки были включены представители дальневосточных городов. Анкетирование проводилось посредством рассылки анкет на Internet форумы с вопросами и вариантами ответов.

Общее число опрошенных в результате анкетирования – 128 человек: из них 38 (30 %) – представители города Хабаровска, 28 (22 %) – города Владивостока, 22 (17 %) – города Комсомольска-на-Амуре, 23 (18 %) – города Петропавловска-Камчатского, 17 (13 %) – города Советская Гавань. В целях обеспечения чистоты результатов участие в исследовании являлось анонимным.

На первый вопрос, «какой способ инвестирования свободных средств Вы считаете предпочтительным для себя», было предложено восемь вариантов ответа:

- 1 банковский депозит;
- 2 вложение в недвижимость;
- 3 инвестиции в бизнес;
- 4 профессиональное доверительное управление, ПИФЫ;
- 5 работа на рынке FOREX;
- 6 вложение в ценные бумаги;
- 7 наличные рубли или валюта;
- 8 сейчас предпочитаю тратить, а не инвестировать.

По результатам опроса мы установили, что большинство жителей Дальневосточного федерального округа предпочтительным для себя способом инвестирования свободных средств видят банковский депозит. Некоторые определили предпочтительными для себя способы инвестирования свободных средств – покупку валюты и вложение в недвижимость, ряд – работа на рынке FOREX. Немногие из опрошенных посчитали, что наилучший способ инвестирования – это прямое инвестирование средств в ценные бумаги с использованием услуг брокеров. Однако были и такие респонденты, которые честно признались, что сейчас предпочитают тратить, а не инвестировать.

На вопрос, «если бы Вы решили инвестировать в течение ближайшего года, то начали бы с суммы», были предложены следующие варианты ответа:

- 1-10 тыс. руб.;
- 10-50 тыс. руб.;
- 50-100 тыс. руб.;
- более 100 тыс. руб.

Диагностика уровней возможного инвестирования респондентов в течение ближайшего года показала, что подавляющее большинство респондентов (80 %) готовы начать инвестирование с суммы 10-50 тыс. руб. Менее популярным оказался ответ, в котором опрашиваемые начали бы инвестировать с суммы более 100 тыс. руб.

Подавляющее большинство респондентов на вопрос, «знаете ли Вы о возможностях инвестирования на финансовом рынке», ответило утвердительно.

При этом на вопрос, «откуда Вы узнали о возможностях инвестирования на финансовом рынке», были предложены следующие варианты ответа:

- Internet;
- от знакомых;
- от сотрудника брокерской компании;
- телевидение.

Среди опрошенных преобладало признание, что их знание о возможностях инвестирования на финансовом рынке связано с их знакомыми. У некоторых такие знания ассоциировались с Internet. Ряд опрошенных соотносили знания об инвестиционном рынке с телевидением. Менее популярным оказался ответ, в котором знание о возможностях инвестирования на финансовом рынке связывали с сотрудниками брокерской компании.

На вопрос, «имеете ли Вы брокерский счет», подавляющее большинство респондентов ответило отрицательно.

При этом, отвечая на следующий вопрос анкеты, «испытываете ли Вы потребность в консультационном сопровождении специалиста на финансовом рынке», опрашиваемые ответили положительно.

Подавляющее большинство респондентов поддерживают консультационное сопровождение на рынке брокерских услуг, отмечая, что испытывают некоторые трудности при принятии решений на данном рынке. При этом введение института специализированного консультационного сопровождения рассматривается как положительный момент в развитии российского рынка брокерских услуг, что позволит консультантам работать с каждым клиентом персонально, учитывая его интересы, помогая осваивать различные способы поиска новых знаний и отвечая на конкретные вопросы.

На вопрос, «какие факторы препятствуют открытию Вами брокерского счета», были предложены следующие варианты ответа:

- отсутствие необходимой информации;
- отсутствие консультационного сопровождения;
- отсутствие доверия к брокерским компаниям;
- негативный опыт друзей и знакомых;
- узкий ассортимент финансовых инструментов;
- низкий уровень дохода;
- отсутствие брокерских компаний;

– отсутствие системы страхования, призванной защищать инвесторов в случаях банкротства брокерской компании и недобросовестного исполнения ею своих обязанностей.

Что касается основного фактора, препятствующего открытию респондентами брокерского счета, то мнения опрошенных разделились следующим образом. В качестве основного фактора отмечается отсутствие необходимой информации. Кроме того, согласно анкетам, в Дальневосточном федеральном округе «недостаточное количество брокерских компаний» или «брокерские компании отсутствуют»; 20 % респондентов из группы представителей города Хабаровска считают, что брокерские компании в городе отсутствуют, в то время, как 80 % респондентов данной группы придерживаются мнения, что рынок инвестиций в городе развит достаточно хорошо. Наблюдаемое расхождение мнения внутри фокус-групп может свидетельствовать о недостоверности результата ввиду отсутствия у опрошенных должного понимания или опыта. Следует отметить, что были респонденты, у которых ответ на этот вопрос вызвал затруднение.

Массовому распространению брокерских услуг в Дальневосточном федеральном округе, по мнению опрошенных, препятствуют такие факторы, как:

- отсутствие консультационного сопровождения – 21 %;
- отсутствие необходимой информации – 20 %;
- отсутствие брокерских компаний – 20 %;
- низкий уровень дохода – 12 %;

– отсутствие системы страхований, призванной защищать инвесторов в случаях банкротства брокерской компании и недобросовестного исполнения ею своих обязанностей – 10 %;

- низкий уровень доверия брокерским компаниям – 9 %;
- узкий ассортимент финансовых инструментов – 5 %;
- негативный опыт друзей и знакомых – 3 %.

Таким образом, можно предположить, что в сегменте фондового и срочного рынка может присутствовать некая неудовлетворенность участников биржевыми продуктами ММВБ-РТС.

На вопрос, «каким образом до Вас можно довести информацию о рынке брокерских услуг», были предложены варианты ответов:

- создать в сети Internet страницы, посвященные рынку брокерских услуг;
- использовать возможности Internet для размещения информации о брокерских компаниях;
- организовывать проведение периодических круглых столов в прямом эфире по вопросам работы на фондовом рынке;
- проводить он-лайн и очные консультации по тематике финансовой грамотности и личных финансов;
- проводить обучающие мероприятия по управлению личными финансами.

Среди опрошенных преобладало мнение о пользе проведения он-лайн и очных консультаций по тематике финансовой грамотности и личных финансов. Немногие из опрошенных считали, что следует организовывать проведение периодических «круглых столов» в прямом эфире по вопросам работы на фондовом рынке.

На следующий наш вопрос, «посещали ли Вы обучающие мероприятия по работе на фондовом рынке», большинство из них ответили утвердительно.

Таким образом, в ходе анкетирования, проведенного среди жителей Дальневосточного федерального округа относительно оценки текущего состояния рынка брокерских услуг в регионе, мы установили, что многие из респондентов имеют достаточно общие представления о данном рынке.

Итак, проведя исследование типичных потребителей инвестиционных услуг, их поведения, потребностей и установок, мы пришли к выводу, что Дальневосточный регион характеризуется низкой инвестиционной активностью населения вследствие невысокого уровня доходов и низкой финансовой компетентности населения, а также вследствие недостаточного числа брокерских компаний в регионе.

Результаты анкетного опроса респондентов убеждают в том, что население Дальневосточного региона негативно оценивает состояние рынка брокерских услуг на Дальнем Востоке Российской Федерации, и практически все опрошенные, независимо от предпочтений инвестирования, высказывали мнение о целесообразности развития рынка брокерских услуг в их регионе.

Эмпирические данные, полученные в ходе анкетного опроса, свидетельствуют о том, что для развития устойчивого, ответственного, прочного рынка брокерских услуг на Дальнем Востоке Российской Федерации с высокой степенью вовлеченности населения в операции с ценными бумагами необходимо увеличение общего уровня денежных доходов населения. Нужна дальнейшая работа с будущими инвесторами в акции (осуществляющими прямое инвестирование посредством брокеров) с целью актуализации их экономических знаний, активизации познавательной активности жителей данного региона, развития их финансовой компетентности.

Кроме этого, требуется расширение доступа всех слоев населения к брокерским услугам посредством увеличения ассортимента финансовых инструментов и развитие инфраструктуры рынка брокерских услуг на Дальнем Востоке Российской Федерации.

Третьяков М. М., Ивлев Г. С.

АНАЛИЗ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ РЫНКА БРОКЕРСКИХ УСЛУГ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что в Дальневосточном регионе добиться роста сбережений в финансовые активы, превышающего темпы роста доходов населения в случае стабильной рыночной конъюнктуры, позволят внедрение системы страхования, призванной защищать инвесторов в случаях банкротства брокерской компании и недобросовестного исполнения ею своих обязанностей, увеличение уровня денежных доходов населения и доступа к брокерским услугам, сокращая число тех, кто вынужден отказаться от их использования в силу недостаточной финансовой грамотности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Годовой отчет ФСФР 2011-2012 [Электронный ресурс] / Федеральная служба по финансовым рынкам. – М., 2013. – Режим доступа: http://ffms.ru/ru/about/activity_results/annual_reports/ais3/kod.html
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 [сборник]: Сб. ст. / Росстат. – М., 2012. – 990 с. – ISBN 978-5-89476-349-1.
3. Столбов, М. И. Финансовый рынок и экономический рост: контуры проблемы [Текст] / М. И. Столбов. – М.: Научная книга, 2008. – 208 с. – (Россия в мировой экономике). – ISBN 978-5-91393-007-1.
4. Бурдакова, Г. И. Организационный подход к сущности и управлению развитием муниципальных образований / Г. И. Бурдакова, В. В. Литовченко. – Фундаментальные исследования. – 2013. – № 9. – С. 1213-1222.

Несмачных О.В.
O.V. Nesmachnykh

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
КЛАСТЕРА НА ОСНОВЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА**

**ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM OF A CLUSTER'S ACTIVITY
WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PROJECT-BASED APPROACH**

Несмачных Ольга Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международные экономические отношения» Инженерно-экономического института, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет (Россия, Санкт-Петербург). 195257, г. Санкт-Петербург, Северный пр., 75, e-mail: olga-nesmachnykh@yandex.ru

Ms. Olga V. Nesmachnykh – PhD in Economics, Associate professor, Department of International Economic Relations, Institute for Engineering and Economics, St. Petersburg State Polytechnic; 75, Severny Ave., St. Petersburg, 195257, Russia. E-mail: olga-nesmachnykh@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные проблемы, возникающие при реализации стратегии кластерных инициатив, и предложен организационно-экономический механизм, позволяющий решить эти проблемы.

Summary. The paper considers the key problems arising during implementation of the strategy of cluster initiatives. An organizational and economic mechanism allowing to solve these problems is proposed.

Ключевые слова: кластер, эффективность, кластерная рента, инновационная рента, финансирование.

Keywords: cluster, efficiency, cluster rent, innovation rent, financing.

УДК 334.78

В Российской Федерации кластерная политика преимущественно носит проектный характер. Основная модель ведения бизнеса изменилась, и его теперь рассматривают как совокупность взаимосвязанных проектов. Для кластерных структур такой подход является наиболее актуальным, т.к. основными целями реализации кластерной стратегии является достижение конкурентных преимуществ всех участников кластера посредством осуществления инновационных проектов, кооперации, снижения издержек и реализации эффекта масштаба, поэтому кластер с точки зрения проектного подхода можно представить как цепь взаимосвязанных проектов. Этот подход удобен тем, что позволяет избежать некоторых противоречий, возникающих при формировании и функционировании кластера.

Основные цели формирования кластеров в регионах.

1. Повышение производительности предприятий и отраслей за счет:

- эффективной специализации и разделения труда между предприятиями;
- реализации эффекта масштаба, возникающего при объединении ресурсов и совместном их использовании;
- совершенствования взаимодействия между участниками кластера, оптимизации бизнес-процессов, логистических цепочек и, как результат, сокращения издержек;
- совершенствования инфраструктуры взаимодействия предприятий в регионе между собой и с государством.

2. Кластеры создают возможности для инновационного развития предприятий и региона:

Несмачных О. В.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КЛАСТЕРА НА ОСНОВЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА

- использование разнообразных источников финансирования для реализации инновационных проектов;
- использование венчурного капитала;
- создание возможности для безграничного и беспрепятственного обмена знаниями, технологиями, кадрами и т.д.;
- реализации возможности для коммерциализации инноваций и использования их в бизнесе.

3. Сочетание кооперации и конкуренции внутри кластера позволяет постоянно повышать конкурентоспособность кластера и отдельных его участников, что проявляется в достижении синергетического эффекта при формировании добавочного продукта или кластерной ренты.¹

Участниками кластера могут выступать предприятия малого и среднего бизнеса, крупные корпорации, финансовые институты, органы власти субъектов Федерации, отечественные и зарубежные инвесторы, университеты и исследовательские центры, а также крупные промышленные центры. Цели отдельных участников кластера весьма неоднородны, а критерии оценки эффективности работы кластера часто бывают прямопротивоположными. Так, например, несомненным, на первый взгляд, фактором эффективности кластера, как и любой экономической структуры, является уровень дохода предприятия, региона, среднедушевой доход и т.п. Но при более близком рассмотрении можно увидеть, что НИИ участвуют в кластерном образовании и продают свои разработки для внедрения промышленными предприятиями на рынок не столько ради повышения дохода, сколько ради самого внедрения. И для них важнейшим критерием эффективности участия в кластере является количество разработок, используемых на рынке.

Для государственной структуры (например, муниципального органа власти), который принимает участие в кластере и вкладывает бюджетные деньги в бизнес-инкубатор, критерием эффективности является количество предприятий малого бизнеса, сохранивших свое существование на рынке региона после выхода из бизнес-инкубатора. Также муниципалитеты заинтересованы в создании экономической базы для реализации стратегии повышения качества жизни населения, но сдерживаются отсутствием средств для развития инфраструктуры, привлекающей бизнес.

Инвесторы заинтересованы в использовании ресурсов региона, но сдерживаются отсутствием тех или иных элементов его инвестиционной привлекательности. Важнейшим критерием эффективности является максимизация дохода от реализации инвестиционных проектов.

Таким образом, первое противоречие при реализации стратегии кластерных инициатив – *при очевидности и неоспоримости преимуществ создания кластера, цели участников кластера различны вплоть до противоположности.*

Вторая проблема возникает на этапе распределения прибыли между участниками кластера. Теоретически, основным источником сверхприбыли, возникающей в кластере, является его инновационная деятельность. Объединение ресурсов, создание и развитие инновационной инфраструктуры, обмен знаниями с исследовательскими и научными центрами позволяет вокруг промышленного предприятия (ядра кластера) сформировать высокотехнологичные предприятия и специализированные организации, обладающие набором компетенций, в ориентированной на клиентов коммерциализации инноваций.

Формирование добавочного продукта в процессе коммерциализации инноваций происходит неравномерно и сопряжено с высоким уровнем риска. В научной литературе

---

¹ Белокопская Е.Г. предлагает термин «кластерная рента» для описания механизма формирования добавочного продукта в кластере [1].

такой добавочный продукт называют инновационной (интеллектуальной) рентой – это сверхприбыль, получаемая при использовании воспроизводимых ресурсов, интеллектуальных факторов производства и интеллектуального капитала [2]. Инновационная рента характеризует феномен инновационной экономики, когда основным фактором производства становятся инновации (рис. 1). Распределение инновационной ренты происходит неравномерно. Так, например, производственное предприятие выкупает патент на производство инновации у исследовательского центра за n руб. После прохождения всего инновационного цикла в случае, если инновация приживется на рынке, то производитель получит стабильный доход в $5000n$ руб. При этом другие звенья инновационного процесса, привлеченные на основе аутсорсинга, получают разовую оплату оказанных услуг.

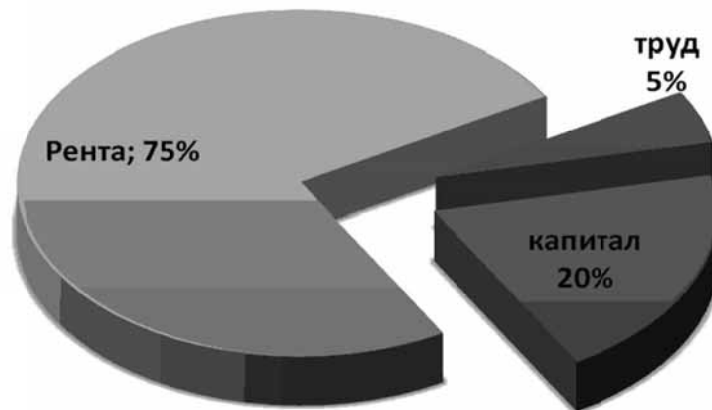

Рис. 1. Формирование доходов на основе основных факторов производства в инновационном кластере

Поэтому второе противоречие – *при сверхприбыли, формируемой в результате работы кластера на основе инновационного процесса, ее распределение между участниками кластера неравномерно.*

Третья проблема кроется в оценке результативности действия кластера. Оценить его работу можно с позиции двух подходов. Первый подход представляет собой оценку результативности кластера как единой системы. Его участники объединяют ресурсы, взаимодействуют, оптимизируют бизнес-процессы, снижают издержки, обеспечивают непрерывность инновационного процесса и т.д., и в результате общей совместной деятельности возникает сверхприбыль – общая прибыль кластера, которая намного выше, чем прибыль его отдельных участников до объединения.

С точки зрения второго подхода, кластер не является юридически единой целостной структурой, кроме того, внутри него сохраняются конкурентные отношения, поэтому оценивать его общую деятельность некорректно. Для оценки результативности кластера необходимо оценить прирост доходов, стоимости, достижения целей его отдельных участников.

Третье противоречие – *несмотря на то, что участники кластера действуют как единая структура, оценивать работу интегрированного объединения следует с точки зрения результативности деятельности каждого отдельного участника.*

Использование проектного подхода позволяет избежать конфликта целей участников проектов, т.к. оценке подвергаются два уровня целей: первый уровень – стандартные критерии отбора инвестиционных проектов (доходность и риск), второй уровень – значимость проекта. Не будем забывать, что кластер – социально-экономическая структура и нередко приходится осуществлять проекты, которые являются нерентабельными, но при этом социально значимыми.

Несмачных О. В.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КЛАСТЕРА НА ОСНОВЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА

Кроме того, проектный подход позволяет избежать проблем оценки эффективности кластера, т.к. оценка эффективности отдельных инвестиционных проектов не представляет сложности. Распределение кластерной ренты между участниками кластера предлагается осуществлять по вкладу или доли участия в каждом инвестиционном проекте. По тому же принципу необходимо оценивать эффективность участников кластера.

Проектный подход заключается в рассмотрении всей структуры кластера как совокупности проектов. Выстраивание проектов соответственно целям участников, отбор наиболее значимых из них, анализ инвестиционной привлекательности и срочности проектов является основой деятельности кластера. Осуществление стратегии базируется на реализации ряда стратегических инициатив и контроле их результата.

Организационно-экономический механизм проектного управления кластера состоит в координации действий всех его участников, направленных на достижение целей объединения (рис. 2).

Центральным звеном кластера является координационный совет, который выступает координатором действий государства, муниципалитетов, логистическо-сбытовых организаций, производственных объединений, банков и других организаций, заинтересованных в развитии кластера.

Управляющая компания – региональный институт развития и оператор всей программы формирования и развития территориально-промышленного кластера. Она является разработчиком стратегии развития кластера, формулирует цели и задачи объединения, предлагает программы и проекты, а также обеспечивает финансирование этих проектов на основе приоритетов социальных, экономических или стратегических факторов развития кластера. Уставный капитал управляющей компании должен формироваться в таком объеме и с таким распределением долей участников, чтобы иметь возможность аккумулировать средства федеральных институтов развития, областного правительства, крупных промышленных центров и других участников кластера, предполагаемых институциональных целевых инвесторов. Вместе с тем ресурсному центру должны быть доступны все инструменты финансирования формирования и развития кластера.

Управляющая компания заказывает разработку проектов у проектных компаний, которые осуществляют подготовку бизнес-планов и технико-экономических обоснований. Далее управляющая компания осуществляет утверждение условий проектов в Координационном совете, а через него принятие решений о реализации проектов в органах власти, обеспечивает поиск инвесторов и источников финансирования, основываясь на приоритетах стратегических и социально-экономических факторов.

Финансирование осуществляется в виде грантов, исходящих от Минобрнауки, РАН и т.п. На финансовую поддержку программ вузов в 2006-2010 гг. было выделено 30 млрд руб. (Постановление Правительства РФ «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования»), 29 университетам был присвоен статус национальных исследовательских университетов. Важную роль играет Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Постановление Правительства РФ от 3.02.1994 № 65). ОАО «Российская венчурная компания» является крупным инвестором во многих инновационных проектах.

Рис. 2. Организационно-экономический механизм функционирования кластера на основе проектного подхода

Предложенный организационно-экономический механизм функционирования кластера позволяет централизованно привлекать и распределять финансовые ресурсы кластера. Благодаря проектному финансированию нивелируются важнейшие противоречия и проблемы, возникающие при формировании и функционировании кластера. Распределение прибыли также происходит согласно вкладу каждого участника в проект, что позволяет избежать конфликтов. Оценку эффективности работы кластера можно провести, сравнивая прирост доходов каждого контрагента до и после образования кластера.

Несмачных О. В.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КЛАСТЕРА НА ОСНОВЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоконская, Е. Г. Финансовый механизм формирования и функционирования промышленно-территориального кластера: автореф. дис. ...канд. экон. наук: 08.00.10 / Е. Г. Белоконская. – Иваново, 2012. – 23 с.
2. Назарычева, Т. М. Инновационная рента: сущность, виды, механизм формирования и распределения в инновационной экономике / Т. М. Назарычева // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. – 2013. – № 1.
3. Несмачных, О. В. Формирование синергетического эффекта в экономическом кластере на основе закона возрастающей отдачи / О. В. Несмачных, В. В. Литовченко // Фундаментальные исследования. – 2013. – 6 (ч. 5). – С. 1210-1219.

Листопадова Е. В.
E. V. Listopadova

СИСТЕМА МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ РЕСУРС: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

A QUALITY MANAGEMENT SYSTEM AS AN EFFECTIVE MANAGEMENT RE- SOURCE: ORGANIZATIONAL AND PSYCHOSOCIAL ASPECTS

Листопадова Евгения Вячеславовна – старший преподаватель кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); 680022, г. Хабаровск, ул. Большая, 87-в, кв. 6; 8(914)190-11-75. E-mail: jeinlist@rambler.ru

Ms. Eugenia V. Listopadova – Senior Lecturer, Department of Criminal Law, the Far Eastern State Transport University; 87, Bolshaya Str., ap. 6, city of Khabarovsk, 680022, Russia. E-mail: jeinlist@rambler.ru .

Аннотация. В статье представлена общая характеристика системы менеджмента качества (СМК). Определены основные цели, задачи и принципы СМК. Автор рассматривает достоинства и недостатки данного управленческого ресурса. Особое внимание уделено социально-психологическим проблемам, возникающим в ходе внедрения и реализации СМК.

Summary. The paper represents a general overview of a Quality Management System (QMS). Its key goals, tasks and principles of work are specified. The author examines the strengths and weaknesses of this management resource. A special emphasis is placed on the social and psychosocial problems emerging in the process of QMS implementation and operation.

Ключевые слова: система менеджмента качества, управление, организация, качество деятельности.

Keywords: quality management system, management, control, organization, industry quality.

УДК 658.562:005.6

В последнее время в России все больше организаций создают и сертифицируют СМК на соответствие требованиям международным стандартам качества, в частности стандартам серии ISO 9001:2008. Каждое предприятие должно иметь СМК для того, чтобы быть эффективным и востребованным. Под СМК понимается определенная система управления организацией применительно к качеству, как ее деятельности в целом, так и продукции в частности. Чтобы официально начать внедрение СМК организации необходимо получить сертификат. Сертификат соответствия СМК признается во всем мире, поскольку является свидетельством высоких технологических возможностей компании и соответствия требованиям современного уровня научно-технического прогресса.

Сегодня СМК становится эффективным инструментом оптимизации деятельности организации.

Процесс внедрения СМК является добровольным, но в условиях повышенных требований к уровню управляемости, ответственности организации, качеству ее продукции и услуг в целях повышения конкурентоспособности компании все чаще обращаются в сертификационные органы за получением сертификата соответствия СМК. Организация, не прошедшая сертификацию, оказывается на «периферии бизнес-пространства».

В этой связи в настоящее время СМК, которая может стать мощным инструментом непрерывного совершенствования деятельности предприятия и источником повышения качества товаров и услуг, а также позволит организации повысить благосостояние ее сотрудников, является не просто желанием руководства компании изменить положение в лучшую сторону, а насущной необходимостью. Она превратилась из элемента конкурентного преимущества предприятия в обязательный фактор его существования на рынке. СМК основывается «на процессном подходе к управлению, что позволяет добиваться постоянного совершенствования процесса подготовки высококвалифицированных специалистов, достигать современного уровня их знаний посредством обеспечения качества самого образовательного процесса, а также более эффективно использовать имеющийся кадровый, материально-технический, информационный и финансовый потенциал образовательного учреждения» [3, 3].

Требования к СМК содержатся в международных стандартах, серии ИСО 9000, в основе которых заложены основные принципы качества. К ним относятся:

1. Лидерство руководства (руководство должно на собственном примере демонстрировать приверженность СМК, четко определять перспективы, цели, обеспечивать среду, в которой коллектив может быть полностью вовлечен в достижение целей организации).

2. Ориентация на потребителей (организация должна руководствоваться интересами и потребностями своих потребителей, предугадывать их запросы, ориентироваться на динамику их требований).

3. Вовлечение персонала (работники всех уровней составляют основу организации, поэтому должны быть вовлечены в работу организации, что позволяет в полной мере использовать их способности, так как от заинтересованности работников в своей деятельности, а также в деятельности организации зависит благосостояние предприятия).

4. Процессный подход (вся деятельность предприятия разбита на процессы, что позволяет более эффективно достигать желаемого результата).

5. Системный подход к управлению (понимание взаимосвязанных процессов как системы позволяет организации достигать поставленные цели).

6. Постоянное улучшение (поиск и устранение проблем, критический анализ очередного этапа развития, постоянное улучшение деятельности является целью любой организации).

7. Метод принятия решений, основанный на фактах (все данные собираются и анализируются, решения принимаются на основе обобщения полученного материала, фактического анализа, фиксируется результат).

8. Взаимовыгодное сотрудничество с поставщиками, основанное не только на возможности скорейшего извлечения выгоды, но и на взаимной ответственности и доверии.

Данные принципы были определены для того, чтобы управленческие структуры могли руководствоваться ими с целью улучшения деятельности организации. Соблюдение этих принципов является обязательным для эффективного функционирования СМК [2].

Первоначально СМК использовалась только в промышленности, однако в настоящее время стандарты менеджмента качества находят свое применение и в сфере предоставления услуг.

Качество становится стратегией не только производственных организаций. Образовательные учреждения все чаще сталкиваются с необходимостью применения эффективных инструментов управления в целях повышения конкурентоспособности, что в первую очередь связано с качеством предоставляемых образовательных услуг.

«В современных условиях хозяйствования качество образовательных услуг и выпускаемых специалистов, предоставляемых образовательными организациями в целом и вузами в частности, является основным фактором, способствующим повышению их конкурентоспособности. Внедрение СМК в организации, в частности в высшем учебном заведении, позволяет сделать прозрачными и управляемыми все процессы деятельности вуза, а также при-

влечь персонал и студентов к процессу постоянного улучшения качества образовательных услуг» [3, 39-40].

Так как процесс построения СМК охватывает всю систему взаимоотношений в организации, то он обладает четко выраженным социально-психологическим и управленческим контекстом. Уже в самих стандартах СМК содержится социально-психологическая составляющая, которая включает в себя: развитие лидерских качеств на различных уровнях управления; создание среды, которая была бы ориентирована на мотивацию сотрудников к участию в системе управления, а также на постоянное улучшение деятельности организации; расширение практики коллективного принятия решений по управлению организацией; формирование благоприятного психологического климата в коллективе, а также совместная работа руководства и сотрудников организации по выявлению недочетов в работе, определению их причин и путей совместного преодоления возникающих трудностей; укрепление доверия к организации, как у сотрудников, так и у клиентов; создание системы результативных связей, которые включают в себя развитие обратной связи в процессе осуществления управленческих функций, а также двусторонние консультации сотрудников и руководства организации по вопросам управления.

Социально-психологическая составляющая СМК чрезвычайно важна. При условии, что организация будет учитывать значительное влияние данной составляющей, она сможет выявлять и предотвращать проблемные ситуации, возникающие в ходе ее функционирования.

Процесс внедрения СМК в высших учебных заведениях проходит достаточно медленно, так как внедрение стандартов ISO – процесс весьма трудоемкий и длительный. Кроме того, важно правильно понимать суть принципов, методических и организационных подходов, заключенных в стандартах, и, главное, умело применять их на практике.

При внедрении СМК приходится сталкиваться с определенными трудностями. Большинство проблем, возникающих в связи с внедрением СМК, являются психологическими, так как первичным объектом управления качеством, с которыми имеют дело руководители, являются действия людей. Это – сопротивление со стороны персонала; отсутствие понимания целесообразности построения СМК; проблемы коммуникационного плана; занижение самооценки; неприятие дополнительных нагрузок; боязнь ответственности и выявления несоответствия у руководства.

Трудности возникают на всех уровнях внедрения СМК, и обозначить все существующие проблемы, которые появляются при внедрении СМК, невозможно. Поэтому рассмотрим некоторые из них.

Формальное внедрение СМК. СМК воспринимается как принятие определенных документов, а не стратегический план по постоянному улучшению деятельности. И поэтому формальное принятие документов СМК не ведет к улучшению всех сфер деятельности организации.

Ожидание результатов в кратчайшие сроки. Однако следует понимать, что СМК направлена на постепенное, поступательное преобразование деятельности как организации в целом, так и ее отдельных структурных единиц.

Руководители не готовы делегировать ответственность и полномочия подчиненным. Они отказываются привлекать подчиненных к управлению организацией.

Сотрудники не понимают целей внедрения СМК. Они не хотят брать на себя ответственность и дополнительные функции. Ведь дополнительная работа зачастую не оплачивается или оплачивается по минимуму. Кроме того, персонал не желает тратить время на дополнительное обучение, так как не видит в этом никакой пользы и считает его формальным мероприятием.

Излишняя документированность. Появляется огромное количество различных документов, которые вызывают массу затруднений в их понимании сотрудниками. Создатели уделяют внимание процессу разработки документов, а не работникам организации, которым по этим документам в дальнейшем придется работать. И это усиливает их ощущение непри-

Листопадова Е. В.

**СИСТЕМА МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ РЕСУРС:
ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

частности к процессу разработки. Из-за нежелания работать в соответствии с требованиями, которые отражены в данных документах, регулярно возникает необходимость в изменении, упрощении или дополнении данных документов.

При выявлении недостатков зачастую продолжают искать виновных и устранять последствия вместо того, чтобы искать причины и пути решения.

Это только небольшая часть проблем, которые возникают при внедрении СМК.

Однако в целом следует отметить, что СМК обладает несомненными достоинствами.

Она помогает:

- повысить конкурентоспособность организации;
- повысить качество предоставляемых услуг;
- улучшить управляемость организацией;
- улучшить документооборот;
- вовлечь всех сотрудников в деятельность организации, используя в полной мере их потенциал.

Очевидно, что следует внимательно изучать содержание, специфику СМК в организациях различного рода деятельности, поскольку в зависимости от сферы общественной жизни, в которой действует организация, могут видоизменяться формы и методы СМК. Не следует видеть в СМК панацею от всех проблем, это лишь один из управленческих ресурсов, который необходимо умело и своевременно использовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкова, Е. А. Коммуникативные проблемные ситуации как основа актуализации социально-психологического содержания системы менеджмента качества: автореф. дис. ... канд. псих. наук / Е. А. Белкова. – Ярославль, 2011.
2. ГОСТ Р ИСО 9001-2008. Системы менеджмента качества. Требования. – М.: Стандартинформ, 2009. – 30 с.
3. Злобин, Э. В. Управление качеством в образовательной организации / Э. В. Злобин, С. В. Мищенко, Б. И. Герасимов. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. – 88 с.
4. Яковлева, Т. А. Качество образования с позиции формирования инновационной модели российской экономики / Т. А. Яковлева // Совершенствование качества профессионального образования в современных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Владивосток: Изд-во «Уссури», 2007. – С. 111-117.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Егурнова А. А.
A. A. Egurnova

АНДРЕЕВ В. И. ТАЛГЕНИЗМ (ТАЛАНТЫ И ГЕНИИ). ФОРМУЛА УСПЕХА: ЧЕСТНОСТЬ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ. ОПИСАНИЕ ОБУЧАЮЩЕЙСЯ ОРГАНИЗАЦИИ. – СПб.: ДРЕВО ЖИЗНИ, 2012. – 128 с.

ANDREEV V.I. TALGENISM (TALENTS AND GENIUSES). FORMULA FOR SUCCESS: HONESTY AND COMPETENCE. A REVIEW OF A SELF-LEARNING ORGANIZATION. – ST.-PETERSBURG, DREVO ZHIZNY PUBLISHING, 2012)

В 2012 г. вышла в свет книга талантливого ученого и практика Владимира Ивановича Андреева «Талгенизм (таланты и гении)». В его школе «Обучение в диалоге. Экстерн», основанной в 1988 г. (г. Санкт-Петербург), организована система повышения профессиональной квалификации учителей по данной методике.

Термин «талгенизм», который является сокращением двух слов: таланты и гении, придуман А. Г. Ривиним как альтернативное название разработанного и апробированного им в 1918 г. метода «социалога» или «оргдиалога», позволившего повысить интеллектуальный уровень его учеников.

Данная методика основана на идеях коллективного способа обучения, работе в «парах сменного состава». Непосредственно сам процесс обучения протекает следующим образом (на примере надпредметной школьной программы «Чтение»): два ученика (№ 1 и № 2) сначала вместе читают абзац текста ученика № 1, затем ученик № 2 конспектирует его для № 1, они вместе дают название и предполагают, о чем пойдет речь в следующем абзаце; такая же процедура происходит с абзацем ученика № 2, после чего № 1 и № 2 выбирают других партнеров (№ 3 и № 4), с которыми работают в паре по той же схеме и т.д. Одна пара работает в среднем около 15 мин. Таким образом, по мнению В. И. Андреева, учащиеся имеют возможность узнать разные точки зрения на одну и ту же проблему, а также развивают учебные способности (умение учиться), умение работать с текстом, способность общаться, умение высказывать своё мнение и такие личностные качества, как доброта и толерантность.

В принципе, такого же эффекта можно достичь работой в парах и групповой дискуссией, т.е. привычными формами работы, применяемыми в обычном образовательном учреждении. Более того, работа по данной методике, как и по традиционной в школе, может сойти на нет при отсутствии активности со стороны учащихся, что отмечает и сам автор книги в параграфе 1.5 «Работа над ошибками».

Тем не менее Владимир Иванович открыто пишет о проблемах, возникавших при введении методики, во время работы по ней, и накопленном личном опыте и опыте своих коллег. Наиболее интересным в данном случае, на наш взгляд, является опыт внедрения принципа разновозрастности в процесс обучения учеников среднего звена, 7, 8 и 9-х классов. Разногласия на почве возрастного неравенства, оскорбительное, деспотичное отношение старшеклассников к младшим в процессе совместной работы впоследствии привело к переоценке интеллектуальных способностей, преодолению неприязни и даже появлению уважения.

Несомненным преимуществом применения методики талгенизма является и тот факт, что школа «Обучение в диалоге. Экстерн» на сегодняшний день представляет собой learning organization (обучающуюся организацию). Этим термином обозначается организация, которая особым образом относится к знаниям и опыту своих сотрудников, где происходит обучение и управление знаниями. Это обусловлено пониманием необходимости возрастания роли интеллектуального капитала организации.

На семинарах для учителей создается единая научно-культурная среда, которая позволяет ликвидировать дефицит профессионального общения. Библиография читаемых книг чрезвычайно разнообразна: от педагогической литературы до серьезных философских трудов

Егурнова А. А.

АНДРЕЕВ В. И. ТОЛГЕНИЗМ - ТАЛАНТЫ И ГЕНИИ. ФОРМУЛА УСПЕХА: ЧЕСТНОСТЬ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ. ОПИСАНИЕ ОБУЧАЮЩЕЙСЯ ОРГАНИЗАЦИИ. - СПБ.: ДРЕВО ЖИЗНИ, 2012 - 128 С.

Канта, Шопенгауэра, Декарта и др. Развиваются интерес к серьезной литературе, интеллект, уважение к себе, умение выразить свои мысли, слушать и слышать другого человека, видеть текст, понимать слово. Безусловно, все это положительно отражается на качестве преподавания.

Многолетняя плодотворная работа по методике А. Г. Ривина позволила В. И. Андрееву выстроить учебный процесс на отличных от принятых в классно-урочной системе основаниях, а именно:

- разноуровневое и разновозрастное обучение;
- индивидуальный темп изучения материала;
- воспитание в ходе учебы самостоятельного, ответственного ученика;
- изучение предметов по выбору (в том числе возможность выбора преподавателя).

Венцом плодотворной и успешной работы В. И. Андреева стало еще одно достижение – в 2012 г. применяемая в школе методика толгенизма победила в районном конкурсе «Лучший инновационный продукт».

Шунейко А. А.
Shuneyko A. A.

СЕРЕБРЯНАЯ И. Б. ФОНЕТИКО-ОРФОЭПИЧЕСКИЕ И АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ В РУССКОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1-Й ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА. МОНОГРАФИЯ. – КАЗАНЬ: ОТЕЧЕСТВО, 2013. – 142 С. – 500 ЭКЗ.

SEREBRYANAYA I. B. FONETIC, ORTHOEPIC AND ACCENTOLOGIC EVALUATIONS IN THE RUSSIAN LITERARY CRITICISM OF THE FIRST HALF OF XIX C. – KAZAN: OTECHESTVO PUBLISHERS, 2013

Вопросы статуса и становления норм русского литературного языка до сих пор остаются достаточно дискуссионными. Одни ученые считают норму исключительно искусственным образованием, навязанным естественному языку. Другие воспринимают её как органический результат языкового развития. Только обратившись к конкретным языковым явлениям, мы можем выяснить, чего в реальной литературной норме больше: жесткого теоретического лингвистического вмешательства, которое, строго говоря, может и не считаться с речевой практикой, или отражения живых языковых процессов.

В этом отношении исследование И. Б. Серебряной очень актуально. Автором собран достаточно большой материал, который фактически показывает, каким образом те или иные языковые явления оценивались критиками в начале XIX в. Этот материал интересен в двух аспектах. Во-первых, он служит базой для создания реальной картины становления нормы. Во-вторых, он показывает развитие литературных вкусов, пристрастий и самого языка художественной литературы в целом, динамику освоения им тех или иных языковых приемов. Такой двойкой направленностью, с одной стороны, на историю литературного языка, а с другой – на историю языка художественной литературы, книга, в первую очередь, и интересна.

Нормы русского литературного языка достаточно тесно связаны с развитием языка художественной литературы, поэтому двунаправленный акцент исследовательских интересов задан самой логикой языкового развития. Замечательно, что взаимодействие воспринимается автором не механистически и рассматривается достаточно органически. Оценки критиков включаются в контекст нормативных рекомендаций своего времени, риторических наставлений и факторов исторической обусловленности того или иного языкового явления. Одно из основных достоинств книги состоит именно в том, что автор, не декларируя этого специально, предложил замечательную взвешенную и продуктивную модель рассмотрения оценки языковой критики. Интересная сама по себе, как факт развития языка и языкового вкуса, она помещается в перекрестье двух линий: лингвистической традиции в плане теории и диахронии речевых форм. Взгляд теоретика или практика и внутренняя логика развития языка совмещаются.

В совокупности это позволяет дать новое восприятие оценки того явления, которое она обозначает, и восприятие того и другого носителями языка. Благодаря этому в книге реализуется сейчас частично утраченный очень продуктивный подход, свойственный ряду отечественных филологов XX в. (В. В. Виноградову, Г. О. Винокуру, В. Д. Левину и др.), при котором реальное языковое явление анализируется с учетом носителя языка, того человека, который так или иначе зафиксировал свое отношение к этому явлению. Актуальная для сегодняшнего дня антропоцентрическая ориентированность лингвистики предстает в книге в её классическом варианте, когда речь идет не об абстрактном говорящем как о коммуникативной категории, столь же иллюзорной, как и любая языковая единица, а о конкретном лице – П. А. Вяземском, Н. И. Грече, И. И. Дмитриеве, Н. М. Карамзине, А. С. Пушкине и др.

Следствием этого становится то, что в книге раскрывается полемическая суть (природа) бытования различных языковых фактов: они представлены как продуктивный предмет дискуссии между сторонниками и противниками их функциональной природы, благодаря

Шунейко А. А.

СЕРЕБРЯНАЯ И. Б. ФОНЕТИКО-ОФРОЭПИЧЕСКИЕ И АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ В РУССКОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1-Й ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА. МОНОГРАФИЯ. – КАЗАНЬ: «ОТЕЧЕСТВО», 2013. – 142 С.

этому воспринимаются как коммуникативное явление, т.е. не застывшая текстовая форма, а живое явление в прагматическом аспекте.

Внимание автора к прагматике также является несомненным достоинством книги. Оно представлено по-разному, но в первую очередь в интересе к функциональной природе анализируемых явлений. Автор на конкретных примерах показывает нам становление функционального подхода к анализу единиц речи, демонстрирует, как догматические оценки, ориентированные на риторический канон, постепенно уступают место более взвешенным оценкам, исходной точкой которых является уже не следование образцу или правилу, а категория (соображения) уместности или оправданности того или иного явления в рамках того или иного контекста.

Смену декларативно канонической оценки на мотивированно функциональную оценку без преувеличения можно сравнить с филологической революцией, поскольку за ними стоят принципиально различные взгляды и на природу языка, и на природу художественного творчества, и на художественный мир в целом. За ними же стоят различные типы восприятия координации между носителем языка и самим языком. Книга убедительно повествует об этой тихой филологической революции, битвы которой разворачивались на журнальных страницах.

Собранный в книге материал является образцом заинтересованного отношения к языку. Оценки позволяют увидеть, как и насколько почти за два столетия изменилось восприятие языковых фактов и в чем оно осталось прежним.

Книга содержит массу любопытных выводов. Вот некоторые из них. Литераторы первой половины XIX в. были убеждены, что звуковая составляющая текста имеет существенное значение для достижения подлинной художественности. При оценке критики руководствовались тремя основными критериями: эстетическим, функционально-стилистическим и нормативно-ортологическим; «при этом наиболее значимыми для рецензентов оказывались следующие моменты: а) эстетическая согласованность звучания с требованиями эвфонии; б) звуковая выразительность литературного творения; в) художественная оправданность традиционно-поэтических элементов, имеющих фонетическую природу; г) соответствие языка литературного произведения орфоэпическим нормам; д) соблюдение авторами орфографической правильности без оглядки на произношение» (с. 111-112). Высказывания об ударении свидетельствуют о том, что в поле зрения критиков попадали наиболее сложные и актуальные для того времени акцентологические проблемы. Оценки ударения отражают два противоположных взгляда на поэзию: стремление видеть в поэтическом языке отражение живой разговорной практики и желание наблюдать в нём сохранение традиций старой школы классицизма.

И даже то, что автор в некоторых случаях излишне буквально воспринимает слова критиков, не портит повествования, потому что это принципиально не влияет на итог, в котором художественная стихия и критическая практика подвергнуты корректному лингвистическому анализу.

Книга, несомненно, будет интересна не только критикам, которым есть чему поучиться у своих предшественников, но и современным исследователям критики, а также филологам широкого профиля и всем интересующимся историей русского языка и литературы. Залогом этого интереса является то, что достоверно проанализированные в ней языковые явления объединены заинтересованным вниманием вдумчивого исследователя и представлены с возможной полнотой, учитывающей различные аспекты функциональной природы художественной речи.

Н. Ю. Костюрина
N. Yu. Kostyurina

М. С. УВАРОВ «ТРЕТЬЯ ПРИРОДА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ». – СПБ.: ИЗД-ВО С.-ПЕТЕРЬ. УН-ТА, 2012. – 252 С.

M.S.UVAROV, «TRETJA PRIRODA: RAZMYSHLENIYA O KULTURE I CIVILIZACII».- SPB.: IZD-VO S.-PETERB. UN-TA, 2012. – 252 S. (The Third Nature: Reflections upon Culture and Civilization. – St.-Petersburg University Press, 2012)

Монография Михаила Семеновича Уварова, доктора философских наук, профессора кафедры философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета, посвящена (как следует из аннотации) анализу «актуальных тенденций изучения современной культуры и цивилизации», осмыслению проблем, связанных с развитием современной цивилизации, перспектив и предпосылок ее трансформаций, т.е. актуальному, но, в целом, привычному уже кругу вопросов, что подготавливает нас к столь же традиционному алгоритму исследовательского поиска в проблемном поле между культурой и цивилизацией и в категориях постшпенглеровской культурологии.

Читателя, знакомого с работами М. С. Уварова, структура книги, включающая главы «Постмодернизм и культура», «Русский коммунизм как постмодернизм», «Ежик в тумане, или Похороны Винни-Пуха», «Русская философия искусства», отсылает к ряду известных монографий и статей автора (см. прим. 1).

Однако первое впечатление от издания, представляющегося текстом, обобщающим исследования разных лет, парадоксальным образом разрушается автором уже на первых страницах. Даже безобидный термин «третья природа», фиксирующий, как правило, представления о социокультурной либо виртуальной реальности, вдруг оказывается означаемым мира культуры, «особой внеположенной человеку реальности»; виртуальная же реальность в этой новой системе координат подводит нас к идее «четвертой природы», коррелирующей в определенном смысле с концепцией «постчеловеческой реальности» (с. 5).

Признание за культурой «относительно независимого статуса», своих собственных законов развития, необходимости опоры на особую методологию в ходе ее анализа (заметим, все еще достаточно редкое для философского дискурса) оказывается важнейшим для авторской концепции в целом.

Современная культурная ситуация тематизируется М. С. Уваровым как «глобальный кризис пространства духовного опыта» (с. 6), кризис «традиционного проекта человеческого существования» (с. 18), кризис «постмодернистической идеи» (с. 125), кризис идеи светского гуманизма (с. 184), кризис гуманитарного знания о человеке и философского мышления в целом (с. 24). Собственно, весь текст выстраивается как последовательный анализ форм и причин этого кризиса, учет его последствий, поиск возможного выхода.

Первая часть «Культура и коммуникация» открывается темой «Языки философии в эпоху глобализации», анализом современных задач философии, ее роли в качестве «медиума» между богословием, филологией, психологией, искусством, медициной и т.д., что предполагает открытость к различным языкам коммуникации.

Автором рассматриваются коммуникативный, антропологический, метафизический и «виртуальный» элементы «третьей природы», но очевидно, что антропологический ракурс задает ключ к пониманию всей философско-культурологической концепции, ставит в центр внимания проблему специфики человеческого бытия.

Главный вопрос – как возможно существование человека в современном мире? Что приходит на смену утраченным ценностным ориентирам – «парадоксальные формы обновленного религиозного сознания», установка на самостоятельность человека в мире, поиск понятных моральных ценностей прошлого или что-то иное?

Костюрина Н. Ю.

М. С. УВАРОВ «ТРЕТЬЯ ПРИРОДА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ». – СПб.: ИЗД-ВО С.-ПЕТЕРБ. УН-ТА, 2012. – 252 С.

Проблема деструктивности современного человека рассмотрена в контексте развернутого историко-культурного анализа от руссоистского призыва к естественности до концепций критики культуры рубежа веков с характерным противопоставлением «ужасов естественных желаний человека» и страданий, причиняемых человеку нормами современной цивилизации; от «крушения витальности», отчуждения западноевропейской культуры от жизненных истоков до проблемы массового человека XX столетия.

Автор задает уровень анализа, принципиально далекий от современных исследовательских практик, сводящихся зачастую к механическому суммированию разрозненных знаний или к выводам на основе количественных измерений, видя «подлинное назначение философии в исследовании природы человека [...] в принципиальном непроставлении всех точек над «і», в чутком реагировании на культурно-философские интонации «возможного» (с. 20).

Вторая часть «Третья природа» и постмодернизм» – это исследование предпосылок становления постмодернистской цивилизации и ее преодоления, даже, видимо, трансформации постмодернистской культуры в постмодернистскую цивилизацию. В аксиологическом аспекте постмодернизм осмысливается как антиглобалистский проект, парадоксально родственной «русскому коммунизму». Авторское прочтение «текста постсовременности» включает и анализ условий появления тоталитарных режимов, и анализ способов восприятия нашей собственной истории. Современная отечественная посткоммунистическая идеология характеризуется через диссонирующий синтез разных форм ценностных ориентаций, причем «сочетание несочетаемого становится фактом, а стирание границ происходит как никогда раньше в истории незаметно и неизбежно».

Третья часть книги «Интеллигенция: семиотика повседневного» посвящена анализу типа русского человека, главное содержание жизни которого – идея служения: обществу (если речь идет об интеллигенции), науке (если речь идет об ученом), мученике (если анализируется религиозная/православная традиция). Образы сподвижника или мученика одинаково связаны с идеей страдания и исповеди, а «философский аспект проблемы мученичества оказывается проблемой человеческой свободы и ответственности перед неизбежностью бытия» (с. 208).

Категория исповеди оказывается одним из важнейших концептов авторской аксиологии, осмысливается в контексте религиозной традиции, религиозной философии искусства, становится «прорывом к единению» и взаимопониманию, условием преодоления одиночества, связанного с осознанием человеком собственной греховности. «Величайшая потребность современного человека (и не только современного) заключается в том, чтобы быть услышанным» (с. 219), – пишет М. С. Уваров, говоря о роли исповеди в религиозной практике и русском искусстве, утверждая, что «исповедь и мученичество – как любовь и разлука – проясняют суть многих трагических страниц нашей недавней истории» (с. 223).

Эти размышления об исповедальности русской культуры возвращают нас к проблеме понимания, заявленной на первых страницах книги: «Одним из важнейших аспектов коммуникативной поликультурности вступает умение слушать оппонента, не изымая из практики интеллектуального общения «чуждые» культурные парадигмы, умение ответить на критику и принять критику своей точки зрения как необходимую и продуктивную» (с. 13). Умение слушать и слышать оказывается на противоположном полюсе от идей (политических или научных), основывающихся на попытке монополизации истины, еще раз актуализируя оппозицию тоталитаризма/христианства.

Такая постановка проблемы выводит автора на уровень проникновения в сущность явлений, практически невероятный для современного рационализованного мышления, но легко обнаруживаемый на грани художественной практики и религиозной философии, потому что Уваров, конечно, религиозный философ в том глубоком и трагическом значении собственного пути познания смыслов бытия, принципиально далеком как от «механистичности»

сегодняшнего гуманитарного знания, так, по-видимому, и от институциональной рехристианизации России, от апологетики института церкви.

Книга, конечно, больше ставит вопросов, нежели дает ответов, но, видимо, и цель своей работы автор видит, вслед за Фуко, в том, чтобы «заново вопрошать очевидности и постулаты, сотрясать привычки и способы действия и мысли, рассеивать то, что принято в качестве известного, заново переоценивать правила и установления и, исходя из этой репроблематизации (где он отправляет свое специфическое ремесло интеллектуала), участвовать в формировании некоторой политической воли (где он выполняет свою роль гражданина)». Вот эта задача со страстной эмоциональной и интеллектуальной напряженностью и решается в тексте.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. М. Уваров. Бинарный архетип. – СПб., 1996; М. Уваров. Архитектоника исповедального слова. – СПб., 1998; М. Уваров. Поэтика Петербурга. – СПб., 2011 (Монография, получившая премию «Вторая Навигация» Санкт-Петербургского философского общества за 2011 г. в номинации «За лучшее исследование по философии 2010-2011 гг.»); М. Уваров, А. Щербаков. Наследие преподобного Иосифа Волоцкого в истории русской культуры. Монография. ФРГ, Lambert, 2012; М. Уваров. Советско-российский опыт семиотики повседневного // Вопросы культурологии. – 2007. – № 11. – С. 12-17; М. Уваров. Культурная коммуникация в эпоху глобализации // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. – Том 4: Культурная политика. – СПб.: Изд-во «Алетейя» 2008. – С. 379-388 и др.

Иванов А. А.

О ГРАНИЦАХ И ИЗБЫТОЧНОСТИ СУБЪЕКТА: РАЗМЫШЛЕНИЕ О VI РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ «ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ» (Санкт-Петербург, 29-31 октября 2013 года)

Иванов А. А.

A. A. Ivanov

**О ГРАНИЦАХ И ИЗБЫТОЧНОСТИ СУБЪЕКТА:
РАЗМЫШЛЕНИЕ О VI РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ
«ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ» (Санкт-Петербург, 29-31 октября 2013
года)**

**BOUNDARIES OF A SUBJECT AND ITS REDUNDANCY: REFLECTIONS ON THE
FOURTH RUSSIAN CONGRESS OF CULTURAL STUDIES “PERSONALITY IN THE
CULTURAL SPACE” (St.-Petersburg, October 29 – 31, 2013)**

Иванов Андрей Анатольевич – кандидат культурологии, старший научный сотрудник Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 85/7 – 138; 27-93-06. Email: larsandr@mail.ru.

Mr. Andrei A. Ivanov – PhD in Cultural Studies, Senior Researcher, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 85/7-138, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681035, Russia; phone: 27-93-06. Email: larsandr@mail.ru.

Антропологический подход, права человека, частная жизнь, целостная личность, индивидуализм, эгоизм, «будь самим собой» – слова, вырванные из разных контекстов современной действительности, но свидетельствующие об одной, видимо, важной и проблемной теме. Вопрос о «личности», «субъекте», «индивиде» стоит в основании современного общества, многих его институтов и ценностей, его конфликтов и динамики. Общество Модерна (или посттрадиционное, индустриальное общество) началось с выдвигания ценности автономного индивида, познающего себя и окружающий мир, действующего и строящего свою судьбу по своему собственному проекту. Сама концепция культуры в ее современном понимании появляется в это же время как программа самовращения и рафинирования субъективности, нацеленная на *tabula rasa* отдельного индивида независимо от его социального, географического или расового происхождения. Поэтому представляется закономерным и своевременным обращение Российского культурологического конгресса к понятию личности – носителя и субъекта культуры.

Рассмотрение особенностей взаимодействия личности и культуры в контексте современности позволяет обозначить проблемные аспекты той ситуации, в которой оказалось сегодня, уже в постиндустриальном мире, общество, провозгласившее ценности свободы и автономности индивида. Так, Н.А. Хренов в докладе «Личность как субъект коммуникативных процессов в культуре» говорил о противоречии между личностью как субъектом культуры и коммуникативными технологиями – продуктами цивилизации: технологии массовой коммуникации выводят коммуникативные процессы за пределы культуры, превращают субъекта в объект воздействия безличных институтов, порождают феномен отчуждения.

Б.В. Марков, рассуждая об опыте единства и одиночества через призму субъективности, затронул вопрос парадоксального развития идеологии индивидуализма в рамках массового общества. В самом деле, чтобы проявить свою уникальность, свое отличие от других, мы, как ни странно, обычно идем в супермаркет (в бутик, на рынок, на концерт) и потребляем вещи серийного производства, рекламируемые как эксклюзивные, сделанные «только для тебя». Автор различил одиночество атомизированных индивидов, никак не перекрываемое их совместным нахождением в общих местах (в том же супермаркете) и разрывающее социальную ткань, от уединения как позитивного условия самопознания и духовного творчества.

Самополагание индивида в современном обществе возможно только при условии саморефлексии, свободного и обдуманного выбора своей идентичности (что уже требует уединения), но именно условия современного массового общества всячески препятствуют этому.

Вопрос свободы идентичности неизбежно возникал на протяжении всего конгресса. Например, В.А. Конев в докладе «Модусы субъективности в культуре» утверждал, что на смену единому идеалу личностного развития в культуре пост-просвещения пришли свободно избираемые модусы субъективности (культурные представления, модусы чувственности, ценности). В отличие от содержательных характеристик универсального субъекта модусы субъективности создают условия для проявления индивида в конкретных действиях, провоцируют «индивидуальное поступание». Тогда ценой этой свободы может стать целостность индивида: предлагаемые на выбор модусы субъективного отношения и действия усиливают эффект «фрагментированного сознания» (Ю. Хабермас), которое принимает исходящее от общества многообразие ролей, но оказывается не способным интегрировать их в единую, непротиворечивую систему.

Противовесом тенденциям фрагментации сознания могут быть символические системы, воплощающие автономные субъективные миры, или, другими словами, индивидуальные варианты интеграции отношений и явлений социальной реальности. Эту роль в обществе Модерна выполняет художественная сфера, в частности, жанр биографии, ставший темой доклада С.Н. Иконниковой. По ее мнению, биография сегодня представляет актуальный и интересный объект для культурологических исследований как пример персонализированной истории, в которой воспроизводится диалог между особенностями духовного мира личности, другими людьми, культурой и историей. Именно в биографиях раскрывается сложность принятия волевых решений, обоснование целей и мотивов, поиск средств их реализации, комплекс надежд и разочарований. В фокусе биографических исследований оказывается духовный мир человека, его детерминированность культурой общества и символическими формами репрезентации внутреннего опыта.

Вопрос о субъекте-личности тесно связан с понятием Другого: субъект тот, кто отличает себя, свой внутренний мир от внешнего мира и предполагает в этом последнем наличие иной субъективности. Социальное взаимодействие, видимо, в любом случае предполагает социальное воображение, т.е. учет другого человека, его перспективы. В современных (модерновых) обществах это особенно важно, так как предписанные традиционной иерархией, унаследованные маркеры субъективности в коммуникации уступают место многообразию личностных особенностей. Вопрос об отношении субъективности к Другому затрагивался в целом ряде выступлений, посвященных проблемам межсубъектного и межкультурного взаимодействия.

Остановлюсь на докладе О.К. Румянцева «Абсолютная инаковость в человеке как призыв стать открытым», где под открытостью автор понимает открытость субъективности принципиально внекультурному, трансцендентному иному. Человеку изначально присуща способность выходить за свои пределы, быть неравным себе. Мы, с одной стороны, соотносим себя с социальным измерением – с другими людьми и обществом в целом; с другой – «я» не может быть полностью исчерпано совокупностью социальных ролей и отношений, «я» всегда подразумевает нечто за пределами социального статуса, будь то природная или сакральная детерминация. По мнению автора, в современном обществе присутствуют два типа отношения к открытости человека. Во-первых, успешное воспроизведение избыточности, обеспечивающее открытость горизонта жизненного мира на зрелых этапах онтогенеза («культурная ювенилизация»). Во-вторых, задержка и даже остановка развития на ранних этапах онтогенеза (детство, отрочество), что сопровождается сужением горизонта жизненного мира и его догматизацией («псевдоювенилизация»).

Вероятно, к последнему случаю автор отнес бы явление kidults – «взрослых детей», жителей современных больших городов от 20 до 35 лет, избегающих «взрослого» и «серьезного образа» жизни. Или так называемый игровой эскапизм, все более распространяющийся

Иванов А. А.

О ГРАНИЦАХ И ИЗБЫТОЧНОСТИ СУБЪЕКТА: РАЗМЫШЛЕНИЕ О VI РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ «ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ» (Санкт-Петербург, 29-31 октября 2013 года)

среди взрослого населения. Но я бы вспомнил другой случай, удачно описанный еще А.И. Герценом в «Былом и думах» и характеризующий людей, чья субъективность остается полностью в пределах общественных норм и, видимо, исчерпывается ими: «Они умно рассуждают, не отступая от данных; они еще умнее поступают, не сходя с торной дороги; они настоящие современники своего времени, своего общества. Все, что они говорят, – истинно, но они могли бы говорить что-нибудь другое; все, что они делают, – хорошо, но они могли бы делать что-нибудь иное. Они обыкновенно нравственны, но вам нечистая сила шепчет на ухо: “Да могут ли они быть безнравственны?”» Другими словами, «взрослость» как полное соответствие субъективности социальным нормам также может служить примером «псевдо-ювенилизации» – сужения кругозора и его догматизации.

Именно неисчерпаемость горизонтов личности, ее потенциальная избыточность, постоянное несовпадение с самим собою является источником социальных, технологических и художественных новаций в современном обществе. Именно на такие мысли меня подтолкнула тематика и содержание некоторых докладов прошедшего в Санкт-Петербурге IV Российского культурологического конгресса.

Иващенко Я. С.
Y. S. Ivaschenko

**ДИСКУССИОННАЯ ПЛАТФОРМА «КУЛЬТУРА РЕГИОНА,
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ»
ЧЕТВЕРТОГО РОССИЙСКОГО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА
«ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ»**

**«REGIONAL CULTURE, ETHNIC CULTURAL SPACE AND MULTICULTURALISM» –
A DISCUSSION PLATFORM AT THE FOURTH RUSSIAN CONGRESS OF CULTURAL
STUDIES: «PERSONALITY IN CULTURAL SPACE»**

Иващенко Яна Сергеевна – доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27; (4217) 24-11-57. E-mail: iva_ya@mail.ru.

Ms. Yana S. Ivaschenko – Doctor of Cultural Studies, Assistant Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; phone: + 7 (4217) 241157. E-mail: iva_ya@mail.ru.

Выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Хабаровского края, проект «Категории культуры тунгусо-маньчжуров»

Секция «Культура региона, этнокультурное пространство и мультикультурализм» Четвертого Российского культурологического конгресса стала пространством дискуссии по поводу, как минимум, двух важных вопросов региональной гуманитаристики: проблемы современной культурной идентичности в условиях глобализации и определение прикладного, социально значимого характера культурологических исследований.

Из названия дискуссионной платформы следует, что все рассуждения должны проходить в русле региональной культурологии. Это направление культурологических исследований развивалось в последние десятилетия XX в. на стыке таких фундаментальных гуманитарных наук и вспомогательных дисциплин как история, искусствоведение, историческая география, этнография, краеведение, топонимика, фольклористика, градоведение и др. В 1990-е гг. считалось, что охватить весь спектр проблем культуры региона по силам только новому направлению научного знания – культурологии¹.

Можно ли сегодня говорить о сложении региональной культурологии и существовании единства внутри этого направления, образованного единством проблематики, исследовательских задач, методологии? Как показало содержание выступлений участников культурологического конгресса, в исследовании региональной культуры еще ощутима склонность к той или иной научной парадигме, участвующей в становлении региональной культурологии.

Все поле секционной дискуссии разделяется на следующие тематические блоки и проблемы:

- феномен пограничья (пограничье как пространство интенсивного межкультурного взаимодействия, культурная идентичность в условиях пограничья, диффузия идентичности, образ пограничья, пластичность культурного пространства пограничья);

¹ Мастеница, Е. Н. Краеведение и региональная культурология: взаимосвязь и соотношение // Научно-методические проблемы подготовки специалистов в вузах культуры: тезисы выступлений на конференции преподавателей СПбГАК 20 апреля 1998. – СПб.: СПбГАК, 1998. – С. 22-26.

- социокультурная адаптация мигрантов (культурная фрагментация российского общества, межэтнические конфликты и способы их разрешения, замкнутость этнических групп и проблемы интеграции мигрантов из Средней Азии, роль образования в формировании этнической толерантности, этнокультурной компетенции и интеграции мигрантов в принимающее сообщество);

- региональный брендинг (геопозитика культурного пространства и создание территориальных мифов, стратегии социально-экономического и культурного развития регионов России, новые социокультурные функции сакральных ландшафтных пространств, памятных мест, жречества).

В ходе заседания неоднократно подчеркивалась эвристическая значимость культурологии в комплексном описании и анализе всех этих многообразных процессов и явлений культуры региона, однако в чем заключается культурологический анализ, каков его алгоритм и перечень конкретных методологических процедур, из содержания озвученных и стендовых докладов так и осталось неясным. На мой взгляд, в настоящее время можно говорить лишь об отдельных традициях в изучении региональной культуры, принятых в различных культурологических школах России. Проблемное поле каждой такой традиции определяется насущными потребностями конкретного региона, его геополитическим статусом и социокультурной спецификой.

Несмотря на пестроту проблематики и методологическую неопределенность, из содержания докладов очевидно следование, с одной стороны, этнологической парадигме, на базе которой развивалась теория межкультурной и межэтнической коммуникации, а с другой, – таким набирающим силу в начале первого десятилетия XXI в. трендам в изучении региональной культуры, как гуманитарная география (предполагающая анализ процессов создания и интерпретации культурой образов географического пространства) и герменевтика культурного ландшафта. Практическая значимость этих исследований представляется в создании на основе их проведения рекомендаций для образовательных структур, сферы туризма, PR-кампаний, миграционных служб и законодательства. Обозначенные сферы применения культурологических исследований образуют область гуманитарной технологии, значение которой видят в обеспечении социально-культурной адаптации и компетентности членов общества².

Были обозначены такие проблемные зоны России и приграничные территории, как российско-украинское пограничье, Байкальский регион (трансграничье Россия-Китай-Монголия), Новосибирская область (пограничье Россия-Казахстан), Северо-Кавказский федеральный округ, Абхазия. Их выделение, на мой взгляд, обусловлено географией участников конгресса. Сходные проблемы можно соотнести с любым регионом России. Вся Россия, как и множество других европейских государств, находится сегодня непрерывно в условиях «границы». Понятие «граница» в этом случае используется не в значении реального географического рубежа, ограничивающего ареал проживания конкретной группы людей, а как обозначение ситуации интенсивного межкультурного взаимодействия. Промежуточный итог этих событий на экзистенциальном уровне был обозначен как диффузия идентичности, обусловленная территориальной, языковой и социокультурной неопределенностью граждан. Примерами таких «затерянных» в географическом, языковом и культурном пространстве личностей выступают шилкинские хамниганы и русские старожилы Монголии, о судьбе которых говорилось на секционном заседании. Это примеры открытого к взаимодействию общества.

² Гончаров, А. С. Гуманитарные технологии в образовании и социальной сфере // Реальность этноса. Образование и гуманитарные технологии интеграции этнической, этнорегиональной и гражданской идентичности: материалы X Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 8 – 11 апреля 2008 г.) / под науч. ред. И.Л. Набока. В 2 ч. Ч. 1. – СПб.: Астерион, 2008. С. 19-25.

На современном этапе развития межкультурной коммуникации в России можно наблюдать и обратное явление, когда в качестве стратегии совместного проживания выбирается изоляция. Удивительную способность не интегрироваться в принимающее сообщество продемонстрировали выходцы из Средней Азии, а также абхазские курды, причем последние переселились на территорию Абхазии еще в советский период. Причин такого социального поведения может быть несколько. Как представляется, данные группы вышли из моноэтнических сообществ, поэтому они могут просто не иметь навыков межэтнического взаимодействия. При общем низком уровне образования мигрантов и языковом барьере, затрудняющего процессы социализации, в том числе в процессе обучения, приобрести их пока оказывается проблематичным. Эти социальные группы, как показали результаты социологических исследований, в настоящее время ограничиваются сферой бытового взаимодействия. Отсутствие возможностей вести полноценный диалог, выступать в качестве равноправного участника этого взаимодействия приводит к замкнутости и агрессивным настроениям.

В последнее время мигранты, согласно социологическим наблюдениям, приезжают в Россию уже не только в поисках работы, но и на постоянное местожительство. Ярким индикатором этого является факт прибытия мужчин вместе с женами и детьми, приобретение ими дешевой недвижимости. Высокая рождаемость в среде мигрантов при низком ее показателе у титульной группы говорит о том, что Россия должна безотлагательно решать эти проблемы на уровне образования, миграционной политики и законодательства. Это можно считать основным итогом рассуждений в рамках дискуссионной платформы «Культура региона, этнокультурное пространство и мультикультурализм».

Чабанюк Т. А.

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ. 212.082.05 ПРИ ФГБОУ ВПО «КОМСОМОЛЬСКИЙ-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Чабанюк Т. А.

T. A. Chabanyuk

**ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ. 212.092.05
ПРИ ФГБОУ ВПО «КОМСОМОЛЬСКИЙ-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**THESIS BOARD DM. 212.092.05 AT THE KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE
TECHNICAL UNIVERSITY: ITS PAST AND PRESENT**

Чабанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-4217-53-75-06. E-mail: tchabanyuk2010@yandex.ru

Ms. Tatiana A. Chabanyuk – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenin avenue, Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; phone: + 7 4217 537506. E-mail: tchabanyuk2010@yandex.ru

На базе Объединенного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ДМ 212.092.05, действовавшего в период с 19 марта 2010 г. при Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете, утвержденном Приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Министерства образования и науки Российской Федерации, от 14 октября 2013 г. учрежден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации новый Объединенный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ДМ.212.092.05 по специальности «Теория и история культуры» (культурология, философские науки, исторические науки).

В состав Объединенного совета вошли ведущие ученые городов Комсомольска-на-Амуре (ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»), Хабаровска (ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»), ФГБОУ ВПО «Хабаровский государственный институт искусств и культуры»).

Учреждению нового объединенного совета способствовали итоги работы предшествующих диссертационных советов.

Региональный диссертационный совет КМ. 212.092.02, утвержденный 18 апреля 2003 г. Высшей аттестационной комиссией от 18 апреля 2003 г., с полномочиями действия до 18 марта 2005 г. по научным специальностям 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология); 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки).

Итоги работы диссертационного совета: проведено с положительным решением защит диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальности «Теория и история культуры» (культурология) – 21; по специальности «Отечественная история» – 26. Всего проведено 47 защит.

Объединенный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций ДМ. 212.092.05.02 по научной специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология, философские науки) действовал при Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете с 19.03.2010 г. по апрель 2012 г.

Итоги работы диссертационного совета: проведено с положительным решением защит диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальности «Теория и история культуры (культурология)» – 19 (из них 1 – на соискание ученой степени доктора наук; философские науки – 5 (из них 1 – на соискание ученой степени доктора наук).

Всего проведено 24 защиты.

Тематика рассмотренных диссертационных исследований за время работы Регионального диссертационного совета по научной специальности 07.00.02 – Отечественная история.

В рамках специальности рассмотрены в исторической ретроспективе и в современной исторической ситуации такие актуальные и практически значимые проблемы Дальнего Востока России (ДВР), как формирование органов власти в городах Дальнего Востока (Н.В. Шелковникова); борьба республиканской и монархической тенденций в аспекте формирования нового типа власти (И.В. Швец); проблемы влияния китайской и корейской миграции на социально-экономическое развитие региона (С.А. Тесленко); проблемы демографической политики государства в отношении к ДВР (В.В. Свидерская); политики государства в области защиты детей (Л.В. Афанасьева), в том числе оставшихся без попечения родителей (А.Г. Филипова); проблемы молодежной политики на ДВР (Н.М. Платонова); история становления многопартийности на ДВР (Е.Ю. Иванова); история развития системы подготовки офицеров запаса (С.И. Карпов); подготовки кадров для дальневосточных пограничных органов (В.А. Ширяев); история становления Дальневосточного военного округа (В.В. Дятлов); история и формы деятельности федеральной налоговой полиции (Т.Н. Еременко); история создания оборонно-промышленного комплекса (С.В. Киреев); проблемы пограничной политики советского государства на ДВР (М.С. Хитин); деятельность охранной службы КВЖД (О.В. Вишняков); проблемы развития российско-китайских приграничных отношений (А.В. Фролов); становления военного образования (В.А. Ширяев, Н.В. Фомина); история и деятельность налоговой службы (Т.Н. Еременко); история отношений государства и православной церкви на ДВР (Т.И. Чурилина).

Ряд работ был посвящен исследованию истории культур коренных малочисленных народов, политике государства в их отношении (Т.А. Колпакова, А.В. Ахметова, А.И. Гореликов, О.В. Барзаковская); исследованию проблем использования труда заключенных на «сталинских стройках» (М.А. Кузьмина). В диссертационных исследованиях рассмотрены этапы становления художественного музея г. Хабаровска (С.Ю. Жук), проблемы становления художественной интеллигенции на ДВР (Д.В. Коба); территориальные гербы, символы и эмблемы Хабаровского края (А.А. Аксенов).

Исследования по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология) были определены феноменологическими и культурно-антропологическими аспектами исследования артефактов, явлений и процессов в русской культуре, а также изучением специфики региональной культуры, в том числе – культуры коренных малочисленных народов.

Работы были обращены к изучению конфессиональных (Н.И. Рябина) и региональных культур в аспектах мифологического сознания (Н.П. Рудь); семиотики нанайского жилища (Я.С. Иващенко); традиционной жизнедеятельности орочей (О.А. Ильшешевич); отношений церкви и государства (В.А. Доровская). В работах рассмотрены проблемы становления печати нового города, ее специфика (Т.В. Демидова); приграничье как феноменальный фактор развития культуры (А.А. Пылкова).

Ряд работ посвящен исследованию форм, явлений и универсалий культуры: плач как культурно-историческая универсалия (И.В. Конырева); костюм авангарда (А.И. Затулий); телесность и феноменология тела (Ант.А. Иванов); мифология русской интеллигенции (Анд.А. Иванов); авантюризм в русской культуре (И.Ю. Тимофеева).

Исследованию типа человека в культурно-историческом процессе посвящены работы В.Ю. Балахниной, Е.Г. Щекиной.

В диссертационных работах рассмотрены актуальные культурно-исторические проблемы дальневосточного региона России: специфика провинциального театра (Р.Р. Романов); молодежной субкультуры (О.А. Мизко); проблема дома и бездомности в современной культуре (Е.В. Холодилова); замысел и специфика реализации «Биробиджанского проекта» (Э.М. Владыкина); условия формирования культурных образов России и Японии (М.А. Царева).

Чабанюк Т. А.

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ. 212.082.05 ПРИ ФГБОУ ВПО «КОМСОМОЛЬСКИЙ-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Классическим проблемам теории и истории культуры посвящены работы Л.В. Воробец «Аксиологические основания массовой культуры», А.В. Севрюк «Психосемантика выражения чувства любви в русской ментальности».

Объединенный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций ДМ. 212.09.05 по научной специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология, философские науки).

В рамках направления подготовки «Культурология» продолжалась разработка актуальных тем, обращенных к классическим и региональным проблемам в феноменологическом, семиотическом и культурно-историческом аспектах. Были рассмотрены актуальные проблемы институционально-отраслевых структур (О.А. Ракова); мифологические и реальные аспекты построения нового территориального образования ЕАО (И.С. Бренер); проблемы взаимодействия культур и субкультур в региональном и межкультурном аспектах (Цуй Юн, О.В. Чибисова, О.В. Кохан); проблема культурных оснований толерантности народов Сахалина и Приамурья (В.А. Островерх); традиции и современные тенденции культуры воинского сословия Японии (А.В. Голомша); проблемы традиционного и современного состояния культуры, в частности, символической системы Китая (М.В. Сюй); проблемы коммуникативных стереотипов в межкультурном диалоге (О.В. Кохан); роль межкультурных коммуникаций в формировании экологической культуры личности (Е.В. Медеян) и др. Гендерные аспекты изучения культуры реализованы в работах С.В. Латиной и Н.А. Коноплевой.

Культурные формы, образы и символы в разных типах культуры рассмотрены в работах О.Н. Сова, О.Н. Бортнюк. Проблемы человека новой информационной культуры исследованы Е.М. Бурнаевой. Роль институтов культуры и исторически сложившегося образа города на примере г. Комсомольска-на-Амуре выявлены Е.Г. Галкиной, Ю.В. Черкасовой; формы и механизмы формирования агломерации, проблемы формирования единого социокультурного пространства (Комсомольск-на Амуре – Солнечный – Горный) исследованы И.В. Доровским.

Диссертационные работы по направлению исследования «Философия культуры» были обращены к решению таких актуальных феноменологических проблем, как эстетика движения в танце (Н.Ю. Степанова); предпосылки кризиса гуманизма в структуре бытия (А.В. Борзова); социокультурные основания гуманитарной экспертизы (А.А. Цыцарев); миф и образование как универсальные феномены культуры (Е.В. Савелова); аксиологические основания тоталитарной культуры (Л.Д. Чернышова).

СТАТЬИ

ИСТОРИЯ

Абабкова Н. Н. СТАНОВЛЕНИЕ АВАНГАРДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1985 – 1995-е гг. №-4

Ахметова А. В. ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЭТНОСОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (20-Е ГГ. XX ВЕКА) №-1

Бакшеева Е. Б. АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ КУРС СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 1958 — 1964 гг. В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР) №-3

Бахитов С. Б. ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В США XIX. №-3

Васильченко Э. А. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ В 20-30—Х ГОДАХ XX ВЕКА" №-2

Гальперин М. С. РЕФОРМА VS РЕВОЛЮЦИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ VS ИСКУССТВЕННЫЙ ПРОРЫВ №-1

Гореликов А. И. ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х ГГ. – 1960-Е ГГ.) №-2

Григорьев О. А. ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ (1991-2000 гг.) №-3

Дятлов В. В. СОВЕТСКАЯ АРТЕЛЛЕРИЯ В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ У ОЗЕРА ХАСАН №-4

Киба Д. В. РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ АТЭС №-1

Лемешко Ю. Г. ОХРАНА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КИТАЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ПО ПРОИЗВОДСТВУ НАРОДНОЙ КАРТИНЫ-НЯНЬХУА №-4

Петрунина Ж. В. ПОРТЫ ВАНИНО И СОВЕТСКАЯ ГАВАНЬ: ЕСТЬ ЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕВОЗОК №-2

Родригес А. М. ВАХХАБИТСКИЙ ФАКТОР В РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ №-3

Серёгичев С. Ю. ОТ ФИХ К НИФ: РАННИЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДАНСКИХ ИСЛАМИСТОВ №-1

Соусова Ю. И. ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПРИ ГЕНРИХЕ VII ТЮДОРЕ №-2

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Блинов Л. В., Недорезова В. Л. ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ №-3

Гранина Н. М. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИМИТАЦИОННОГО ТРЕНИНГА ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ОСНОВАМ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ №-2

Липовка Н. П., Токтарова Т. И. ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ ФОРМ И МЕТОДОВ ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА В РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА №-4

Матухно Е. В. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФИЗКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ №-2

Назаренко Н. В. КОДЕКС КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ МАГИСТРАТУРЫ ВУЗА №-1

Наливайко Т. Е., Гранина Н. М. ИНФОРМАЦИОННО-НАСЫЩЕННАЯ СРЕДА ВУЗА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ №-3

Наливайко Т. Е., Шинкорук М.В. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СИСТЕМЫ КРИТЕРИЕВ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ СФОРМИРОВАННОСТИ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ №-1

Племенюк М. Г. ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МОДУС КУЛЬТУРОЛОГИИ В ВЫСШЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ: ПОМНИТЬ ИЛИ ПОНИМАТЬ? №-2

Шутка В. А., Костюченко В. И. ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА НА ВОЕННЫХ КАФЕДРАХ ВУЗОВ №-4

Яремчук С. В. САМОПРИНЯТИЕ: ТИПОЛОГИЯ И СТРАТЕГИИ ДОСТИЖЕНИЯ №-4

ФИЛОЛОГИЯ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бабкина Е. С. ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ ДЕТСКОЙ ПЕРИОДИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА №-2

Бобрикова Ю. В. НАИМЕНОВАНИЯ ВНЕШНОСТИ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ №-2

Горобец О. Б. ПЕРЕКРЕСТНАЯ ОЦЕНКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ПАРТНЕРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ

Горобец О. Б., Кизиль А. А. КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ "УЧАСТНИК ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА" (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ФИЛИАЛА ЗАО "ГСС") №-3

СОТРУДНИКОВ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ФИЛИАЛА ЗАО ГСС) №-1

Макарова Е. Н. ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В США (К ПРОБЛЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО И МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ОБЩЕНИЯ) №- 4

Мальшева Н. В. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ №-3

Приходько В. К. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА С БАЗОВЫМ КОГНИТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ЛЮБОВЬ» В СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ №-4

Стеженская Л. В. УРОВНИ ПОНЯТИЯ ВЭНЬ В ТРАКТАТЕ ЛЮ СЕ «РЕЗНОЙ ДРАКОН ЛИТЕРАТУРНОЙ МЫСЛИ» №-1

Туркулец И. А. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ВОЛШЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМЕТЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА») №-1

ФИЛОЛОГИЯ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Шабашева Е. А. БИНАРНАЯ АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «КРАСНЫЙ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ №-1

Шушарина Г. А. КОНЦЕПТ «ПАТРИОТИЗМ» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЯ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ №-4

Шушарина Г. А. СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ МЕСТНЫХ СМИ №-2

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Докучаев И. И. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ Э. ГУССЕРЛЯ И ЭСТЕТИКА ДРУГОГО М.М. БАХТИНА №-1

Докучаев И. И. ШАР БЫТИЯ ПАРМЕНИДА И КРУГ ИСТОЛКОВАНИЯ Г.Г. ГАДАМЕРА №-2

Завалишин А. Ю. ДИСКУРС КАК ПРИНУЖДЕНИЕ №-3

- Маликова А. В.** ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ №-2
- Иванов А. А.** ОДЕРЖИМОСТЬ И ЭКЗОРЦИЗМ В КУЛЬТУРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ТРАНСГРЕССИЯ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ №-3
- Иванов А. А.** СИМВОЛИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ №-2
- Павленко А. А.** ТАНАТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ РОССИИ В РАБОТАХ А.В. ДЕМИЧЕВА №-4
- Пантюхина Т. В.** СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ №-3
- Савелова Е. В.** МИФ, РИТУАЛ И ИГРА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ №-1
- Тарануха Н. А.** МЕТОДИКА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ №-2
- Тарануха Н. А.** ОБЗОР И АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНЫХ ДОКЛАДОВ ООН О РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СТРАНАХ МИРА И НОВОЙ РОССИИ. ЧАСТЬ 1: ИНДЕКС РАЗВИТИЯ, ЕГО СМЫСЛИ МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ. ДОКЛАДЫ 2003-2004 №-3
- Филлипова А. В.** ИРОНИЯ В СТРУКТУРЕ «НЕСЧАСТНОГО СОЗНАНИЯ» У Г. ГЕГЕЛЯ. №-1
- Чебанюк Т. А.** СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМЕ ПРЕДМЕТНОГО СТАТУСА КУЛЬТУРОЛОГИИ №-4
- Шибико О. С.** КУЛЬТУРНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЯПОНИИ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ №-4

ПОЛИТОЛОГИЯ И ПРАВО

- Барей Н. С.** СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДАКТИЛОСКОПИИ (ПЕРВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ДАКТИЛОСКОПИИ В РОССИИ) №-4
- Бляхер П. Л., Пегин Н. А.** РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ СООБЩЕСТВА И КЛЕРИКАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСА ВЛАСТИ №-1
- Дорохов В. Ж.** НАРУШЕНИЕ СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ЗАКОННОСТИ В СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ 1953-1968 ГГ. №-3
- Жердев П. А.** НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОДДЕЛКИ ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО НОМЕРА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА, СОВЕРШЕННЫХ В ЦЕЛЯХ ЭКСПЛУАТАЦИИ ИЛИ СБЫТА" №-2
- Ким С. С.** НЕОБХОДИМОСТЬ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ В СУДЕ И ЕЁ ОТЛИЧИЕ ОТ СЛЕДСТВЕННОГО (СУДЕБНОГО) ЭКСПЕРИМЕНТА №-4
- Мерецкий Н. Е.** ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ НАСИЛИЯ, СОВЕРШАЕМОГО В СЕМЬЕ №-1
- Степанов М. Е.** ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИЕ КОМБИНАЦИИ В РАСКРЫТИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ, СКРЫТЫХ ИНСЦЕНИРОВКАМИ №-2
- Тощева А. В.** КОММУНИКАЦИОННЫЙ РЕСУРС В ПОЛИТИКЕ №-3
- Шурухнов Н. Г., Корочкина А. И.** СУДЬБА АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ОРГАНИЗАЦИЙ-БАНКРОТОВ (ПО СИТУАЦИИ ОАО «ТУЛАУГОЛЬ») №-1

ЭКОНОМИКА

- Акулов А. О.** ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ НЕОДНОРОДНОЙ ЭКОНОМИКИ №-3
- Бондаренко О. В.** ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ В ФОРМАТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА №-3

Королёва О. В. АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРУКТУР ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ТИПА НА ОСНОВЕ ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА №-1

Ларченко Ю. Г., Тришина А. В., Чигрина А. Ю. КЕЙРЕЦУ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВИД МЕЖОРГАНИЗАЦИОННОЙ СЕТИ №-1

Ли Лиминь, Третьяков М. М. СОЗДАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ КАК СТРАТЕГИЯ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УСЛУГ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КНР) №-3

Липовка Н. П. РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТОРГОВЛИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОВОВВЕДЕНИЙ №-2

Листопадова Е. В. СИСТЕМА МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ РЕСУРС: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ №-4

Макурин И. В. ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ ФОРМАТОВ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ №-1

Мерецкая М. Н. ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА СНИЖЕНИЕ РИСКОВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ №-1

Несмачных О. В. ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КЛАСТЕРА НА ОСНОВЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА №-4

Пиньковецкая Ю. С. МЕТОДИКА АНАЛИЗА РОЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР В ЭКОНОМИКЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ №-2

Солнышкина И. В. ОЦЕНКА И АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОЙ ФОРМЫ ТОРГОВЛИ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ №-2

Третьяков М. М., Ивлев Г. С. АНАЛИЗ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ РЫНКА БРОКЕРСКИХ УСЛУГ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ №-4

Усанов И. Г. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ БИЗНЕСА №-3

Усанов Г. И., Чернышкина Т. В. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕГИОНА №-4

Яковлева Т. А., Кудрякова Н. В. КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ №-2

РЕЦЕНЗИИ, ПОЛЕМИКА, ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Брейтман А.С. ПОСТМОДЕРНИЗМ: НАЧАЛО КОНЦА ИЛИ КОНЕЦ НАЧАЛА? №-2

Бренер И. С. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ПЛАН ФУГУ» МАРВИНА ТОКАЕРА И МЭРИ СВАРЦ. НЕРАССКАЗАННАЯ ИСТОРИЯ О ЯПОНЦАХ И ЕВРЕЯХ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ №-1

Докучаев И. И. ПАМЯТИ ФИЛОСОФА И ДРУГА. УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ВЯЧЕСЛАВ АРКАДЬЕВИЧ САКУТИН №-1

Егурнова А. А. АНДРЕЕВ В. И. ТОЛГЕНИЗМ - ТАЛАНТЫ И ГЕНИИ. ФОРМУЛА УСПЕХА: ЧЕСТНОСТЬ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ. ОПИСАНИЕ ОБУЧАЮЩЕЙСЯ ОРГАНИЗАЦИИ. - СПБ.: ДРЕВО ЖИЗНИ, 2012 - 128 С. №-4

Егурнова А. А. ПЕТРУНИНА Ж.В., КИРЕЕВ А.А., КУЗЬМИН А.Ю. СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2012. – 120 С №-2

Иванов А. А. О ГРАНИЦАХ И ИЗБЫТОЧНОСТИ СУБЪЕКТА: РАЗМЫШЛЕНИЕ vi О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ "ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ" (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 29-31 ОКТЯБРЯ 2013 ГОДА) №-4

Ивашенко Я. С. ДИСКУССИОННАЯ ПЛАТФОРМА "КУЛЬТУРА РЕГИОНА, ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ" IV КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ "ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ" (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 29-31 ОКТЯБРЯ 2013 ГОДА) №-4

- Иващенко Я. С.** КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭЗОТЕРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК» №-3
- Иващенко Я. С.** XV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "РЕАЛЬНОСТЬ ЭТНОСА" №-3
- Костюрина Н. Ю.** М.С. УВАРОВ «ТРЕТЬЯ ПРИРОДА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ».- СПБ.: ИЗД-ВО С.-ПЕТЕРЬ. УН-ТА, 2012. – 252 С. №-4
- Чабанюк Т.А.** ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ.212.092.05 ПРИ ФГБОУ ВПО "КОМ": ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ №-4
- Чибисова О. В.** ГАЛЫПЕРИН М.С. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2012. – 71 С. №-2
- Чибисова О.В.** V МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ №-3
- Шунейко А. А.** ВЯЧЕСЛАВ АРКАДЬЕВИЧ САКУТИН №-1
- Шунейко А. А.** ИВАНОВ А.А. МИФОЛОГИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛЕГЕНЦИИ: МОНОГРАФИЯ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2013. – 145 С №-3
- Шунейко А. А.** ИВАЩЕНКО Я.С. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРОВ: СИСТЕМНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ - СПБ.: АСТЕРИОН, 2011. - 462 С №-3
- Шунейко А. А.** МАРВИН ТОКАЕР И МЭРИ СВАРЦ №-1
- Шунейко А. А.** ПЕНЬКОВСКИЙ А.Б. ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ. – М.: «ЗНАК», 2012. – 660 С. – (КЛАССИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ) №-2
- Шунейко А. А.** ПОСТМОДЕРНИЗМ: ТОЧКА ВМЕСТО ТЕКСТА №3
- Шунейко А. А.** СЕРЕБРЯНАЯ И. Б. ФОНЕТИКО-ОФРОЭПИЧЕСКИЕ И АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ В РУССКОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1-Й ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА. МОНОГРАФИЯ. – КАЗАНЬ: «ОТЕЧЕСТВО», 2013. – 142 С. №- 4